

SHADOWS OVER
INNISTRAD
COLLECTED STORIES

1. ПОД СЕРЕБРЯНОЙ ЛУНОЙ.....	3
2. ПУСТОЙ И БЕЗЖАЛОСТНЫЙ ВЗГЛЯД.....	27
3. ХОЛОДНЫЙ ПРИЁМ	57
4. ЖЕРТВА	73
5. ЗАГАДКА ПОМЕСТЬЯ МАРКОВЫХ.....	103
6. ХРАМ НА КЛАДБИЩЕ КОРАБЛЕЙ	115
7. ОБЕЩАНИЯ СТАРЫЕ И НОВЫЕ.....	133
8. ВОЗМУЩЕНИЕ ЛИЛИАНЫ	148
9. ИГРЫ	165
10. ИНКВИЗИЦИЯ ЛУНАРХОВ	178
11. ИСТОРИИ И ОКОНЧАНИЯ.....	195
12. Я - АВАЦИНА.....	213

ПОД СЕРЕБРЯНОЙ ЛУНОЙ

BY KIMBERLY J. KREINES

Халана и Алена — охотницы, следопыты и защитницы, живущие в глубине окаймляющего провинцию Кессиг темного леса: Уленвальда. Древний лес Иннистрада — их вотчина, и они оберегают невинных жителей от обитающих в лесу чудовищ. Но в последнее время лесные твари начали меняться...

— Знаете это чувство? Когда по тебе словно кто-то ползет? — фермер Уорин стоял перед длинным столом, за которым сидели старейшины, а рядом стояла его полная и большеглазая жена. Оба они повернулись к старейшинам спиной и обращались к жителям Гастафа, собравшимся в тесном приходском доме. Халана слушала их речь с ближайшей к двери скамьи, где они уселись вместе с Аленой.

— Словно жук забирается вверх по шее! — Уорина передернуло от отвращения. — От лопаток и прямо к затылку.

Иллюстрация: [Нильс Хамм](#)

Было странно, что он заговорил об этом чувстве именно сегодня. До сегодняшнего утра Халана никогда о таком не слышала и не думала даже, что это возможно. Но проснувшись, она почувствовала как раз такую щекотку в

задней части шеи, будто кто-то лез по ней вверх. Ей стало не по себе — что само уже было весьма удивительно. Ощущение не оставило ее и тогда, когда она вылезла из своей постели в лагере, и оставалось с ней до самого города. Тот факт, что кто-то еще заговорил о нем в тот же день, когда Халана с ним познакомилась, был настолько странным, что ощущение нахлынуло на нее вновь. Она еле удержалась, чтобы не дернуться самой.

— Оно настолько настоящее, что поневоле хочется проверить, нет ли там кого на самом деле, понимаете? — фермер Уорин яростно чесал шею. Наблюдая за ним, Хал поняла, что делает то же самое. Отдернув руки, она вцепилась ими в собственные колени. — Кто-то страшный может залезть тебе под кожу, а ты и не узнаешь!

Горожане вертелись на лавках и чесались вместе с фермером Уорином.

— Да, да, — старейшина Кольман махнул толстой рукой, словно отгоняя муху.

— Мы все знаем, что это за чувство, Уорин, но для чего ты рассказываешь о нем совету?

— Для всего! Фермер Уорин вновь повернулся к совету, взглянув на одиннадцать старейшин. Двенадцатое место пустовало: старейшина Сомлон второй день проводила посмертные ритуалы, чтобы упокоить почтенную госпожу Мари Благословенным Сном. — Это ползучее ощущение означает, что я прав!

— Прав в чем, Уорин? — поинтересовался старейшина Кольман.

— Выкладывай уже! — вскричал старейшина Глатер.

— В нашу корову вселился злой дух! — жена Уорина больше не могла сдерживаться. — Она взбесилась! Посреди ночи! И сожрала вторую. Только сначала проволочка по всему пастбищу. Я сама видела следы! Бедняжка, должно быть, так мучилась... А потом бешеная животина ее слопала. Одни кости да зубы остались!

Среди толпы горожан слышались изумленные вздохи.

— И откуда ты знаешь, что это первая корова съела вторую? — спросил старейшина Кольман, неумело изображая терпение.

— Так у нее с утра вся морда в крови была!

Снова вздохи.

Хал посмотрела на Алену. Девушкам не нужны были слова. Обе знали, что ферма Уорина стояла на отшибе. Обе знали, что к ней вплотную подступает лес Уленвальд. И обе знали, что за твари недавно вновь подняли голову в их

лесу. За последние две недели и Алена, и Хал каждая убили по три ликантропа, а прошлой ночью вместе разделались с целой стаей — небольшой, но определенно стаей. Но все это было слишком далеко от Гастафа, чтобы вызывать опасения. Хал шла на услышанный вой до середины Тайных Троп, а Алена свои трофеи добыла на Болтливых холмах. Но теперь они взглянули друг на друга, понимая, что твари, похоже, набрались наглости и подбираются к кромке леса, к городам, к людям. Это было недопустимо. Уленвальд был вотчиной Алены и Хал, и они не позволят чудовищам выбираться из леса, чтобы нападать на беззащитных горожан.

— Наши обереги! — вопли фермерской жены вновь привлекли внимание Хал к передней части зала. — Это она сделала наши негодные обереги! Обвиняющий перст женщины указывал на почтенную госпожу Эвелин. Та вскрикнула и схватилась за оберег, висящий на шее. — Она их сделала, а они нас подвели!

— Обереги тут ни при чем! — мужчина, сидевший рядом с госпожой Эвелин, вскочил на ее защиту. — Госпожа Эвелин делает лучшие и самые сильные обереги в нашем городе! Да что там в городе — во всей провинции!

— К порядку! — закричал старейшина Кольман, колотя толстой ладонью по столу старейшин. Но никто его не слушал.

— А как тогда в корову дух вселился, а? — с негодованием спросила жена Уорина. — Как она товарку по ферме таскала? Как кости обглодать смогла?

— Да! — крикнул кто-то из задних рядов.

— Обереги не сработали! — раздался другой голос.

— Конечно, обереги негодными оказались, вот в корову и вселился дух, — увидев, сколько горожан встало на его сторону, фермер Уорин, похоже, набрался смелости, чтобы заговорить. — Госпожа Эвелин работала спустя рукава, а мы теперь страдай! Он крепко вцепился в свой оберег, глазами ища поддержки у горожан и старейшин. — Еще одну ночь нам без хорошего оберега точно не продержаться.

Иллюстрация: [Кев Уолкер](#)

Толпа одобрительно зашумела.

Хал знала, что горожанам проще свалить все на негодные обереги. Сказать, что в корову вселился злой дух. Такие вещи они понимали. И знали, как их можно исправить. Такие вещи не нарушали хрупкое равновесие, по их мнению управляющее миром. Они жили совсем не в той реальности, что Хал и Алена. Горожане не видели, что творится во тьме, в лесах. Их мирок защищал свет ангела Авацины. Они верили, что твари вроде вервольфов им не грозят. Но даже в мире Авацины вервольфы были истреблены не до конца. Их стало гораздо меньше, но ликантропы в лесу Уленвальд были, есть и будут. Хал и Алена знали это, как никто другой. В самых дальних уголках леса леденящий душу вой ликантропов, эхом отражающийся от деревьев, не смолкал ни на миг.

Вспомнив об этом вое, Хал поежилась. Чувство, что кто-то ползет по ее шее, вернулось. Так вот что вызвало это ощущение в самый первый раз! Вой ликантропа. Сперва ей казалось, что этот звук ей приснился. Что случившееся той же ночью сражение со стаей нашло отзвук в ее снах. Уже давно им с Аленой не приходилось сходитья со стаей вервольфов. И уже давно не встречалось столько ликантропов за такое короткое время. Укладываясь спать, Хал все еще видела их оскаленные морды, напряженные мускулы, когтистые лапы. Так что она не удивилась, проснувшись с ощущением, что слышала вой.

Но теперь, глядя на выпученные глаза фермерской жены, она с волнением думала, что этот звук мог не родиться в ее голове, не остаться в памяти от

сновидения, а оказаться воем зверя из плоти и крови. Того самого зверя, что отважился пробраться в город и полакомиться скотиной Уоринов. Но больше ему такого не позволят. — Идем? — одними губами Хал предложила Алене.

Лицо Алены засияло, она уже жила предвкушением охоты.

Они поднялись вместе. Пальцы Хал дрожали от нетерпения, она потянулась к ручке ближайшей двери — и вдруг эта дверь резко распахнулась.

В приходской дом вбежали трактирщик Шоран и его жена Эльза.

— Бейте в набат! — закричала трактирщица.

— Она умерла, — проговорил трактирщик.

— Она мертва! — вторила Эльза. — Он убил ее!

Все старания старейшины Кольмана призвать горожан к порядку пошли прахом. Люди вскочили со своих мест, взвыли и заголосили.

— Бедняжка! — причитала Эльза. — Крови было целое море! Не представляю, что он делал с ее телом. Я ведь знала, что он — нечестивый и злой человек. Знала, как только он зашел в нашу таверну, как только пришел в город.

— Пелтеры, — прошептала Хал Алене.

Алена согласно кивнула.

Было очевидно, что жертва и подозреваемый — чета Пелтеров из Гевоны. Они были единственными постояльцами таверны — единственными постояльцами за последние три месяца. Хал и Алена встретили катара и его жену около недели назад в чаще Уленвальда, близ Тайных Троп. Конечно же, охотницы помогли им, и конечно же, они вывели их из темного леса в Гастаф — по дороге сразившись с тремя волками, одним упырем и одним ожившим дубом.

Иллюстрация: [Джейми Джонс](#)

Хал улыбнулась, вспомнив, как Алена расправилась с деревом. За последний год умелая следопытка научилась обращаться с крюком так, что Хал не удивилась бы, если бы та в одиночку сумела бы справиться с гигантским скаабом.

Пелтеры горячо поблагодарили Хал и Алену... вернее, господин Пелтер — его жена была так напугана ужасами леса, что лишь старалась поглубже спрятаться под капюшон своего дорожного плаща. Господин Пелтер, объяснивший, что служит катаром у совета лунархов, настоял на том, чтобы девушки приняли в знак благодарности его защитный амулет. Он утверждал, что тот много раз помогал ему, когда он нес караул у мавзолея. Хал и Алена приняли дар и вежливо поблагодарили катара, но для них в амулете не было большой ценности — они считали, что подобные вещи им не нужны, пока они присматривают друг за другом.

— Бейте в набат! — снова вскрикнула жена трактирщика. — По городу разгуливает убийца!

Хал с трудом представляла себе любого из Пелтеров в роли убийцы. Катар был добрым человеком, а его супруга — любезной и хрупкой женщиной. Может быть, и она стала жертвой ликантропа? По всему выходило, что так.

— Пойдем, — шепнула Алена, показывая на дверь, проход к которой был теперь свободен. Чета трактирщиков переместилась в центр зала, и горожане столпились вокруг них, жадно выпытывая все подробности кровавого происшествия.

Хал и Алена ловко протиснулись через толпу, не привлекая внимания. Они отлично умели передвигаться бесшумно и проворно выскользнули за дверь, оказавшись на мощеной улице.

— Значит, он... — начала Хал.

— Или они, — заметила Алена.

— Да, или они, — поправилась Хал. — Это могла быть работа целой стаи. Очередной стаи... — задумчиво произнесла она. — Значит, две стаи за одну ночь, совсем близко друг от друга. Давненько такого не случалось. Она взглянула на Алену, но та сосредоточенно глядела вперед, осматривая дорогу. — Как бы то ни было, — продолжила Хал, — один ликантроп или целая стая не меньше двух раз за прошлую ночь нападали на жертвы в пределах Гастафа. Сначала на корову на ферме Уоринов...

— А потом на госпожу Пелтер в таверне Шоранов.

Хал резко остановилась, и ее рука взлетела, чтобы прикрыть раскрывшийся рот. Картина в ее голове сложилась.

— В чем дело? — спросила Алена, обернувшись.

— Пожалуй, это и вправду поразительно, — Хал нагнала ее быстрым шагом, — но несмотря на то, что насчет одержимой коровы горожане ошибаются, они точно определили виновника смерти госпожи Пелтер.

Алена вопросительно наклонила голову.

— В таверне, — повторила Хал Алене ее собственные слова.

— В таверне... — произнесла Алена. Подруга видела в ее глазах, как проносятся в голове мысли. — В комнате Пелтеров... за запертой дверью.

— И никто не сказал о выбитой двери или разбитом окне, — закончила Хал.

Они одновременно повернули и побежали к таверне Шоранов.

Звон колокола продолжался — так долго, что уже вряд ли мог служить тревогой.

[Деревенский Звонарь](#) | Иллюстрация: [Дэвид Палумбо](#)

Судя по звуку, Хал предположила, что веревкой завладела сама Эльза Шоран, очевидно, вырвав ее из рук бедолаги-звонаря. Если это и вправду было так, то это даже к лучшему: старейшинам придется отбирать веревку у взбалмошной трактирщицы, а у Хал и Алены будет больше времени на обыск комнаты Пелтеров.

Они миновали стойку в вестибюле и крадучись пошли по коридору. Хал головой показала на единственную из дверей, которая была приоткрыта. Видимо, пулей вылетевшим с места преступления трактирщику и его жене было не до этого. Хал зашла в комнату первой, Алена — за ней. Дверь они не сдвинули ни на волосок.

Хал сразу же ударил в нос металлический запах крови. — Сюда, — прошептала она, огибая перевернутый стул в прихожей и направляясь в скудно освещенную спальню. Она чувствовала, как напряжена Алена. Свечи были погашены, а шторы закрыты, но им хватало света, чтобы разглядеть на полу лужу темной крови. Хал знала, что напряжена Алена не от страха. Это была не та девушка, что пугается вида крови. Напряжение помогало ей обострить чувства. Наблюдая за Аленой, Хал многое узнала о собственных навыках следопытки. Сейчас она делала то же самое: замирала, чтобы лучше воспринимать находящиеся вокруг улики. Глядя на широкую темную лужу, она задумалась о слабой женщине, которой принадлежала эта кровь. Хал разрешила разуму задержаться на этой мысли лишь на мгновение, и в это мгновение она позволила себе боль и жалость к несчастной. Госпожа Пелтер была невинной жертвой, расставшейся с жизнью в руках того, кому она так доверяла. Хал кинула взгляд на Алену. Какими ужасными, должно быть, стали

эти моменты. Каким кошмарным — понимание. Но ей нельзя было переживать слишком долго. Это вряд ли бы помогло в том, что предстояло сделать.

Осторожно, чтобы не задеть ни капли крови, Хал обошла небольшую квадратную комнату по часовой стрелке. Алена двигалась в противоположном направлении. Они сразу заметили три улики: оторванный клочок кружевной ткани, опрокинутую свечку в луже застывшего воска и серебряную пуговицу. Именно пуговица привлекла внимание Хал. Когда, закончив обход, она встретилась с Аленой, то показала ей на свою находку, лежащую на полу у лужи крови. — Скажи мне, что я ошибаюсь, — начала она, — но мне кажется, что когда мы встретили катара Пелтера в лесу, то на нем был зеленый жилет с тремя вот такими вот пуговицами.

Лицо Алены было мрачным: — Боюсь, что память у тебя как всегда точная.

— Значит, это правда, — сказала Хал. — Он трансформировался в этой комнате. Убил жену и сбежал в лес, по пути подкрепившись на ферме Уоринов.

— Похоже на то, — ответила Алена. Но по ее тону Хал поняла, что подруга не до конца уверена в этом.

— В чем дело? — спросила она. — Что ты заметила?

Алена показала на черную лужу: — Я все удивляюсь: на полу столько крови, но где же кости? Где куски мяса, где волосы и одежда — все то, что не стал бы есть зверь?

Хал сделала шаг назад, окинув всю комнату свежим взглядом. Алена задавала важный вопрос. Но прежде чем разум Хал смог найти подходящий ответ, кое-что еще привлекло ее внимание. Дверь шкафа за спиной Алены приоткрылась — всего чуть-чуть, но Хал успела заметить, что было внутри. Ее сердце заколотилось. Алена сразу же заметила это. Ее брови вопросительно поднялись, и она обернулась, чтобы посмотреть. Долгое мгновение они стояли молча. В шкафу был стул. Это был обычный стул, если не считать того, что он находился в шкафу. Одного этого хватило бы, чтобы забеспокоиться, но сердце охотницы забило совсем по другой причине. Со стула свешивались кожаные полосы и ремни самой разной длины. Их было больше дюжины, и все они были измочалены и изорваны. На сиденье стула лежал один замок, на полу еще два.

— Что ж, теперь все ясно, — сказала Алена.

— Он знал, — отозвалась Хал.

— Конечно, знал, — в голосе Алены была решимость. — Мы должны остановить его. Нам нужно...

Она не успела закончить фразу, потому что Хал одним быстрым движением обхватила ее за торс и потянула, увлекая в тени. Они замерли, не издавая ни звука. Охотницы достигли такого мастерства в маскировке, что автоматически начали дышать в унисон, так медленно и неглубоко, что даже самое острое ухо вряд ли смогло бы их услышать.

Стояла тишина — и именно это встревожило Хал. Больше не было слышно громкого трезвона, еще мгновение назад раздававшегося с колокольни. Звон набата стих. А это значит, что началось расследование убийства. Топот шагов и приглушенные голоса подтвердили ее опасения. Горожане направлялись на место преступления — в ту самую комнату, где спрятались в углу Хал и Алена.

Скрип двери таверны дал понять, что путем, которым они пришли, уйти охотницы уже не смогут — по крайней мере, не поднимая подозрений. Они старались как можно реже сталкиваться с горожанами. Жители Гастафа терпели девушек. Когда те приходили в город, гастафцы позволяли им остаться, потому что Хал и Алена помогали и горожанам, и их гостям путешествовать через Уленвальд. Но в то же время они знали, что следопытки живут в диком лесу — и поэтому считали их чужаками. На них косо смотрели, шептались за их спиной, а проходя мимо, бормотали молитвы. Стоя рядом с жителями города, Хал чувствовала в их запахе страх и неприязнь. Если их застанут на месте убийства, ничего хорошего из этого не выйдет.

Алена кивнула на окно в задней части спальни — то, что выходило в переулок. Идеально. Хал улыбнулась, понимая, что быстрый ум и ловкость Алены могут вытащить их из любой ситуации. По пути к окну она тихо и осторожно закрыла дверь шкафа. Горожанам незачем было видеть то, что их напугало и расстроило бы. Если бы в городе хотя бы заподозрили, что где-то рядом ликантроп, поднялась бы паника, а в этом не было смысла. Гастафцам не нужно было считать себя дичью, потому что это было не так. Хал и Алена позаботятся об этом. Они защитят невиновных. Их долг — истреблять опасности Уленвальда. Так они и сделают.

Они открыли окно одновременно с тем, как с грохотом распахнулась дверь в прихожую. Скрип дерева по дереву, когда окно закрывалось, заглушил топот тяжелых башмаков и перекрикивающие друг друга голоса — старейшины и горожане заполонили комнату. Никто не заметил, как Хал и Алена спустились на камни переулочка и скрылись прочь.

У них было мало времени. Солнце уже подбиралось к горизонту, когда охотницы пришли в свой лагерь в чаще Уленвальда. Каждая быстро, но тщательно собрала свое серебро. Конечно, по серебряному клинку они носили всегда — глупо было бы ходить совсем без подготовки. Но до недавних событий казалось, что большего не требовалось. Теперь же каждая следопытка взяла с собой почти весь арсенал: стрелы с серебряными наконечниками, серебряный меч, копье и кинжал. От металла исходило сияние могущества.

[Посеребрённый Кинжал](#) | Иллюстрация: [Остин Хсу](#)

Снарядившись, подруги покинули лагерь. Двигаясь в унисон, они прошли через лабиринт колючих кустов, для защиты выращенных Хал вокруг их лесного дома, и отправились в темнеющий лес.

Алена первой взяла след катара Пелтера. Она часто находила запах раньше спутницы. Ее маленький с круглым кончиком нос, придававший, когда она смеялась, удивительно светлое выражение лицу, на самом деле был весьма чутким и разборчивым, а мастерство — отточенным до предела. Несколько мгновений спустя запах из комнаты таверны почуяла и Хал — и сразу увидела отпечатки башмаков. Вместе они пошли по следу убийцы-ликантропа.

Следы плутали вокруг изогнутых деревьев. То ли катар заблудился, то ли, что вероятнее, боролся сам с собой, с жившим внутри зверем. Хал подумала, что такая же внутренняя борьба заставила его оставить свою прежнюю жизнь и покинуть Гевону. Должно быть, он убивал там. И скорее всего, не один раз. Когда он понял, какие ужасные вещи совершал, то не смог смотреть в глаза людям, чью жизнь он разрушил. Так что он бежал. Это было вполне обычным

поведением. Для ликантропа — обычным. Но вот что было необычным, так это то, что он взял с собой жену. Бедная женщина. Хал было сложно соотнести такое зверство со впечатлением, которое произвел на нее господин Пелтер, когда они впервые повстречали катара с женой в лесу. Он показался ей добрым и сострадательным человеком, так что охотнице хотелось верить, что изначально он не желал зла. Быть может, он хотел оставить жену в безопасном новом городе, где на нее не будут подозрительно коситься из-за его деяний. Там, где однажды она могла бы начать все сначала и обрести счастье. Быть может, после этого он собирался уйти далеко в лес... или принять более решительные меры. Хал задумалась, что сделала бы она сама, если бы — она даже не хотела думать об этом — если бы на нее пало проклятье. Она не стала бы, не смогла бы подвергнуть Алену опасности. Она бы ушла. У нее не было бы другого выбора, кроме как уйти далеко-далеко. И она бы сделала это, даже зная, что ее разбитое сердце не исцелится уже никогда. Может быть, сердце и вовсе перестало бы биться, не выдержав разлуки. Каким бы облегчением это стало! И если именно это собирался сделать Пелтер, то Хал испытывала к нему лишь глубочайшую симпатию. Испытывала до тех пор, пока не подумала о крови госпожи Пелтер, разлившейся по полу. Какими бы ни были намерения Пелтера, он подвел женщину, которую любил. Он оказался недостаточно силен, и его неудача стала для нее смертельной.

Словно отвечая на смену чувств Хал, следы тоже изменились. Место трансформации было хорошо заметно: Хал и Алена шли по отпечаткам башмаков, и вдруг их сменили следы лап зверя. Путь ликантропа продолжался, пока вдруг, совершенно неожиданно, они не вышли на перекресток. Охотницы глядели на расходящуюся цепочку следов, хорошо видную под светом серебряной луны.

[Параселена](#) | Иллюстрация: [Райен Йи](#)

От того места, где они стояли, следы Пелтера вели в двух разных направлениях. Очевидно, катар пошел в одну сторону, а потом — далеко ли, близко ли — вернулся по следам и пошел в другую.

— На восток — в Гастаф, на запад — в чащу леса, — сказала Алена. — Похоже, нашего зверя разрывали противоречия.

Хал кивнула. Ее уже не удивляло, когда Алена высказала ее же собственные мысли, хотя она ничего не говорила вслух. — Итак, — сказала Хал, — куда же он пошел сначала? Где он сейчас?

— Позволил ли он своим хищным желаниям повести его в город, а потом пересилил себя и вернулся? — Алена посмотрела в лес.

— Или он боролся, но потом все же поддался желаниям и направился в город? — Хал взглянула в сторону Гастафа.

— Нам нужно... — начала Алена.

— Бежать в город, — закончила за нее Хал.

И они побежали.

Из Уленвальда следы вышли на границу фермы Уоринов. Это было неудивительно. Ликантропы часто возвращались на охотничьи угодья, где в прошлом им улыбалась удача. Но этой ночью Пелтер не успел тут никого съесть — по крайней мере, сейчас. Свидетельством этому была уцелевшая корова Уоринов: она стояла у дальней кромки поля, задом к хорошо видимым

под лунным светом следам на пастбище. Они были точно такими, как рассказывала фермерская жена: глубокими и изогнутыми — тяжелую тушу кругами таскали по высокой траве, приминая стебли. Бедное животное.

Хал прошла по следам, повторяя путь ликантропа. Для зверя это были весьма необычные действия. Почему он просто не сожрал свою добычу? Быть может, даже тогда он боролся со своими темными желаниями? В голове у Хал начала вырисовываться картина — образ того, кем был катар Пелтер. Это был хороший, добрый человек, слуга церкви. Его намерения были чисты, но разум оказался затуманен.

— Я совсем не чувствую его запаха, — слова Алены вернули охотницу в реальность. Вместе с подругой занявшись поисками следа ликантропа, она напомнила себе, что намерения — ничто без действий. Им с Аленой придется прикончить вервольфа.

— Убийство! Произошло убийство! — раздался в ночи вопль Эльзы Шоран. — Это звонарь! Наш бедный Орвелл мертв!

Вновь забил набат. Веревку, конечно же, опять дергала сама госпожа Эльза.

Алена и Хал не теряли времени. Голос госпожи Эльзы еще не успел утихнуть, а они уже двумя неслышными тенями скользили в ночи. Скрываясь во мраке, они подобрались к толпе горожан, собравшихся у колокольни. Осторожно и бесшумно вытянувшись, они за морем плеч и голов разглядели у подножия башни лужу темной крови. Сомневаться не приходилось. Картина была точно такой же. Это было дело рук Пелтера. Ликантроп вновь нанес удар.

Словно в подтверждение выводам Хал, из Уленвальда раздался вой. Не говоря ни слова, охотницы устремились к лесу. Но прежде городская площадь осталась позади, Хал оглянулась через плечо. Что-то на месте убийства было не так, что-то не давало ей покоя. Но у нее не было времени раздумывать над тем, что именно. Она вновь повернулась к деревьям. Шла охота.

Они зашли в лес через ферму Уоринов, вновь отыскав крупные волчьи следы. Девушки дошли по ним до того места, где они разделялись, на этот раз отправившись на запад, дальше в лес. Хал поняла, куда они вели. К стенам старого Авабрюка, потерянной столицы. Там собирались привидения и мародеры-вервольфы. Возможно, ей с Аленой придется встретиться не только с тем врагом, которого они преследовали. Не снижая скорости, Хал коснулась рукояти любимого кинжала. Она была готова защищать свой лес.

Лес | Иллюстрация: [Джеймс Пэйк](#)

Вдруг Алена подняла руку и резко остановилась. Хал чуть не налетела на нее, но все же успела затормозить. Она тоже заметила то, что заставило замереть подругу. На земле перед ними лежало тело звонаря. Орвелл был белым, как мел, и его кожа сморщилась. Из тела, на котором почти не было видно повреждений, была выпущена вся кровь. Руки и ноги звонаря были раскинуты, словно бы их аккуратно разложили. А вокруг трупа подлесок и трава были вытоптаны, будто по земле протащили что-то тяжелое.

Что-то было не так. Они не должны были найти труп. Зверь должен был сожрать его.

Глядя в оба, Хал и Алена осмотрели место — Алена обошла его по периметру, а Хал прошла путем, по которому что-то тащили. Она знала все заранее: форма пути, вид изгибов — все было точно так же, как знаки на пастбище Уоринов. Это не имело смысла. Что это было? Результат какого-то ритуала? Рисуя этот узор, Пелтер пытался побороть свой неутолимый голод? Что же за ликантроп им повстречался?

Хал посмотрела на Алену, чтобы задать ей этот вопрос, но та не отрываясь смотрела дальше в лес, на какой-то едва видимый в свете луны предмет. Подруга проследила ее взгляд и поняла. Это было второе тело. Подойдя, они увидели, что все то же, что было сделано со звонарем, сделали и с мастерицей оберегов, госпожой Эвелин. Ее конечности были раскинуты, трава вокруг вытоптана. А чуть дальше лежал труп старейшины Сомлон. Снова тот же узор на траве, так же расположенные руки и ноги.

— Старейшина Сомлон должна была... — начала Хал.

— Проводить посмертные ритуалы, — закончила Алена.

— Но кажется, что она к ним так и не приступила. Смотри. Хал указала на то, из-за чего у нее задрожали руки. Кружево на блузке старейшины Сомлон. Точно такое же, как тот обрывок, что они нашли в комнате Пелтеров в таверне. И из манжеты рукава был вырван кусок — как раз той формы, что была находка.

— Если в таверне убили старейшину Сомлон... — произнесла Алена.

— То кровь была ее, — сказала Хал.

— Что же тогда с госпожой Пелтер?

Знакомое ползучее ощущение вернулось к Хал, и на этот раз оно прошло от копчика до макушки. Вибрации от воя, раздавшегося в этот момент в ночном лесу, только усилили это чувство.

— И что же с госпожой Пелтер? — спросила Хал.

— Пожалуй, пора выяснить, — ответила Алена. Она устремилась на вой, и Хал последовала за ней.

На бегу Хал заметила, что параллельно с ними идет еще одна цепочка следов. Она сместилась в сторону, подбежав ближе. Это были следы башмаков. Башмаков господина Пелтера? И тогда что-то щелкнуло у Хал в голове.

— В чем дело, Хал? Даже за деревьями и на бегу Алена почувствовала, как в ней что-то переменялось.

— Момент трансформации... — мысли Хал бежали так же быстро, как ее ноги. Она складывала детали, пытаясь найти ответ на вопрос, который пока не знала, как задать. — Если это случилось здесь, — задыхаясь, произнесла она, — здесь, в лесу...

— Так и было, — ответила Алена между вдохами. — Мы обе видели доказательство. Его человеческие следы, а потом волчьи.

— Нет, — помотала головой Хал. — Мы видели следы башмаков. И видели следы лап. Отдельно.

— Да, — нетерпеливо согласилась Алена.

— Но если это следы одних ног, — продолжила Хал, — то где же сами башмаки?

Алена слегка замедлила бег — почти незаметно, но Хал заметила, что привлекла внимание подруги. Хал показала на землю: — И откуда следы башмаков появились здесь?

Алена взглянула под ноги, рассматривая следы.

— Что, если?.. — начала Хал, решив, что Алене хватило времени на то, чтобы сложить всю картину.

— Если это не господин Пелтер? — закончила Алена.

— Что, если наш ликантроп — это... — имя госпожи Пелтер так и не сорвалось с губ Хал, потому что до того как она успела произнести его, они взбежали на холм, с которого открывался вид на небольшую поляну. На поляне стоял импровизированный алтарь из перекрученного камня.

Иллюстрация: [Андреас Рока](#)

Алтарь был неровным, сложенным на скорую руку, и на алтаре лежал почтенный катар.

А за ним, натянув на лицо капюшон, как в момент их первой встречи в лесу, возвышалась госпожа Пелтер. Ее руки были простерты над телом мужа, и она выкрикивала слова. Слова призывали демонов. Хал узнала эти интонации и низкие гортанные звуки. «Ормендаль. Ормендаль! ОРМЕНДАЛЬ!» Имя легко было разобрать. Женщина обращалась к чудовищу из преисподней.

— Бесс, прошу тебя... — у Хал отлегло от сердца, когда она услышала этот слабый голос. Почтенный катар Пелтер все еще был жив!

— Замолчи! — бросила ему жена и вытащила клинок.

Хал и Алена вместе бросились вперед, к поляне. Госпожа Пелтер вскинула голову, услышав звук, но успела лишь заметить мелькнувшие тени, прежде чем охотницы повалили ее на землю.

Женщина вырывалась и пиналась куда сильнее, чем ожидала Хал, но они все же смогли удержать ее. Алена вытащила свой кинжал.

— Нет! — закричал с алтаря катар Пелтер. — Не трогайте ее!

Хал бросила на него быстрый взгляд: — Она хотела убить тебя.

— Отпустите ее. Пожалуйста. Она не понимает. Она же не понимает, что творит!

— Это все была она, верно? — спросила Алена, держа клинок у шеи госпожи Пелтер. — Она их убила? Всех их.

Катар не стал отрицать.

— Кровь в твоей комнате в таверне этим утром — это была старейшина Сомлон, да? Ты знал, на что способна жена, когда увез ее из Гевоны, когда привел в Гастаф. Ты пытался привязать ее к стулу в шкафу, но ремни не смогли удержать вселившееся в нее зло. — Алена выкладывала одно обвинение за другим. — А потом она сбежала. Хотела убить кого-то на ферме Уоринов, начертав на земле свои демонические знаки, но ты остановил ее. Вот только после этого ты потерял контроль. Ты следовал за ней по городу, но не мог или не хотел мешать ей собирать жертв, так что вместо этого принес их сюда. Чтобы спрятать трупы и ее саму. Ты по одному переносил тела. Три тела, господин Пелтер. Она убила трех невинных человек.

— Это моя вина! — застонал катар Пелтер. — Это все моя вина. Мавзолей был под моей охраной. Я мог бы остановить тварь, что вырвалась из него той ночью.

Хал в этом сильно сомневалась. Она уже слышала имя этого демона — Ормендаля. И если верить тому, что о нем рассказывали, одному стражнику мавзолея не под силу было его остановить, сколь бы чист душой он ни был.

Иллюстрация: [Минь Юм](#)

Уже в третий раз за ночь она поразилась силе духа господина Пелтера. Но ее симпатии было недостаточно для того, чтобы всерьез думать об освобождении госпожи Пелтер. Этой женщины больше не было. То, что извивалось в руках Хал и Алены, уже не было женой катара. Но он не способен был понять этого. Хал кивнула Алене, которая приготовилась вонзить в тварь клинок. Однако в этот момент господин Пелтер спрыгнул — вернее, свалился — с алтаря и обрушился на охотниц.

Их хватка ослабла совсем ненадолго, но проклятой женщине этого оказалось достаточно, чтобы вырваться. Госпожа Пелтер вскочила на ноги, и Хал почувствовала, как в этой хрупкой женщине собирается невероятная мощь. Ведьма широко открыла рот и заревела на Хал и Алену. Рев был похож на вой вервольфа. Что-то вцепилось в разум Хал, но они с Аленой вместе бросились на женщину. «*Но где же вервольф?*» — кусочки все еще не складывались. Среди следов в лесу были четкие волчьи отпечатки. Корова была съедена — съедена по всем правилам, так что от нее остались кости и зубы. Это же не госпожа Пелтер, верно?

Задумавшись, Хал пропустила быстрое обманное движение госпожи Пелтер, которое с легкостью отразила бы, будь она сосредоточена на битве. Но женщина двигалась быстрее, чем должна была, и прежде чем Хал смогла наверстать упущенное, госпожа Пелтер ускользнула от ее хватки и одним ударом вонзила клинок в грудь мужу.

Хал и Алена набросились на нее, прежде чем она смогла нанести новый удар, но было уже поздно. Затихающие булькающие звуки, вырвавшиеся из горла катара, стали тому свидетельством.

Удержать госпожу Пелтер у земли было почти невозможно. Ее движения, усиленные договором с демонами, были столь сильны, что охотницам вдвоем приходилось наваливаться лишь на одну руку. Но Хал и Алена были опытными бойцами. Им уже приходилось делать такое — например, обуздать чудовище лесного могильника. Хал полностью переключила свое внимание на бой. Ведьма изо всех сил вырывалась, чтобы встать, но ей удалось лишь приподнять голову. И в этот момент у нее упал капюшон. Впервые с момента встречи в лесу Хал и Алена увидели лицо госпожи Пелтер. Мощь демона, наполняющая женщину, исказила его столь сильно, расплавленная плоть была столь отвратительной, что Хал вскрикнула. Госпожа Пелтер улыбнулась. А потом она заговорила нараспев, и ее радужные оболочки поменяли цвет с бледно-голубых на блестящие угольно-черные. Черный быстро залил ее глаза полностью. Хал бросила взгляд на Алену. Та тоже из последних сил прижимала госпожу Пелтер к земле. Они ничего не смогли сделать, когда женщина обрушила на них колоссальный заряд призванной демонической мощи.

Хал отбросило в воздух, и она с силой ударилась боком о ствол дерева. Свалившись на землю, она почувствовала боль в плече и сбоку головы.

Охотница постаралась встать, постаралась вернуть контроль над руками и ногами, а глаза сфокусировать так, чтобы видеть одну картинку, а не три. Боль в голове была так сильна, что казалось, будто все тело пронзили мечом, прибив девушку к земле. Но она не могла позволить себе упасть, потому что видела, как перед ней валится под градом мощных ударов кулаков Алена. Ее подруга каждый раз поднималась, но не могла тягаться с бесконечным потоком силы, текущей через проклятую женщину. А потом госпожа Пелтер потянулась за клинком.

— Нет! — крик Хал, в который она вложила все свое отчаяние, оказался почти не слышим. Она преодолела слабость, заставив себя подняться заново. Но охотница не успела. Клинок госпожи Пелтер обрушился вниз.

Сдавленный крик Хал остался неслышанным, потому что его заглушил мощный рев ликантропа. Клинок не успел опуститься, и жену катара свалил на землю один удар передней лапы волка. Брызнула кровь, разлетаясь с зубов и когтей гигантского зверя.

Алена откатилась в сторону, и рядом с ней тут же оказалась Хал. Вместе они вонзили кинжалы в яростно дергающееся окровавленное тело госпожи Пелтер.

Проклятие демона покинуло безжизненные члены женщины, и оставшийся без поддержки труп повалился к их ногам. Хал и Алена стояли плечом к плечу — и лицом к лицу с огромным тяжело дышащим ликантропом.

Прежде чем они успели что-то сделать, прежде чем даже успели подумать о намерениях, из-за деревьев слева раздался рык. Потом еще один — справа. Один сзади, два спереди. Повсюду вокруг загорелись желтые глаза, в которых отражался свет серебряной луны. Они были окружены. Сколько здесь было вервольфов? Может, дюжина, может, две...

Иллюстрация: [Скотт Мерфи](#)

Хал почувствовала, как напряглась Алена. Это не было ее обычной уверенной стойкой. Девушка вытянулась и окаменела. Хал подняла окровавленный кинжал и взглянула в глаза самому большому из ликантропов — тому, что стоял перед ними. Если ей и суждено умереть этой ночью, то она не сдастся без боя.

Но лишь она приготовилась броситься в атаку, как ликантроп сменил форму. Это случилось так быстро, что Хал не успела даже заметить. Там, где стоял зверь, теперь была женщина с резкими чертами лица и точеной фигурой. Серебряная луна освещала ее бледную кожу и блестела на белых кончиках длинных волос. Хал никогда не видела, чтобы ликантроп превращался в человека прямо в бою. Никогда. Это было просто невозможно. И тем не менее, это случилось.

На мгновение все трое замерли. А потом Хал медленно, не отводя взгляда от женщины, положила свой кинжал на землю. Алена вопросительно взглянула на нее, но уверенность подруги ее убедила, и она сделала то же самое.

Хал показалось, что обнаженная женщина перед ними слегка кивнула. Затем она повернулась к изготовившейся к нападению голодной стае. Женщина один раз резко мотнула головой. Раздалось всего одно недовольное подвывание, и вся стая развернулась и скрылась в лесу Уленвальд.

Хал и Алена остались один на один с женщиной, спасшей их жизни.

Хал прочистила горло. Она хотела поблагодарить незнакомку, но не смогла найти слов. Вместо этого она расстегнула плащ и предложила женщине.

— Благодарю, — женщина приняла плащ и накинула на плечи.

— Это *мы* тебя благодарим, — ответила Хал, которая наконец-то обрела дар речи.

— Я это сделала не для вас. Я выслеживала ее, — она кивнула на госпожу Пелтер. — И других, таких же, как она. В городах их стало слишком много.

— Значит, это были твои следы? — поинтересовалась Алена. — И корову ты съела?

Женщина не обратила на вопрос внимания: — Если бы не мое желание прикончить эту мерзкую тварь, я бы не спасала ваши жизни.

Хал приняла это утверждение к сведению.

— Но раз уж вы остались живы, — продолжила женщина, — то я предупреждаю в первый и последний раз: прекратите убивать мою стаю.

— Вервольфов? — уточнила Алена.

— В противном случае мне придется выйти на охоту за вами. И тогда я вас прикончу, — она произнесла это так, что получилась не угроза, а констатация факта.

Хал это не понравилось: — Это наши леса. Уленвальд — под нашей защитой.

— Мы не потерпим вервольфов в своих владениях, — добавила Алена.

— Это не вам решать, — сказала женщина. — И вы глупцы, если думаете, что вдвоем сможете защитить лес от того, что грядет. Глупцы, если думаете, что хотя бы выживете. Уходите из леса, маленькие охотницы. Оставьте лес нам.

— Никогда! — Алена сжала кулаки.

— Что именно грядет? — серьезно спросила Хал.

— Я не знаю.

Алена фыркнула, но Хал промолчала. Что-то в этой женщине подсказало Хал, что лучше придержать язык.

— Не знаю *точно*, — продолжила женщина. — Но, — сказала она, указывая на алтарь и госпожу Пелтер, — я видела достаточно, как и вы сами. Так что вы знаете, что эта сила гораздо страшнее вервольфов. Мы скоро понадобится миру. Он радостно примет звук нашего воя и мощь наших стай. Быть может, мы — единственная сила, что сможет встать на пути у надвигающейся угрозы.

— Мы готовы защищать Уленвальд от кого угодно, — сказала Алена. — И с любимым готовы встретиться лицом к лицу.

Женщина вздохнула: — Оставшись здесь, вы встретитесь только со смертью. Она повела плечами, сбрасывая плащ на землю. — Сегодня вы не погибли лишь потому, что вмешалась я. Вы обязаны жизнью вервольфу. Подумайте над этим. Или не думайте. Решать вам. Но знайте, что я советую вам уйти. Убирайтесь из Уленвальда и держитесь от него подальше. И молитесь, если умеете.

— Мы не станем... — начала Алена, но женщина уже приняла облик волка. Ее трансформация ничем не напоминала те мучительные превращения, что Хал видела у других ликантропов. Женщина была не обычным вервольфом. Рыкнув на прощанье, она развернулась и скрылась среди деревьев.

Хал и Алена остались стоять под светом луны, проходящем через ветви деревьев. Ползучие мурашки вновь вернулись к Хал. словно пальцы побежали вверх по спине. Она не смогла удержаться от того, чтобы дернуться от неприятного ощущения. Его вызывал не ликантроп — это было что-то совсем другое, что-то, чего Хал еще не знала и не понимала.

Алена заглянула ей в глаза, готовая идти, но Хал не была уверена, в какую сторону им направиться.

Арлинн Корд бежала среди спутанных деревьев. Глупые люди. Как можно быть настолько слепыми? Она надеялась, что их не придется убивать. Они были сильными и непокорными. Арлинн ценила эти черты. В другой жизни они могли бы стать друзьями. Но это была не другая жизнь, и в этой жизни у Арлинн не было друзей.

Иллюстрация: [Вайнона Нельсон](#)

ПУСТОЙ И БЕЗЖАЛОСТНЫЙ ВЗГЛЯД

BY KEN TROOP

В Иннистраде началась новая эра процветания и мира. Авацина, могучий ангел и живое воплощение надежды и защиты для людей со всего света, освободилась из плена и помогла дать отпор чудовищам, рыскающим по Иннистраду. Вампиры отступили, а проклятье вервольфов Авацина сняла своим магическим эдиктом. Ликантропы смогли стать вульфирами, волками-слугами ангела, а некоторые — которых, впрочем, оказалось гораздо меньше, — даже исцелились полностью.

Люди Иннистрада жили и процветали под заботливым присмотром Авацины и усердно трудились во имя новой зари для человечества...

Молитвы десятков тысяч душ лились на Авацину холодным дождем. Просительное многоголосие надежд и страхов. *Помоги моим детям, Авацина, сбереги мой урожай, Авацина, исцели мою боль, Авацина, даруй ему чистую смерть, Авацина...*

[Авацина, Ангел Надежды](#) | Иллюстрация: [Джейсон Чан](#)

Она парила в холодном небе. Воздух был столь разрежен, что одни только крылья, без помощи магии, не удержали бы ее. Это было одно из ее любимых укромных мест — безлюдная долина среди высоких гор южной Стенсии. На

такой высоте холод был невыносимым. Всюду, куда ни кинь взгляд, лежал толстый снежный покров, так что ни одно живое существо не выжило бы в этих краях. Но Авацина не чувствовала холода. Она любила это чувство одиночества, чистоту горных просторов, где ее спутниками были лишь потрескивающий лед, свист ветра и шепот молитв.

Молитвы не замолкали ни на минуту. Краем сознания она всегда слышала их голос. С самого ее пробуждения молитвы были с ней. Сперва их было совсем немного. Тихие, настойчивые, ищущие. Но со временем их становилось все больше и больше. Они стали более прямыми и требовательными. *Защити нас, сохрани нас, помоги нам.*

«Помоги мне!» — паническая мольба вдруг ворвалась в обычное бормотание. Голос женщины. Женщины, которая страдает. «Услышь меня, Авацина! Мой сын! Мой сын! Прошу тебя! Авацина!» Авацина сконцентрировалась на молитве и той, что возносила ее, и увидела образ: женщина, бегущая и плачущая посреди большого поля. Ангел взмыла над вершинами гор и устремилась вниз, на юг, в сторону Гевоны. Она слышала тысячи молитв со всех концов света, но редко находила время лично отвечать на них.

С самого начала все существование Авацины было подчинено одному слову: ЗАЩИЩАЙ. Даже сейчас мысль об этом слове вызвала каскад образов, сопровождавших ее с первых моментов жизни. Вспышка — увядающий мир, залитый кровью. Десятки хищников, точащих на него свои зубы. Вампиры и вервольфы. Демоны и зомби. Привидения и дьяволы. Все они отпечатались в разуме Авацины — в самой ее личности — как угрозы, которые следует отыскать и уничтожить. Образы смертных всех возрастов и размеров. Их человечность как следствие хрупкости и преданности. ЗАЩИЩАЙ. Шло время, и Авацина все лучше и лучше понимала мир со всеми его нюансами. ЗАЩИЩАЙ ИХ. В этом оставалась ее сущность.

Архангел Авацина | Иллюстрация: [Джеймс Райман](#)

С каждым проходящим годом смысл ее существования раскрывался перед ней с безупречной ясностью. Она не должна была сражаться с каждым чудовищем или останавливать каждое злодеяние. Такое было бы не под силу никому. Но она вела и вдохновляла, вселяла веру в сердца своей бесчисленной паствы, — а вера людей, в свою очередь, усиливала обереги и амулеты, защищавшие человечество от темных хищников. Случалось, что особенно упорное или могучее зло требовало ее личного внимания, и тогда Авацина вступала в бой. Но сражений и молитв было слишком много, чтобы Авацина успевала отвечать на каждую.

Однако время от времени молитва прорывалась к Авацине — молитва, исполненная такой истовой веры или безграничного отчаяния, что Авацину *тянуло* на помощь. В ее первые годы такая *тяга* была неосознанной: Авацина просто знала, что должна вмешаться в то или иное событие. Но шли века, и она научилась контролировать, когда и в чем она должна участвовать. Сила этой материнской молитвы, мольба о помощи на пике паники, достигла Авацины. Страх матери за дитя был чистым и незамутненным, и эта чистота убедила ангела отправиться на помощь.

Авацина стремительно летела над горами и долинами Стенсии, безошибочно выбирая путь. Молитва матери ярким маяком светила для ангела. Снег сошел, и горы теперь покрывали леса. Безраздельное правление белого сменила пестрая палитра зеленых, коричневых и оранжевых цветов, возвещающих о наступлении луны урожая. Авацина не была склонна к сантиментам, но все же почувствовала удовлетворение, наблюдая, как изменился мир с момента ее освобождения из Хелволта. Вервольфов больше не осталось — кто-то

исцелился, а кто-то превратился в вульфиров, верных союзников Авацины и ее ангелов. Дьяволы и демоны были разогнаны и уже никому не могли навредить. И в очередной, пусть и один из первых с пробуждения Авацины, раз вампиры отступили в свои владения. Человечество дало отпор долгой осаде сил тьмы, и цивилизация процветала.

Это была новая эпоха для людей. Новая эпоха для всего мира. И Авацина будет рядом, будет защищать людей и защищать мир — как она это делала всегда. Она не любила улыбаться — никогда не понимала смысла этого — но подозревала, что именно это чувствуют улыбающиеся люди. Полное и всестороннее удовлетворение. Все было... правильно.

Иллюстрация: [Андреас Рока](#)

Авацина заметила, что начало темнеть, и солнце уже опустилось к простирающемуся до горизонта лесу. Скоро наступит ночь. Спикировав к широкому лугу у кромки темного леса, ангел увидела женщину. Она лежала на поросшем травой склоне у первых деревьев, плача и выкрикивая имя: — Мейли! Мейли! Наконец, поднявшись на ноги, женщина побрела к лесу, и в этот момент на землю спустилась Авацина.

— Просительница. Ты звала меня. Тон ангела был спокойным и ободряющим, но женщина вздрогнула. Она в ужасе обернулась — и лишь тогда поняла, кого видит.

— Авацина! Ты пришла! Ты пришла! Мой сын! Пожалуйста! Женщина была не в себе, и понадобилось время, чтобы она успокоилась и рассказала ангелу, что случилось. Ее сын ускользнул из дома, и она заметила, как он бежит к лесу. С

возвращением Авацины мир стал намного безопаснее, но все же не безопасным. Особенно для детей. Мать собиралась отправиться за ребенком в лес сама, но это могло закончиться печально для них обоих. Авацина уверила женщину, что постарается найти ее дитя.

Это было бы совсем просто, если бы мальчик молился Авацине. Но вслушавшись в сотни молитв, шепчущих в ее голове, она не нашла ни одной от заблудившегося в лесу ребенка. Впрочем, оставались и другие способы его отыскать.

Иллюстрация: [Андреас Рока](#)

Авацина летела над темнеющим внизу лесом, пока не достигла его середины. Она направила свое могущество в копье, и наконечник ее оружия ярко засветился. Ярче, еще ярче, пока его огонь не затмил даже садящееся солнце. Направляя все больше сил, Авацина озарила небо над лесом. Она слышала, как испуганно голоса птиц, как разбегаются звери, и как какие-то громадины гулко топают под кронами, спасаясь от яркого света. Могущество Авацины многократно усилило ее голос:

— Мейли! Это Авацина! Ответь мне! Ее слова гремели и эхом отражались от лесных деревьев. Потом Авацина замолчала. Она вслушивалась, стараясь уловить детский плач, и надеялась услышать хоть что-нибудь, кроме безжалостной и безнадежной тишины.

Из-под лесного покрова донесся не голос, но молитва. *«Пожалуйста, Авацина, я потерялся, прости меня, и я промок, и я тебя слышу...»* Определив, откуда

шла молитва, Авацина устремилась к месту в лесу в паре минут лета. Ребенок, маленький мальчик, забился под корни дерева.

Он посмотрел на нее и на ее сверкающее копьё. — Авацина?

— Подойди ко мне, дитя. Тебе ничего не грозит. Я отведу тебя домой. Голос Авацины стал еще мягче — таким мягким, как для нее это было возможно. Ангелу всегда было проще всего с детьми. Их невинность и искренность делала их проще для понимания. Мальчик вылез к Авацине, преодолевая смущение, и она, взяв копьё в одну руку, протянула к нему вторую. Он подбежал, и, подхватив его, Авацина взмыла в небо.

Ей понадобилось лишь несколько минут, чтобы отыскать на опушке леса мать и отдать ей ребенка. Мать и сын крепко обняли друг друга и расплакались. Как бы хотелось Авацине, чтобы каждый день и каждый час были такими! Воссоединяющиеся семьи. Уходящий страх. Обретенное счастье. В этом был смысл ее жизни. Довольная проделанной работой, она взлетела, чтобы вернуться в свое горное убежище. И тогда яркое *мерцание* ударило ей в глаза, грохотом раскатившись по всему телу.

Все перед ней раздвоилось. Деревья, мать с ребенком, каждая травинка на лугу. Раздвоилось, потом еще и еще. Невыносимая боль застучала в висках, и ангел упала на землю, скорчившись в агонии. Белое сияние ослепило ее, за ним возникла картина: парящие каменные обелиски, покрытые затейливыми рунами и движущиеся в унисон... и все исчезло. Перед ней вновь была опушка леса. Авацина завертела головой, пытаясь понять, откуда нанесли удар. Пожалуй, немногим вампирам хватило бы могущества на такую мощную атаку. Может быть, владыка демонов?..

В ушах тихо загудело. Это был непрекращающийся низкий звук, который не становился ни тише, ни громче. Он просто... просто был, став нестройным аккомпанементом шепоту молитв. Авацина почувствовала, как напряглась шея, как по ней к затылку поднимаются мурашки, словно предупреждая о нападении. Но нападения не последовало. Авацина потрясла головой, надеясь прогнать жужжание, но оно так и осталось где-то на грани сознания.

Мать с сыном все еще сидели на земле, прижимаясь друг к другу. Того, что ударило по ангелу, они, видимо, даже не почувствовали. Авацина увидела, как высохли слезы у женщины, и ее мягкое лицо перекошил гнев. «Как ты посмел сбежать от меня? Чем ты только думал? Глупый мальчишка!» Она сердито оттолкнула мальчика. Тот сжался от страха, скривился и заревел.

«*Род людской прогнил*». Авацина не знала, откуда эта мысль. Словно молитва, она пришла прямоком ей в разум, но ни один из смертных не произносил этих слов. «*Род людской прогнил*». Авацина взгляделась в ребенка, и там, где видела лишь невинность, теперь замечала другие детали. Изрытая оспинами

кожа, сопливый нос, струпья и короста... разложение плоти. Хнычущее, жалобное лицо, просящее утешения после собственного проступка.

Она снова посмотрела на мать. Сердитое лицо женщины уже смягчалось, она потянулась к сыну, чтобы успокоить его. *«Смертные переходят от злобы к вине и обратно, но кто из них хоть раз дошел до цели?»* Авацина взглянула на не прекращающего рыдать мальчика. *«Как недолго живут эти смертные»*. Сегодня он — маленький ребенок. Завтра он станет мужчиной — грязным, неотесанным, склонным к гневу и жестокости. А послезавтра его плоть наполнится жирными червями... червями, кишачими в прахе...

Иллюстрация: [Стивен Белледин](#)

Авацина отшатнулась, потеряла равновесие, у нее закружилась голова. Она взлетела, с неожиданной неуклюжестью выписывая в воздухе зигзаги. Люди остались далеко внизу. Она хотела услышать молитвы, но слов было не разобрать за жужжанием. Шум не давал ангелу разобрать ни слова. Одна и та же фраза без остановки крутилась у нее в голове, словно пронзившее разум копьё.

«Род людской прогнил».

Авацина летела, стремясь укрыться от собственных мыслей. Но укрыться было негде.

Махер мерял шагами внутренний дворик монастырской церкви. От волнения у него крутило живот. Обычно дворик был для него местом безмятежности и спокойствия. Прекрасный пышный сад, где он мог укрыться от боли и ужасов мира — особенно прохладными и темными ночами, когда остальные священники спали в своих кельях.

Но когда боль поселилась в душе, ни одно место не принесет облегчения.

Махер остановился под серебряным символом Авацины, установленном в центре дворика на высоком железном шесте. Под оранжевым светом убывающей луны урожая казалось, что острые концы серебряного символа вот-вот каплями упадут вниз и расплещутся по поросшей мхом земле. Занятная иллюзия, игра света. Махер часто задумывался о природе иллюзий. *«Авацина ведь настоящая, не так ли?»*

Конечно, Махер не сомневался в существовании Авацины. Он видел и ее саму, и ее ангелов. Она была реальна, и спорить тут было не о чем. *«Но достойна ли она поклонения? Богиня ли она?»*

Он никак не мог прогнать эти мысли.

Иллюстрация: [Кристина Чой](#)

Большую часть жизни Махер был истинно верующим. Еще младенцем родители оставили его у двери местного прихода — обычная участь для многих детей в этом уголке Гевоны. Церковь кормила его, церковь одевала и защищала его, и церковь рассказала ему о доктрине Авацины еще до того, как он научился читать.

Сомнения пришли к нему в прошлом году, после загадочного исчезновения Авацины. Это было мрачное время. Все ужасы мира, казалось, набросились на Гевону и почти сломили ее. Махер знал бывшего лунарха Микеаса, и та ночь, когда он увидел Микеаса, восставшего из склепа, стала худшей в его жизни. Но потом Авацина вернулась, и в Гевоне стало спокойно, как раньше. Или даже спокойнее. Так почему же сомнения после триумфа лишь возросли?

Среди монахов говорили, что Авацина была в ловушке, что она попала в тот самый Хелволт, куда заключили столько порождений тьмы. Священники рассказывали о чудесах, о том, как сила Авацины позволила ей вырваться из тюрьмы и начать новую эпоху света.

Но как же богиня могла попасть в плен?

Незваными гостями к нему в голову пришли слова молитвы, и он грустно улыбнулся. *«Прошу тебя, Авацина, существуй. Пожалуйста, будь настоящей»*. Оранжевая луна пылала в холодном ночном небе. Казалось, что символ Авацины на ее фоне мерцает и меняется в оранжевом свете. Не отводя глаз, Махер глядел на это зрелище, потерявшись в мягком сиянии луны.

Позади захлопали крылья.

Священник резко обернулся и раскрыл рот. С неба спускалась ангел. Пылающие белые глаза, окруженные черным, роскошные широко раскинутые крылья, серебристо-белые волосы, которые лунный свет расцветил оранжевыми и красными оттенками. В руках — длинное копье из лунного серебра, сияющее белым цветом с красными искрами на острие. Авацина. Сама Авацина спустилась к нему во двор.

Она приземлилась, сложила за спиной крылья и уставилась на Махера. Раньше он никогда не видел ее глаз. Молочно-белые с угольно-черными ободками, они привлекли его внимание и не давали отвести взгляд. Черный цвет темнел и растекался чернильными озерами, растущий хаос, который...

— Ты слышишь пчел? Слышишь крики? — Авацина быстро проговорила эти слова, словно освобождая Махера из плена своих глаз. Ее взгляд бешено метался с одной части двора на другую.

Махер не понял, ни о чем она говорит, ни почему так нервничает. — Ты явилась, Авацина! Ты здесь, — только и смог вымолвить он. Священник был все себя от радости. Он молился Авацине, и вот она стояла перед ним. Ему стало стыдно за то, что он сомневался в своем божестве. *«Она здесь, чтобы вновь привести меня к свету, к истине»*.

Выражение лица Авацины переменилось. Она прекратила смотреть по сторонам и остановила взгляд на Махере. — Ты молился, чтобы я пришла, — ее голос был холодным, резким, заставляющим прислушаться. — Ты молился *мне*. Молился, потому что сомневался во мне. Голос стал скрипучим, и перед словами она останавливалась, словно к кому-то или чему-то прислушиваясь. Авацина подняла копье. — Но я знаю, как положить конец твоим сомнениям. Уголки ее рта поднялись вверх и задрожали — нелепое подобие улыбки.

Махер покрылся мурашками. Стоя в темноте, он смотрел мимо Авацины на ярко-оранжевую луну и мечтал оказаться где-нибудь в другом месте.

— Чист ли ты? — ее слова лились, словно мед.

— Я... что? — не понял Махер. Он много раз представлял, как встретится с Авациной. Но ему и в голову не приходило, что разговор пройдет вот так вот.

— Чист. Ли. Ты? — каждое слово было ясным и острым, словно хрусталь.

— Да! Я чист! — Махер почувствовал облегчение. Богиня гневалась на него. И было, за что. Он сомневался, но его сомнениям пришел конец: — Чист в своем...

Она перебила, заглушив его слова своими: — Конечно же, ты не чист. Да и с чего бы?.. Ты же *родился*. Последнее слово она произнесла с нескрываемым отвращением. Авацина заглянула священнику в глаза, и он вновь увидел, как их заполняет чернильная чернота... чернота, грозящая поглотить его... у него закружилась голова, и он чуть не упал на землю, отведя взгляд.

Головокружение прошло. Священник снова встал, стараясь не смотреть на ангела. *«На богов не глядят, уставившись во все глаза».*

— Ты так легко потерял в меня веру, смертный? — губы Авацины скривились. Должно быть, это означало ухмылку.

Махер запнулся, не зная, что ей ответить.

Она продолжала, не обращая на него внимания: — Но самый важный вопрос, — она помедлила, взглянув вверх, в темное небо над головой, словно общаясь с лунной, — это потеряла ли я веру в тебя. Произнося слово «тебя», Авацина не сводила со священника взгляд. Он хотел закричать, но слова застряли в глотке. По бедру потекла горячая струйка, и под ногами появилась лужа. Ужас охватил его, и он повалился на мшистую землю, закрыв глаза и сложившись вдвое.

Даже страх и зажмуренные глаза не помешали ему почувствовать, как приближается свет. По позвоночнику прошел холодок, и он закричал. Но крик стих, и он услышал шепот: «Скоро». Перья мягко коснулись его лица.

Захлопали крылья, и свет пропал. Махер еще долго не открывал глаз. Свернувшись, он пролежал до утра — закутанный в кошмарное понимание природы своего бога.

Иллюстрация: [Винсент Прос](#)

Лионта разбудило чудесное зимнее солнце. Его еще неяркий свет омывал лицо, настойчиво требуя внимания. Обычно кузнец закрывал ставни, чтобы не просыпаться слишком рано, но этой ночью забыл их затворить. Одна из деревянных ставень болталась на одной петле. *«Надо будет починить ее попозже».*

Лионт спросил жену, как ей спалось, но та не ответила. Должно быть, легла поздно. Лионт редко вставал первым — обычно его поцелуем будила Хильда или дети затевали свою утреннюю возню. Он поднялся, сбрасывая изорванное одеяло. Впереди ждал целый день, полный работы, и Лионт хотел поскорее начать.

Его заведение процветало — еще никогда кузнечное дело не пользовалось таким спросом. Весь день он стоял у горна или наковальни, и похоже, что в скором времени можно будет взять второго подмастерья. С тех пор, как в прошлом году вернулась Авацина, всем были нужны новые плуги и инструменты. А снятие проклятий позволило Лионту удовлетворить эту нужду.

Снятие проклятий. Это заклинание, порожденное магией Авацины, все переменяло. Некоторые из вервольфов превратились в волков-слуг Авацины, вульфиров. А Лионту повезло исцелиться полностью, и каждый день он возносил Авацине за это хвалу. Он наконец-то вернулся домой, к своей семье. Наконец-то мог отправиться в город и смотреть людям в глаза, не зная страха. Жить без страха было замечательно — без кошмаров, без волнений и угрызений совести, без постоянных болезненных переживаний. Не нужно было больше смотреть на луну и думать, что этой ночью может прийти тьма — истинная тьма. Все это растворилось в благодатном свете Авацины. У Лионта снова была *жизнь*. Жизнь со своей семьей.

Иллюстрация: [Говард Лайон](#)

Он оделся, собрав раскиданную по полу одежду. *«Кое-что надо заштопать. Отдам вечером Хильде»*. Лионт вернулся разбудить жену. Она была еще сонной и еле шевелилась. Голос Хильды был слабым, чуть слышным.

«Доброе утро, муж». Ее маленькие губы совсем не двигались. Лионт хотел рассмешить ее шуткой, чтобы полюбоваться на чудесную улыбку, но по утрам у жены было не лучшее чувство юмора.

«Я пойду в кузницу, начну ковать плуг для Никеров. Дети еще спят». Хильда не ответила. «Ты не заболела, милая?» — он наклонился ближе.

Голос Хильды был тихим и слабым: «Язвы расцветают»

Лионт был рад, что она проснулась. «Хорошо, милая, хорошо. Я вернусь днем, к обеду».

Ее голос стал громче и холоднее: «Лионт. Когда в дверь постучат, не открывай».

По спине кузнеца поползли мурашки. *«Когда в дверь постучат...»* — но он отогнал от себя эту мысль. Хильда уже спала, без движения лежа на растерзанной кровати. *«Наверное, она очень поздно легла»*.

Он пошел проведать спящих детей, наступая на обломки дерева и осколки стекла, слушая, как они хрустят под ногами. *«Когда Хильда проснется, она мне устроит за беспорядок. Надо будет сегодня подмести»*.

Лионт остановился у кровати, где спала Талия. Дочка лежала ничком, не шевелилась, и ее ясные глаза, так радовавшие отца, были закрыты. Он осторожно перевернул ее, и девочка открыла глаза.

«Доброе утро, папа», — голос был вялым и безжизненным. *«Наверное, она так устала. Пусть спит»*.

«Засыпай, детка», — кузнец наклонился, чтобы горячими губами поцеловать дочку в холодный лоб.

«Папа. Когда в дверь постучат, не открывай». Ее голос набрал силу. Казалось, что она испугана. Когда Лионт разогнулся, поцеловав ее, девочка уже заснула.

Кузнец понял, что тоже испуган, но отмахнулся от этого ощущения. Было странно чувствовать страх ясным зимним утром, когда солнце лилось в дом через выбитые окна и прорехи в стенах. *«Холодно. Надо будет забить дыры досками»*.

Он направился к другой стороне кровати, чтобы попрощаться с сыном. Кен был на несколько лет моложе Талии — идеальный возраст, чтобы повторять все за старшей сестрой, но так, что это приводило ее в ярость. Обычно в это время он уже носился по дому и врезался в стены, пока мать не выпроваживала его играть в огороженный двор между домом и кузницей. Но этим утром он лежал на кровати тихо и неподвижно.

Лионт стоял и глядел на спящего сына, как вдруг глаза мальчика широко распахнулись.

«Доброе утро, папа», — его голос был таким слабым, что кузнец едва услышал его. Он подумал, что сын, наверное, заболел, и надо позвать целителя...

«Папа. Когда в дверь постучат, не открывай». Глаза Кена снова были закрыты, и Лионт заметил, как тихо было в комнате. Тишину нарушало лишь его тяжелое дыхание. Несмотря на свет солнца и холодный ветер, задувающий в дыры в стенах, кузнецу было душно. Виски словно сжимал стальной обруч.

Он наклонил голову, не выдержав давления. В комнате стоял горьковатый медный запах. Нужно было идти из дома. В склоненной голове три голоса кричали в унисон: «Когда в дверь постучат, не открывай!».

В дверь постучали.

Лионт поднял голову. Он посмотрел на дверь. Но двери не было. Там, где она была раньше, оставался лишь пустой, залитый солнцем воздух. *«Когда в дверь постучат, не открывай».* Двери не было, а петли были погнуты и перекручены. *«Надо будет выковать новые петли. Но сперва начну плуг для Никеров, а потом...»*

В дверь постучали снова. Тяжелые удары гулко раздавались в комнате.

«Когда в дверь постучат...» Лионт вновь посмотрел на зияющий дверной проем. Что-то было не так. Почему дом весь разрушен? *«Сейчас нет времен убираться. Мне надо в кузницу».* Снова стук. *Бам! Бам! Бам!* *«Двери же нет. Как в нее могут стучать?»* Боль расцвела в его голове — боль столь яркая и чистая, что кузнец упал на колени. Закрыв глаза, он увидел дверь, сияющую дверь, пульсирующую красным светом. Снова раздался стук, тяжелый грохот, и он раздавался из-за красной двери — двери в его разуме. Открыть ее — и стук прекратится. Все снова будет хорошо, если стук прекратится. Он мысленно потянулся к ручке, чтобы... *«...не открывай».*

Лионт взялся за ручку двери в своей голове. Ручка была металлической и холодной как лед. Он нажал на нее, но та не поворачивалась. Тогда он нажал сильнее, невзирая на обжигающий руку холод, надавил, зарывав. Ручка поддалась.

Лионт открыл дверь. Подавленная реальность ворвалась в его разум. Он увидел, что было за дверью.

«Нет, нет, нет, нет, нет...» — не поднимаясь с колен, он сжимал голову руками и раскачивался, плача от горя и ярости. Везде была кровь. На стенах, на кровати, на полу. Его руки и тело были покрыты кровью, она стекала с разорванной одежды, что он надел несколько минут назад. Лионт посмотрел на неподвижно лежащий на кровати труп Хильды, на ее застывшее в гримасе ужаса лицо.

«Кто сделал это?» Он знал, кто сделал это. Лихорадочные образы всплывали у него в голове. Рычание, крики, высоко поднятые когти в свете луны... он задрал голову и завыл, изливая боль холодному зимнему солнцу — солнцу, сменившему на небосводе луну охотников.

Иллюстрация: [Дааркен](#)

«Снятие проклятий. Что же случилось со снятием проклятий?» То, что он сделал, было невозможным, немислимым. Он был чист от проклятья. *Чист!* Кузнец прорычал в небо молитву: *«Авацина! Почему ты оставила меня?! Авацина!»*.

Он долго стоял на коленях и плакал. Он хотел умереть. Хотел вернуть свою семью. Хотел услышать смех Талии и Кена. Хотел услышать, как они дерутся. Хотел, чтобы снова настал вчерашний день. *«Пожалуйста, пусть наступит вчера. Позволь мне заснуть и проснуться вчера. Я проснусь и уйду. Уйду, чтобы не возвращаться. Пусть вернется вчера, пусть...»* Крыша его дома взорвалась над головой.

Лионт взглянул вверх и уставился на зависшую в небе фигуру — крылатую, с серебряными волосами и большим сияющим копьем. *«Неужели это?.. Быть может, она способна?..»*

Его горло сжимала боль, но он все же сумел выдать из себя слова: *«Прошу тебя... прошу...»*. Казалось, что ангел — сама Авацина? — не слышала этих слов. Она направила на него копье. Наконечник разгорелся, все ярче и ярче, ярче солнца над головой, и луч энергии ударил кузнеца в грудь, сжигая его одежду и кожу.

Иллюстрация: [Грег Стейплс](#)

Он закричал в агонии, приветствуя боль. *«Я заслужил ее»*. Но, может быть, ангел могла бы спасти его семью? Его взор затуманился. Он должен был...

«Смилуйся... милосердия...» — его рот больше не мог говорить, губы сгорели, и мольба продолжалась в истерзанном тьмой разуме. *«...для моей семьи. Для моей чудесной семьи. Пожалуйста. Они достойны...»*

Ангел вновь направила на него копье. Уголки губ приподнялись, и она проговорила последние слова, которые услышал в своей жизни Лионт.

«Правосудие! Милосердия нет». Копье вспыхнуло.

«Милосердия...» — подумал Лионт, а потом умер.

«Гроза надвигается», — подумала Сигарда. Молния сверкнула в темно-сером небе, но грома не было. Гроза в середине холодной зимы, сезона луны охотников, была весьма необычным делом. Воздух уже несколько дней был словно спертый, серые облака не двигались с места, а сейчас начались и молнии без грома, гроза без дождя. Сигарда беспокойно глядела на раскинувшийся внизу бескрайний лес.

Иллюстрация: [Крис Ран](#)

Она парила в своих личных покоях — голые каменные стены и четыре прочных контрфорса, резко контрастирующие с открывающимся видом на темно-зеленый лес, там и тут украшенный лоскутами белого снега. Отсюда взгляд доставал на много миль вдаль, и Сигарда часто проводила здесь долгие дни в тихих размышлениях. Покои находились на самом верху заброшенной башни в лесу Кессиг — башни, построенной много веков назад, когда у людей были большие планы на жизнь.

Сейчас они снова стали строить планы. Прошлогоднее возвращение Авацины возвестило начало новой эпохи мира и спокойствия. Люди вновь расселялись по миру и строили новые дома, фермы и города. Но в последние несколько недель со всех краев света стали приходить тревожные вести. Говорили о мятежах, похищениях и убийствах. Тень нависла над миром, и Сигарда хотела узнать, почему.

Молния сверкнула в темном небе, за ней другая, и между вспышками она почувствовала, что приближаются сестры. Мгновение спустя они приземлились в ее убежище.

Стройная Бруна, одетая в сине-белую легкую броню и укрытая струящимся шелковым плащом с красной оторочкой. Она была вооружена посохом, и его навершие уже сияло могуществом, готовым обрушиться на врага. Высокая Гизела в красном и белом — цветах ее сонма Золотой Ночи — обнажившая два своих клинка. «*Они готовы к битве*», — подумала Сигарда. Она вспомнила четвертую сестру, погибшую тысячелетие назад, и поежилась.

[Бруна, Алебастровый Светоч](#) | Иллюстрация: [Вайнона Нельсон](#)

— Здравствуй, сестра, — произнесла Бруна со странной живостью в голосе.

— Ты не ответила на наш призыв, — сказала Гизела.

Сигарда не сочла это призывом. На прошлой неделе к ней явилась ангел из сонма Золотой Ночи и попросила Сигарду встретиться с сестрой, но она была слишком занята, помогая отстроиться заново людям внутренних областей Кессига.

— Я исполняла свои обязанности, сестра. Я не знала, что это настолько срочно. Чем я могу помочь? Сигарда подумала, что на ангелов могли напасть. Это бы объяснило, почему Бруна и Гизела на взводе.

— Сейчас это неважно, — ответила Гизела.

— Мы уже здесь, — добавила Бруна.

Когда ангелы приземлились в ее покоях, они стояли совсем рядом, почти плечом к плечу. Сейчас же они разошлись по комнате, окружив Сигарду с разных сторон. И то, как Бруна держала посох, а Гизела — мечи, заставляло Сигарду остро жалеть, что ее коса лежит в комнате внизу. «*Что происходит?*»

— Мы просто прилетели... — начала Бруна.

— Поговорить. Мы давно тебя не видели, сестра, — закончила Гизела.

Они продолжали обходить ее с боков, держась на самом краю ее поля зрения. Сигарда не могла представить, что сестры нападут на нее, но единственным

разумным объяснением того, что они делали, была подготовка к атаке. Сигарде никогда не приходилось сражаться с сестрами, но она была уверена, что справится с Бруной, если только сможет добраться до косы. Бруна была не слишком искусна в бою лицом к лицу. Ее сила крылась в другой области. Однако Гизела... с Гизелой будет сложно.

[Гизела, Клинок Золотой Ночи](#) | Иллюстрация: [Джейсон Чан](#)

Небо вновь прорезала молния, и на этот раз последовали громкие раскаты грома. Когда гром утих, на каменный пол покоев приземлилась Авацина.

Сигарда не почувствовала Авацину, как она почувствовала приближение сестер. Она никогда не чувствовала Авацину. Авацина вела их, но не была одной *из них*. И однажды она ясно дала это понять. Сигарда не отрицала могущества Авацины, ее способности сражаться с ужасами Иннистрада и вдохновлять людей на бой. Но она до сих пор горевала по сестре...

И Бруна, и Гизела оказались за ее спиной, а Авацина парила в воздухе перед ней. Она была высокой, выше Гизелы, с белоснежной кожей и изумительными серебряно-белыми волосами. Ее копье из лунного серебра сияло, но для сражения ей не нужно было оружие. Если дойдет до битвы, то Сигарда не сдастся без боя, даже против Бруны и Гизелы одновременно. Но если на нее нападет Авацина...

Если на нее нападет Авацина, то Сигарде конец.

— Сигарда! Нас ожидает великое деяние, — в голосе Авацины были странные нотки. словно к ее словам примешивалось шипение или жужжание. Сперва она показалась Сигарде такой же, какой была всегда, но теперь ангел

замечала странности. Металлические острия копья Авацины были искривлены. Чем дольше Сигарда смотрела на копье, тем сильнее ей казалось, что металл *плывет*. Она задалась вопросом, что за сила идет через оружие Авацины. Но еще больше ее тревожили глаза архангела. Их обычный белый цвет разбавлялся странными черными искрами — темнота, на мгновение поглощающая свет.

У трех ангелов была долгая и сложная история отношений с Авациной. Гизела, Бруна и Сигарда не были родными сестрами — не в том смысле, как это слово применяется к людям. Но они явились из одной и той же сущности, в одно и то же время рассвета, и очень долго вместе сражались с ужасами этого мира. До того, как тысячу лет назад пришла Авацина, сестер было четверо — древнейшие и самые могущественные из ангелов. Бруна. Гизела. Сигарда. И еще одна — которую больше не называли по имени.

Сначала они не знали, что думать об Авацине. Она была ангелом, одной из них — и в то же время нет. Они не чувствовали ее, как чувствовали других ангелов. Она была холодной, непрозрачной, закрытой. Сигарда знала, что многие люди точно так же думают про нее саму и про ее род — это была одна из многих причин, по которой ангелам было непросто сходить с людьми. Но друг с другом они делили радость общей цели, чувствовали связь, которую ангел может чувствовать только со своими сестрами.

У Авацины не было связи с другими ангелами.

Но ее могущество было неоспоримым. Никто не мог ее остановить. Сестры еще не встречали ангела, способную сравниться с Авациной силой и уверенностью. И во время первых встреч с Авациной ангелы увидели, что ее уверенность была опьяняющей. Авацина никогда не сомневалась в своих действиях и своих планах.

Люди оказались не единственными существами, которым нужно было божество.

А потом Авацина разгневалась на их сестру. Да, это правда, что та сбилась с пути, совершала несправедные поступки и находила сомнительных союзников. Иногда она сходилась с вампирами, ведьмами и даже демонами и дьяволами. *«Мы должны знать врагов, чтобы победить их»*, — говорила она. Она не нравилась другим ангелам, и порой ей не доверяли даже три сестры. Но вся четверка была связана прочными узами, и несмотря на то, что их сестра шла совсем другим путем, она оставалась их сестрой.

До тех пор, как она не вступила в союз с владыкой демонов. Это деяние ангелы осудили единогласно. Авацина объявила отступницу еретичкой, сообщницей тех самых чудовищ, которых поклялись истреблять ангелы и она сама. Три сестры согласились с Авациной, но не присоединились к ее походу

против новообращенной во тьму. Впрочем, Авацине и не нужна была их помощь. Тысячу лет назад Авацина в одиночку расправилась с их сестрой и ее небольшим сонмом, и само ее имя с тех пор стало запретным.

А сейчас, быть может, Авацина явилась, чтобы уничтожить и ее.

— Великое деяние? Мне об этом ничего не известно. Просвети же меня! — Сигарда старалась говорить и дышать медленнее. Лучше всего она сражалась, когда была спокойна. Сейчас она не видела ни Гизелу, ни Бруну, но чувствовала их у себя за спиной. Воздух был тяжелым, застоявшимся, и откуда-то доносилась гнилостная вонь. Резкий и острый запах надвигающейся бури не в силах был заглушить ее.

— Все это время истина была перед нами, Сигарда, но мы были слепы, — проговорила Авацина, и странный тон ее голоса сделал слова похожими на шипение. — Мы сражаемся с *чудовищами*. Вампирами, вервольфами, зомби, ведьмами, некромантами, дьяволами. А почему? Потому что они несут разрушения. Они разоряют и пожирают. Насилуют землю с одной лишь целью посеять хаос. Авацина сделала паузу, глядя на Сигарду, и ее глаза вновь вспыхнули черным. Сигарда почувствовала, как комната словно уменьшается, и стены грозят раздавить ее.

— За эти преступления мы караем и казним их. Но люди совершают *те же самые* преступления. Авацина улыбнулась, и Сигарда поняла, что за тысячу лет знакомства она впервые видит улыбку на ее лице. Это была довольно жуткая улыбка. Она была совершенно отделена от остального лица, от глаз. словно какая-то произвольная реакция заставила уголки ее губ поползти вверх, не выражая ни счастья, ни радости.

Авацина продолжала, и ее голос становился громче, а слова резче, отчетливее. Шипение пропало. — Они плодятся в собственной грязи и порождают новых отпрысков, чтобы рубить леса, загрязнять реки, лгать, изменять и убивать друг друга. Что достойного они произвели на свет? Чего великого смогли достичь? Мы можем убить всех до одного «чудовищ» этого мира, каждого вампира и вервольфа, и что случится? Настанет ли мир? Придут ли люди к свету?

Авацина видела замешательство и отвращение на лице Сигарды. Она засмеялась резким, почти скрипучим хохотом. — Ты знаешь ответ, Сигарда. Ты знаешь *истину*.

И Сигарда действительно знала истину. Люди были склонны совершать ужасные поступки. Последствия и сознательного зла, и непреднамеренного невежества были разрушительны. Люди врали, изменяли и убивали. Но они были способны на чудесные вещи. Они любили и строили. Они жертвовали и служили. Они были свободны творить добро или зло, устанавливая порядок

или сеять хаос, и эта свобода выбора делала каждое доброе деяние драгоценным самоцветом, сияющим во мраке ночи.

Впрочем, это не имело значения. Доводы Авачины могли быть убедительными и любопытными, но предать людей... это противоречило природе ангелов. С таким же успехом Авачина могла убеждать ее в том, что солнце должно вставать на западе, а приливам и отливам не место в морях.

Сигарда не ответила. Она не видела смысла отвечать. Авачина вряд ли собиралась вступить с ней в дискуссию. Она промолчала, и Авачина продолжила: — Я понимаю, Сигарда. Это тяжелая, непростая истина. Бруне и Гизеле тоже понадобилось время, чтобы понять ее. Но в конце концов они увидели свет.

Услышав свои имена, две сестры заговорили.

— Теперь мы верим... — сказала одна.

— Сестра. Великое деяние должно начаться, — промолвила вторая. Не видя их лиц, Сигарда поняла, что не может распознать, кому какой голос принадлежит.

— Мы вернемся. И скоро, — предупредила Авачина. — Нам понадобится твоя помощь. Нечестивых следует очистить, покарать. Мы откроем дорогу истинному свету. Для нас и всех тех, кто способен установить и поддерживать мир. Только представь себе, Сигарда! Больше не будет насилия, не будет войн, не будет тьмы.

— Свет негасимый, — сказал голос из-за спины. Сигарда не знала, чей. Возможно, обе сестры сказали это одновременно.

Иллюстрация: Чэнь Цзэчжоу

Авацина подняла копье, указав им на каменную крышу. Из копья вырвался заряд энергии, и крыша... исчезла. Могущество Авачины обратило ее в ничто. Лишь мелкая пыль осыпалась вниз, покрыв одежды ангелов.

— Скоро, — сказала Авацина и взлетела в темные небеса. — Скоро, — повторили Гизела и Бруна за ее спиной и взлетели за ней.

Сигарда стояла в своих разрушенных покоях и смотрела, как молнии пляшут в серых небесах. Дождь так и не начался. Слезы капали из ее глаз, разбиваясь о запыленный каменный пол. Она вспомнила о погибшей тысячу лет назад сестре-отступнице и спросила себя, почему она не сражалась за нее. Почему хотя бы не попробовала...

«Гроза надвигается». Сигарда подумала об ангелах из своего сонма. Кто из них уже перешел на сторону Авачины? Она подумала о людях, которые могли бы присоединиться к ее борьбе. Их было мало — слишком мало. Но Сигарда знала, что даже если никто не встанет с ней плечом к плечу, то это не будет иметь значения. *«Гроза уже здесь. На этот раз я буду сражаться».*

— Мейли! Мейли! — голос Келси раздавался в сумерках заката. *«Где этот сорванец?»* Келси заглядывала под крыльца и раздвигала кусты. Большинство селян не обращало на нее внимания. *«Не мог он снова убежать»*, — сказала она сама себе, надеясь, что если у нее выйдет достаточно уверенно, то так оно

и будет. Келси изо всех сил старалась не думать о том, что случилось месяцы назад, когда сын *на самом деле* сбежал. Когда, чтобы спасти ребенка, явилась Авацина.

Жители деревни ей не верили. Они недолюбливали ее с Мейли, особенно после смерти Хансе. Когда он умер, Келси стала просто странным чужаком из Кессига с непослушным ребенком, пошедшим в мать. И когда той ночью она явилась в деревню, прижимая к себе сына, и бессвязно бормотала что-то о явлении Авацины... что ж, надо признать, она и сама бы себе не поверила.

Но Авацина действительно явилась и спасла ее сына, ее единственное дитя. Мейли родился под новой луной и всегда был особенным ребенком — своевольным и свободолюбивым. Деревенские были правы, когда говорили, что он похож на мать. Внешне он напоминал отца, и это было для Келси и великим блаженством, и жестокой пыткой. Характер же у него был материнский: неугомонность и страсть к исследованиям.

Но кое-что Келси не рассказала тогда деревенским. То, как рассердилась она на Мейли. Конечно, она за него переживала и безумно волновалась. Страх потерять его придавал ее молитве такую силу, что Авацина ответила на нее. И когда ангел принесла мальчика в ее объятия, Келси чувствовала лишь облегчение, лишь всепоглощающую радость, от которой слезы текли по щекам.

Пока ее не настигла перемена.

Она не могла этого ни описать, ни объяснить. В один момент вся ее любовь и забота исчезли, провалились в растущую тьму. Злоба заполнила ее, и в сердце словно ударила молния. Но это была не только злоба. Ее переполняло кипучее отвращение и презрение — эмоции, которых раньше она не чувствовала по отношению к Мейли. И что было еще хуже, она продемонстрировала эти эмоции перед *Авациной*. Авациной, спасшей Мейли! Спасшей ее саму.

Но когда Авацина оставила их на темном лугу, ушел и гнев. Ушел и больше не возвращался. Теперь Келси думала лишь, что вернула ребенка, вернула свою радость. *«Просто надо снова найти его».*

Иллюстрация: [Клифф Чайлдс](#)

Огни факелов на шестах на задворках деревни мерцали и играли на холодном зимнем ветру. Сумерки сгущались и тени становились длиннее. Келси закусил губу, думая, где искать дальше, и вдруг услышала за спиной громкий крик. Она испуганно обернулась, но это был Мейли, бежавший к ней со счастливой улыбкой на лице и радостным криком: «Мама, мамочка!».

Подбежав, он изо всей силы обнял ее, а она так же крепко обняла мальчика в ответ. *«Ты — все, что мне нужно в мире. И пусть местные не верят и презирают меня. Мне все равно. У меня есть ты».*

— Где ты был? — она старалась не показывать, как недовольна тем, что его пришлось искать. Ему нравилось исследовать, и Келси хотелось, чтобы эта страсть сохранилась. Она всегда хотела, чтобы...

Все факелы вдруг погасли. Огонь потух, и это был не ветер. Холодный воздух стал совершенно неподвижным. Мейли крепче схватился за мать, и Келси обхватила мальчика руками. Кто-то в деревне закричал, а потом вспышка в небе привлекла внимание Келси, и она посмотрела вверх.

Над ними летели ангелы.

Иллюстрация: [Тайлер Джейкобсон](#)

На фоне темнеющего, оранжево-фиолетового неба крылатые ангелы парили высоко над деревней. Все они были вооружены мечами, копьями или посохами, и у многих оружие в руках сияло золотым или серебряным светом. «Звезды спускаются с небес» — подумала Келси. Она взглянула на Мейли. Тот уставился на чудесную картину, разинув рот.

И тогда сияющее копье одной из ангелов указало вниз, на деревню. Из острия вырвался луч света, ударивший в дом. Дом на секунду окутала яркая вспышка, а потом его соломенная крыша загорелась. Ангел указала копьем на другой дом. Снова вспышка света и снова взрыв. Другие ангелы спикировали размахивая огненными мечами, и ночь заполнили вопли и крики боли. Мейли завизжал у нее в объятьях. Его чудо превратилось в кошмар.

Келси не могла сдвинуться с места. Ее мышцы словно заledenели, а ноги примерзли к земле. Сначала она решила, что ангелы охотятся на вампиров, вервольфов или еще какую-то нечисть. Но с окраины деревни она видела, как умирают ее соседи, сраженные мечами или сгоревшие в золотом свете и пламени. «Они убивают нас». Мейли закричал снова, и она стряхнула с себя оцепенение.

— Мейли, любимый, послушай меня. Беги, беги дальше и быстрее. Беги в чашу леса и не возвращайся. Что бы ни случилось, не возвращайся! Не смотри назад. Келси слышала собственные слова, словно их произносил кто-то другой. Она удивилась, как спокойно они прозвучали. Из деревни доносились новые взрывы и крики.

Мейли всхлипнул: — Мама! Я не могу.

— Мейли! — голос Келси прогремел резко и уверенно. — Ты будешь слушаться. Беги! Беги, как ты еще в жизни не бегал. В лес! Она вырвалась из объятий Мейли и оттолкнула его. Секунду мальчик глядел на нее полными слез глазами, потом повернулся и помчался прочь, продираясь через окаймляющие деревню кусты и колючки. Келси почувствовала, как больно кольнуло в сердце. *«Беги, малыш!»*

Взглянув вверх, Келси заметила, что начавший разрушения ангел смотрит на нее с небес. На нее — и мимо нее, в сторону леса. *«Нет! Тебе он не достанется!»* Закричав на ангела, Келси побежала туда, где парила крылатая воительница.

«Авацина», — подумала она. Быть может, в ангелов вселились злые духи, или это были принявшие чужой облик силы тьмы. Как бы то ни было, Авацина спасет их. Встав под ногами ангела, Келси склонила голову. *«Авацина, услышь мою молитву. Помоги мне, помоги всем нам. Прошу тебя, Авацина! Ты спасла моего мальчика — спаси его еще раз. Спаси нас всех».*

— Можешь не взывать ко мне со своими лживыми речами, жалкое существо. Я тут, перед тобой, — услышала Келси голос с небес. Она взглянула вверх и увидела ангела, облаченного в черное. Ее крылья были запятнаны кроваво-красным, а глаза были черными и безжалостными — они ничем не напоминали те любящие глаза, что Келси видела лишь пару месяцев назад. Голос был одновременно знакомым и чужим — какой-то незнакомый акцент искажал слова.

Авацина, Очистительница | Иллюстрация: [Джеймс Райман](#)

Это была Авацина. Авацина была здесь. Авацина разрушала их деревню.

«Но это не имеет смысла». На какой-то миг Келси решила, что она спит. Она увидела копье Авацины — длинные клинки разной длины, прикрепленные к ярко сияющему символу ангела. Но символ был неправильным, он казался перекрученным и искаженным, словно металл каким-то образом *испортился*. *«Но это невозможно. Металл не может так меняться. Это все — плохой сон».*

Но она знала, что это реальность. Ангелы обратились против них. Ангелы *убивали* их.

«Почему ты нас оставила?!» — прокричала Келси. Она не знала, к кому она обращается: к Авацине или к звездной выси над головой. Ни одна не ответила.

В деревне слышались новые крики — и резко прекращались. Мечи и огонь ангелов не знали устали. Пламя поднималось все выше, пожирая деревню Келси, пожирая все, что было в ее жизни. Авацина медленно спустилась вниз. Ее кровавые крылья не шевелились, черные глаза были прикрыты. — Великое деяние начинается! И ты здесь, чтобы узреть его во всей славе. Как уместно. — Авацина замолчала, вглядываясь за спину Келси. — Но где же маленькое существо? Оно тоже должно здесь быть.

— Он ушел! И тебе его не достать, мерзкая тварь! — Келси всхлипывала, пытаясь не задохнуться от дыма и горя. *«Беги, Мейли, беги. Должно же быть безопасное место. Найди его, мой милый, прошу!»*

— Не достать? — Авацина приземлилась в шаге от нее. Келси вдруг услышала громкое жужжание и руками закрыла заболевшие уши. Авацина протянула руку и дотронулась до щеки Келси, погладив дрожащую женщину. — Я могу достать *все, что пожелаю*. Моя власть не знает границ. Но мое царство прогнило. Испортилось. Его нужно очистить. Все здесь должно стать чистым.

Авацина остановилась, убрала руку. — Неважно. Рано или поздно я найду маленькое существо. Рано или поздно я найду всех вас. Она сделала шаг назад и направила копье на Келси. — Все сгорит. Все погибнет. Наконечник копья загорелся красным и золотым.

Келси закрыла глаза. *«Мое милое дитя...»* Свет был ярким, слишком ярким. *«Мое милое, милое...»*

Авацина смотрела, как ветер уносит останки смертной женщины, как ее прах разлетается и кружится, прежде чем осесть на землю. *«От хаоса к порядку. От порчи к чистоте. Так установится мир».*

Небо шептало ей. Реки, деревья, трава, луна. Все шептали ей славную правду.

«Как долго я слушала шепот лжецов, и весь мир страдал». Но теперь она слышала истину. Она знала это, потому что каждый голос говорил одно и то же — в отличие от сбивчивых и запутанных молитв, терзавших ее сотнями лет. *«Как я раньше не понимала, как непоследовательны люди? Их мир всегда меняется. И не имеет значения, как».* Теперь она все поняла.

Она взглянула на луну, и луна прошептала ей чудесные слова: *«Все сгорит. Все погибнет».* Авацина повторила их: умиротворяющая песня, наполнившая ее разум радостью. *«Все сгорит. Все погибнет».* Она улыбнулась и рассмеялась, а ангелы продолжали вершить великое деяние в пылающей деревне.

Иллюстрация: [Йоханнес Восс](#)

ХОЛОДНЫЙ ПРИЁМ

BY KELLY DIGGES

Джейс Белерен явился на Иннистрад в поисках Сорина Маркова, надеясь, что тот поможет ему разгадать загадку. Но Иннистрад для Джейса — незнакомый мир, а единственная, кого он здесь знает, вряд ли согласится стать его проводником — особенно после того, как закончилась [их прошлая встреча](#).

Лошадиные копыта отбивали неторопливый ритм. Впереди возвышались зазубренные горы провинции Стенсия, но цель Джейса находилась не так далеко от границы. В мыслях своего проводника маг прочитал достаточно, чтобы знать, что они уже подъезжают.

— Не понимаю, зачем я все это затеял, — сказал Джейс. — Можно подумать, я ее не знаю...

— М-м, — ответил проводник. Этот бородач с обветренным лицом не отличался красноречием. Джейс начал свой монолог от скуки, чтобы развеять тишину, и постепенно добрался в нем до цели своего визита.

— То есть, я в своей жизни принял немало плохих решений — даже если считать только те, что я могу вспомнить. И в огромном количестве этих решений участвовала она.

— Хм-м, — ответил проводник.

Небо было затянуто рваными тучами, холодный дождь поливал землю, и кто-то выл в ночной темноте. Джейс провел на Иннистраде всего два дня и уже успел возненавидеть этот мир. Пока что единственным светлым пятном был новый кожаный плащ, купленный, чтобы укрыться от дождя и промозглого холода.

— Проклятье... я даже немного надеюсь, что она спустит меня с лестницы, и на этом мы с ней покончим.

— А-а, — ответил проводник.

Полная луна выглянула из-за облаков. На ее громадном серебряном диске красовалось пятно, которое местные называли цаплей. «Похоже», — подумал Джейс.

— Беда в том, что на этот раз мне на самом деле нужна ее помощь, — сказал он.

— А-а-ах, — ответил проводник. Сдавленный звук, который Джейс принял за выражение скуки.

— Извини, — сказал он. — Не буду докучать тебе своими заботами.

Он подготовил заклинание, чтобы аккуратно стереть последние минуты разговора из разума мужчины.

— А-а-а-р-р-гх, — прорычал проводник. Это явно была не скука. Гнев?

Джейс потянулся в его разум — и столкнулся со стеной чистой, всепоглощающей ярости... со свирепыми обрывками мыслей хищника.

Проводник повернулся к нему, и Джейс услышал тошнотворный звук ломающихся костей и рвущейся одежды. Лицо мужчины ужасно раздулось, один глаз стал большим и желтым, челюсть полезла вперед. Обе лошади беспокойно затоптались.

— О... — только и сказал Джейс.

На трансформацию ушло всего несколько минут. Все тело проводника покрылось шерстью, из пальцев вылезли когти, зубы выросли длинными и острыми, а лицо вытянулось в волчью морду. Лошадь под ним забилась в панике, и человек — человек-волк — вонзил клыки в ее шею.

«Пора уходить».

Джейс пришпорил своего скакуна, отправляя его в галоп, — мимо твари, в которую превратился его спутник, и визжащей от ужаса кобылы. Он был уже близко. Он доберется сам.

За спиной послышался хруст, хлюпающий звук, и лошадиный крик оборвался. Вервольф испустил громкий вой, и ему в ответ завывали из леса — один, второй, потом еще и еще, пока Джейс не перестал различать, сколько голосов в стае.

Он опасным, безрассудным галопом мчался по залитой лунным светом дороге. Впереди показались огни большого поместья. Оно было соблазнительно близко, но дорогу к нему преграждал овраг. Джейс дернул поводья влево и посмотрел назад.

За ним гналось не меньше трех тварей. Кошмарная смесь человека и волка. Они не были похожи на порожденных экспериментами Объединения Симиков красисов — у тех по их частям всегда было видно, что они взяты от разных существ. У вервольфов же были человеческие ладони с острыми когтям, покрытые шестью мускулистые руки, волчьи морды с проблеском разума в глазах — они умудрялись одновременно быть и почти людьми, и почти волками.

Иллюстрация: Мэтиас Коллрос

Джейс слышал о вервольфах, но надеялся, что не встретится с ними.

Он пришпорил лошадь и отчаянно поскакал вперед, к манящим огням особняка. В ночной темноте тропинка огибала овраг, ныряла в кусты и пересекала ручейки, шумно скатывающиеся вниз по его стенам. Топота

хищников Джейсу не было слышно за стуком лошадиных копыт и бешеным грохотом сердца.

Он создал за своей спиной иллюзорного двойника, свалившегося с лошади. Двойник вскочил и принял защитную стойку, но вервольфы пробежали его насквозь. Джейс рискнул обернуться и увидел, что к нему с раздувающимися ноздрями приближается уже пять тварей.

Запах. Конечно же. Они не обращали внимания на то, от чего не пахло.

Это можно было использовать.

Волшебник создал новую иллюзию, на этот раз материальную. За спиной появился громадный медведь, сотканный из сияющего синего света. Это было создание из чистой магии, а не обман зрения, — но запаха у него, разумеется, не было.

Призрачный Медведь | Иллюстрация: Райен Йи

Зверь угрожающе поднялся на задние лапы, но вервольфы бежали прямо на него, думая, что это лишь бесплотный призрак. Тогда медведь ринулся вперед и сбил одного из оборотней. Сцепившись, два хищника покатались по земле — бешеный клубок шерсти и света.

Джейс вновь повернулся вперед, и в этот момент его лошадь споткнулась, на мгновение сбавив скорость. Мгновения оказалось достаточно. За несколько прыжков стая нагнала всадника. Преследователи щелкали зубами и размахивали когтистыми лапами. От их горячего и зловонного дыхания в холодном ночном воздухе поднимался пар.

Джейс потянулся к разуму монстра, в которого превратился его проводник, — того, чьих мыслей он уже касался. В его голове царил хаос из голода и ярости, но Джейс все еще мог узнать воспоминания и стремления человека, которого нанял показать дорогу до Стенсии. Любопытно.

Маг пробивался в разум вервольфа, сражаясь с мыслями об убийствах, крови и пожирании. В глазах чудовища луна в небе была раздута, ее свет был зловеще-красным, а цапля смотрела с ее диска злобно и угрожающе. Наконец связь была установлена. Джейс взял оборотня под контроль.

Его проводник рванулся в сторону и схватил зубами соседнего вервольфа — того, что в своих обрывочных мыслях называл вожак. Джейс контролировал его всего лишь секунду, но этого было достаточно. Вожак кинулся на напавшего наглеца. Проводник Джейса уже по собственной воле зарычал и бросился в драку. Похоже, у вервольфов не было способа передать такую сложную мысль, как *«меня заставил маг разума»*. Впрочем, это оправдание обычно не работало и среди умеющих говорить.

Забыв об охоте, два волка кружили, уставившись друг на друга, а третий — самка? Еще один претендент? — стоял в стороне и наблюдал. У Джейса остался всего один преследователь. Но виляющая вдоль края оврага тропа то спускалась вниз, то поднималась в горку, и магу пришлось полностью сосредоточиться на дороге.

Несчастливая лошадь была вся в мыле, испугана и совсем выбилась из сил. Джейс подумал, что чувствует горячее дыхание вервольфа на своей шее. Он оглянулся. Дыхание пока было игрой воображения, но, пожалуй, ненадолго. Хищная тварь бегала по оврагам гораздо ловчее лошади Джейса и быстро приближалась.

Наконец овраг ушел в сторону, и перед магом открылась ровная местность. Грязная дорога вела к приветливым огням поместья. «И не просто поместья, — понял он, когда дом стал ближе. — Ее поместья. Его цели».

«Будем надеяться, она не рассердится, что я привел гостя».

Он был на расстоянии крика от ворот, когда вервольф догнал его. Удар когтистой лапы распорол круп лошади, и ее задние ноги полетели в сторону. Джейс вылетел из седла, упал в грязь и покатился в сторону. Поднявшись на ноги, он пустился бежать. За его спиной оборотень с рычанием рвал упавшую лошадь.

Ворота поместья оказались закрыты и заперты, привратника не было, а во дворе было темно. Джейс оглянулся и в лунном свете увидел, как вервольф оторвался от лошади и поднял окровавленную морду. Встав на задние лапы, он пошел на мага, забыв о разодранной туше.

«Значит, взлом и проникновение? Все лучше и лучше».

Джейс расслабился, прогнал все мысли о чудовище за спиной и сосредоточился на замке. Его способности телекинеза были довольно слабыми — не сильнее его собственных рук, зато гораздо утомительнее. А вот с точностью было все в порядке. Невидимые пальцы проникли в замок, нащупали штифты и быстро сдвинули их в нужное положение. Замок с щелчком оторвался, и Джейс толкнул массивные чугунные створки. Они не поддавались — наверное, петли проржавели, — и тогда маг навалился на них всем телом. Ворота раскрылись со скрипом, который разбудил бы и мертвеца, и Джейс упал на колени, оказавшись во дворе.

Он повернулся, пинком закрыл створки и мысленно переместил штифты замка обратно, запирая его. В этот момент вервольф врезался в ворота. Маг пополз назад, пятясь от хищных когтей, но вервольф шумно принялся — раз, потом второй, — и удалился восвояси, отправившись на поиски новой дичи.

Джейс почувствовал за спиной движение. Поднявшись на ноги он повернулся. В темноте двора маг с трудом разглядел десяток темных фигур, молча стоящих вокруг. Теперь и он почувствовал запах, спугнувший вервольфа. Вонь гнилой плоти. Быстрая проверка подтвердила подозрения: разума в телах не было. Все они были мертвы.

Мертвецы без единого звука надвигались на Джейса, заставив прижаться к воротам. Окружившие его зомби, вервольф где-то за спиной, эта проклятая луна, освещающая всю картину...

Вдруг зомби остановились, потом зашевелились и расступились, открыв проход к резной двери особняка. Приветственная делегация. С ее гостеприимством было все, как он ожидал, и даже больше.

Джейс прошел через строй мертвецов, стараясь не обращать на них внимания. Он впервые смог как следует разглядеть дом. Особняк был велик, в нем было достаточно комнат для большой семьи и оравы слуг. Но в окнах светилось лишь жуткое фиолетовое сияние. Из угла дома поднималась вверх каменная башня. Ее, судя по всему, пристроили совсем недавно. Башню венчал сложный металлический аппарат, назначения которого Джейс разгадать не смог. Такой аппарат мог бы собрать электромаг Иззетов — прежде чем его увезли бы в приют для душевнобольных.

Джейс поднялся по ведущим к двери ступенькам, и в этот же миг дверь распахнулась сама, открывая проход в темный коридор. Маг остановился у порога.

— Можно войти? — спросил он.

Из-за двери появился новый зомби, на этот раз наряженный в некое подобие ливреи дворецкого, и кивком головы позвал Джейса за собой. Ладно.

Маг снял капюшон и пошел за новым проводником, удивляясь, что воздух внутри застоявшийся, но не зловонный. Должно быть, не обошлось без заклинаний. Наконец проводник пропустил Джейса в просторный освещенный лунным светом и колдовством зал, по которому бродило с полдюжины зомби.

А в кресле, больше напоминавшем трон, раскинулась Лилиана Весс. Она закрыла массивный фолиант в кожаном переплете и отдала одному из мертвых слуг.

Иллюстрация: Мэтиас Коллрос

— Привет, Джейс, — сказала она, оценивающе смерив мага взглядом с головы до ног. — Красивый плащ.

Лилиана встала и направилась к Джейсу своей ленивой, кошачьей походкой. Остановилась она лишь тогда, когда подошла слишком близко. Она изучала его своими древними фиолетовыми глазами, отмечая деталь за деталью. «Ей прекрасно видно, — подумал Джейс, — как у меня под кожей ходят желваки».

На этот раз он взглянул ей в глаза — несмотря на нахлынувшие воспоминания.

Она потянулась к его лицу... и больно щелкнула по носу.

— Ай! Ты что?..

— Проверяю, что ты явился собственной персоной, — сказала она.

— Знаешь, я ведь могу делать иллюзии материальными, — проворчал Джейс, потирая нос.

— Ага. Но сомневаюсь, что они умеют так убедительно вопить.

— Я надеялся на прием потеплее, — сказал Джейс. — У тебя весьма нелюбезные соседи.

— Да, я слышала, — ответила колдунья. — Но тут есть твари и пострашнее вервольфов.

— Вроде вампиров?

— Ангелы, — сказала она с отвращением.

Джейс закатил глаза.

— Что ж, твое отношение к ним хорошо известно, — сказал он. — Но лично я не отказался бы от помощи ангелов.

— Это не... — начала Лилиана, но остановилась. — Что ж. Думаю, кому ты доверяешь — дело твое. Но я на твоём месте ангелам не доверяла бы.

— Я считаю, что доверять нельзя никому, — ответил Джейс. — И пока что ничего из случившегося не заставило меня переменить мнение.

— Молодец, умный мальчик, — сказала колдунья. — Выпьешь что-нибудь?

Лилиана вернулась к своему трону, уселась, и зомби подковылял к ней с бутылкой... чего-то.

— Спасибо, воздержусь, — отказался маг.

Лилиана налила себе стакан и отхлебнула.

— Что ж... — сказала она. — Давай начнем по порядку. Чему обязана удовольствием?

— Я... — на одной чаше весов лежала гордость Джейса, на другой — практичность, и он принял решение. — Я пришел извиниться.

Лилиана подняла бровь, изображая любопытство: — Вот как? И за что же?

— За то, что покинул Равнику, оставив... незавершенные между нами дела.

— То есть, за то, что бросил меня? — уточнила она с жестокой улыбкой. — И сбежал в какой-то захолустный мир с этим ходячим анатомическим атласом?

Она говорила про Гидеона, и Джейс подавил смешок.

— Сомневаюсь, что ему понравился бы этот комплимент.

— Но это так! — возразила колдунья. — Из него получится отличный труп, если он успеет помереть, пока не станет дряблым.

— Ну а этот комплимент ему точно не понравится, — сказал Джейс. Лилиана всегда шла напролом.

— Так ты жалеешь, что отправился с ним? — спросила она.

— Я бы так не сказал, — ответил маг. — Мы хорошо поработали. Вообще-то, мы спасли целый мир — при помощи еще двух planeswalker-ов.

Он улыбнулся.

— И мы принесли клятву, что... что продолжим это делать. Продолжим бороться с грозящими мирам опасностями.

— Очень мило, — сказала Лилиана. — Вы — настоящие герои. И... что теперь? Ты явился, чтобы пригласить меня в свой маленький клуб?

— Нет, — ответил Джейс. — Я слишком хорошо тебя знаю.

Лилиана ждала. Она тоже слишком хорошо его знала.

Конечно, я об этом думал, — сказал он, пожав плечами. — Тебе не помешали бы друзья, прикрывающие спину. Но я знал, что ты на это не пойдешь.

— Меня это не интересует, — сказала волшебница. — Ни твои друзья, ни твои клятвы.

— Я и не думал, что ты заинтересуешься, — ответил он.

Лилиана вздохнула.

— Джейс, я знаю, что ты тут не для того, чтобы меня вербовать, — начала она.

— Не для того, чтобы помогать мне. И уж точно не для того, чтобы извиняться.

— Почему ты так говоришь? — возмутился Джейс, а потом добавил. — Я уже извинился.

— Ты сам все сказал, — продолжила Лилиана. — Я предала тебя. Прокляла Гаррука. Кольчужная Завеса до сих пор у меня. Я никогда по-настоящему не была твоим другом. И ты знаешь, что я никогда не просила тебя о помощи. Хоть что-то из этого изменилось?

— Нет.

— А это значит, что на самом деле тебе что-то нужно от меня. Ты знаешь, что у меня не все гладко, и решил, что сможешь заключить сделку.

Она дождалась, пока он начнет: «Я...» — и сразу перебила его.

— Докажи, что я ошибаюсь, — заявила колдунья. Она встала и гордо подняла голову. — Я отказываюсь от твоей безвозмездной помощи, Джейс Белерен. Если ты пришел, чтобы помочь мне, ничего не прося взамен, то развернись и ступай прочь.

Джейс ничего не сказал. Даже если она блефовала, он не мог позволить себе проверять это.

— Ладно, — произнесла Лилиана, вновь усаживаясь на трон. — Мы с тобой выяснили, что для нас с тобой значат воспоминания, а теперь... что я могу для тебя сделать, дорогой?

— Она хищно и соблазнительно улыбнулась. Ситуация была полностью под ее контролем, так что колдунья могла позволить себе великодушие.

— Мне любопытно, — спросил Джейс, — ты меня на самом деле вышвырнула бы, если бы я просто явился помочь?

— Отличный вопрос, — сказала Лилиана. — Если он возникнет вновь, то может быть, ты узнаешь ответ.

Она сделала новый глоток из бокала и замолчала.

— Я ищу Сорина Маркова, — наконец сказал Джейс.

Лилиана не смогла сдержать искреннего удивления. Маг разрешил себе порадоваться этой маленькой победе.

— Джейс, ты понимаешь, о чем просишь? — заговорила она. — Ты знаешь, кто он такой? Что он такое?

— Я знаю, что он вампир, и его называют повелителем Иннистрада, — ответил Джейс. — Знаю, что ему без счета лет, что ему не стоит доверять, и что сейчас он или сам попал в беду, или вызывает беды. Как бы то ни было, мне его надо найти.

Кровавый Обмен | Иллюстрация: Эрик Дешам

— Зачем? — спросила Лилиана.

— Тысячи лет назад...

Лилиана застонала.

— Ладно, тогда краткое изложение. Три planeswalker-а вместе пленили в мире Зендикар обитающих в Пустоте и пожирающих миры чудовищ-Эльдрази. Одним из этих трех был Сорин.

— Правда? — удивилась Лилиана. — На него не похоже.

— Мой информатор, один из старых союзников Сорина, заявил, что тот сделал это из чувства... «высокопарного своекорыстия». Или как-то так. Он знал, что рано или поздно Эльдрази доберутся до Иннистрада, так что помог поймать их в ловушку в другом мире.

— А потом... вы их выпустили, — сказала Лилиана с улыбкой. — Я правильно помню?

Джейсу хотелось, чтобы она наслаждалась этим не так открыто.

— Да, — ответил он. — Обманом и шантажом нас с еще двумя planeswalker-ами вынудили невольно выпустить титанов Эльдрази из их темницы. Сорин явился на помощь, но ненадолго. Он испробовал на чудовищах какой-то свой предохранитель, но ничего не вышло. На Зендикаре он должен был встретиться со своим союзником, моим информатором, но тот так и не появился.

— А вот это на него похоже, — подтвердила Лилиана.

— Конечно, теперь ему нет нужды возвращаться на Зендикар, — продолжил Джейс. — Но planeswalker, с которым я работал, больше не желает со мной разговаривать, а Сорин и третий из изначальной троицы куда-то пропали. Я беспокоюсь, что ими мог заинтересоваться один дракон-planeswalker... но ты же об этом ничего не знаешь, не так ли?

— Я тебе говорила, что больше с ним не работаю.

— У тебя много достоинств, Лилиана, но кристальная честность в их число не входит.

— Джейс, — сказала Лилиана, — послушай меня. Сорин не станет тебе помогать. Ты думаешь, что я эгоистичная? Думаешь, что я жестокая? Сорин тысячи лет жил с мыслью о том, что люди — это скот, и жизни смертных ничего не стоят.

— Ты его знаешь?

— Я с ним встречалась, — произнесла колдунья. — Один раз, вскоре после того, как попала на Иннистрад. Он отыскал меня, испытал мои силы в бою и заявил, что я слишком слаба и не представляю угрозы. Потом предупредил, что Иннистрад — его владения, и если я не умею вести себя в гостях, то он найдет и убьет меня.

— Как мило, — сказал Джейс. И когда это было?

— Давно, — ответила Лилиана. — Да, тогда такие схватки были обычным делом. Но я не думаю, что он изменился. И у Сорина не больше причин быть с тобой любезным, чем у твоего другого planeswalker-а. А чтобы с тобой не разговаривать, он может просто тебя убить. Не ходи к нему.

— Такой вариант не рассматривается, — сказал Джейс.

— Это древний, безжалостный и могучий тип. Ты вляпался по уши.

— Я вляпался по уши? — улыбнулся Джейс. — Ты смотри, кто заговорил.

— Да, — сказала Лилиана. Сладости в ее голосе больше не было. — Я заговорила. И я говорю тебе: не ходи. Он не станет тебе помогать, а если древний вампир захочет убить тебя, то тебе его не перехитрить.

— Не знай я тебя, — сказал Джейс, — подумал бы, что ты за меня беспокоишься.

— Не надо приплетать сюда нас с тобой! — ответила колдунья. — Ты не пришел бы, если бы не собирался мне что-то предложить. И если тебе все

равно, то я хочу узнать, что именно, прежде чем ты пойдешь и насадишься на меч Сорина.

— Если ты за меня боишься, то пойдём вместе. Может быть, ты нас познакомишь?

— Что? — удивилась она. — Нет. Я тебе уже сказала. У меня полно собственных забот и свои решения. И мне все равно, какую помощь ты собираешься мне предложить. Если Сорин нас обоих убьёт, то помощь не понадобится. Это, конечно, если мы его найдем. На дорогах сейчас беспокойно, знаешь ли. В общем, я никуда не иду.

— Ладно, — сказал Джейс. — Я надеялся, что ты мне поможешь, но, похоже, придется пойти по последнему следу. Поместье Марковых — в той стороне, верно?

Он ткнул пальцем в направлении, которое казалось ему более или менее правильным.

— Поместье Марковых? — удивилась она. Вытаращив глаза, она схватила Джейса за запястье и подтащила к себе. — Джейс, это еще хуже!

— Это же его родовой дом, верно? Наверное, его семья знает, где его искать.

— Ты *хоть что-нибудь* знаешь об Иннистраде? Лилиана была в бешенстве. — Или просто увидел на карте «поместье Марковых» и решил: «Отлично, уж здесь-то меня точно не должны зверски убить»?

— Я залез кое-кому в разум, но выудил немного, — ответил Джейс. — А что? Что я упускаю?

— Сорин — изгой среди собственного народа, — объяснила она. — В поместье Марковых ему не рады уже по меньшей мере сто лет. А может, и дольше. Так что если ты туда заявишься с расспросами, то считай, что тебе повезло, если тебя просто убьют.

— Все равно, — ответил Джейс. — Если ты мне не поможешь, то выбора у меня нет. Поместье Марковых — лучшая из оставшихся наводок.

Лилиана откинулась в кресле. Выражение лица стало жестким, глаза засияли фиолетовым светом.

— Что ты...

Неживые слуги колдуньи пошли на Джейса. Его сердце заколотилось.

— Лили, что ты делаешь?

Зомби шли вперед.

— Излагаю точку зрения, — ответила она.

Слишком близко. Они были слишком близко.

Джейс укрылся быстрым заклинанием невидимости, но мертвецы продолжали наступать. У доброй половины из них и так не было глаз.

Холодная рука схватила его за плечо.

Джейс напрягся, и его тело рассыпалось на иллюзорных двойников. Полдюжины Джейсов: кто-то выкрикивал заклинания, кто-то рванулся к окну, кто-то бросился на Лилиану.

Зомби не обратили на них внимания. Руки обхватили Джейса со всех сторон. Толпа зомби прижимала его к стене — холодный камень, ледяная кожа. Мертвые пальцы сжимали его руки, его ноги, его горло. Заклинания сна, иллюзорные оковы — часть из этого на зомби не действовала, а для оставшегося их было слишком много. Джейс был беспомощен.

«Она не будет причинять мне настоящую боль. По крайней мере, не без причины».

— Лили, — сдавленно прохрипел он. — С мертвецами мне не справиться, но с некромантом — да. В настоящем сражении я бы уже стер тебе разум.

Зомби замерли, удерживая его на месте.

— Может быть, — произнесла Лилиана, поднимаясь и направляясь к нему. — Правда, без моего присмотра зомби разорвут тебя на куски. Вряд ли это мне поможет... но сомневаюсь, что и тебя устроит такой исход.

— К чему ты все это делаешь?

Она стояла над ним, и зомби расступились, чтобы дать ей возможность взглянуть.

Бесконечное Повиновение | Иллюстрация: Карл Копински

— Мир — опасное место, — сказала она. — Особенно для тебя. И ты не можешь победить древнего planeswalker-а, чей разум не можешь — или не хочешь — тронуть.

В эти моменты она, окутанная светом луны и энергией некромантии, казалась совсем чужой. Иногда Джейс забывал, как она стара. Лилиане было как минимум на сто лет больше — она была родом из того времени, когда planeswalker-ы обладали нечеловеческим могуществом. А Сорин был еще старше.

— Это тупик, — сказала она. — Отправляйся домой, Джейс. Тебя наверняка заждались какие-нибудь бумаги.

Холодные руки отпустили мага, и он встал, потирая горло. Ему внезапно захотелось сходить в баню.

— Извини, что побеспокоил тебя, — просипел он. — Тогда я отправлюсь в поместье Марковых сам.

Он повернулся к двери.

— Девять преисподних, ты просто безрассудный дурак!

Джейс обернулся к ней.

— Именно так, — согласился он. — Иначе я бы с тобой не спутался. Мне пора.

Он направился к двери, стараясь не думать о лунном свете, окровавленных мордах, глазах Лилианы и том, что у него не осталось ни проводника, ни лошади.

— Не глупи, — сказала колдунья. — Можешь уйти утром.

— Неужели? — спросил он скептически. — После этой демонстрации взаимного безразличия ты предлагаешь мне остаться на ночь?

Лилиана подошла к нему и наклонилась — так, что губы почти коснулись его уха. Джейс почувствовал комок в горле.

— Безразличие, — прошептала она, — не заставляет биться сердце, а кровь — приливать к щекам.

Он чувствовал теплоту ее тела, но дыхание на щеке было холодным, словно лед. Колдунья сделала шаг назад, но холод остался. Мгновенный порыв ушел обратно в тени, где ему было самое место.

— Не льсти себе, — сказала она громко. — У меня есть гостевая комната.

— О!

— В подвале, — добавила она. — Пожалуй, это, скорее, темница.

— Очень мило, — сказал Джейс.

Лилиана развернулась и пошла к выходу.

— Слуги тебя проводят, — бросила она. — Спокойной ночи, Джейс.

Прежде чем уйти, освещенная лунным светом колдунья повернулась и взглянула на мага. Казалось, что она намного дальше, чем было на самом деле.

— До утра, — сказала она твердо. — После этого ты сам по себе.

— Я знаю, — ответил Джейс.

Он замялся, желая сказать больше, но не зная, что сказать. Лилиана вышла из полосы лунного света и растворилась во тьме.

ЖЕРТВА

BY MICHAEL YICHAO

Среди холмов Нефалии, близ границы с Гевоной, темнеет глубокое озеро Жава. Селяне, живущие по его берегам и промышляющие рыбной ловлей, издавна рассказывали о живущем в водах озера чудовище. Но несмотря на мольбы рыбаков, церковь Авацины не прислала им на защиту ни катара, ни ангела. Безумие Иннистрада растет... как же сложится теперь судьба невольных соседей монстра?

Мия не верила в истории о чудовищах.

Не потому, что не верила в чудовищ. Совсем наоборот! Она верила в такое, что большинству взрослых было бы страшно даже представить. В духов, вселявшихся в тела людей. В живых трупов, сшитых безумными мастерами. В свирепых и прожорливых вервольфов. В вампиров, для которых город были лишь большим блюдом с закусками. Она верила во все это — в тварей, говорить о которых было *невежливо*. Слово молчание могло сделать так, что они исчезнут.

Нет, в мире было слишком много чудовищ — тварей, которых старейшины боялись даже назвать по имени, — чтобы верить еще и в городские слухи. Подробностей в них было мало, зато страшных выдумок — хоть отбавляй.

У Вилбура на этот счет было другое мнение.

— Говорю тебе, он *настоящий*, — настаивал он, стуча кулаком по траве. — Вейрил рассказывал, что видел его краем глаза. Говорил, что он большой, как его шхуна.

Мия закатила глаза. — Вейрил как-то раз рассказывал, что поцеловал ангела, — сказала она. — Сколько мы уже слышим истории о Гитроге? И сколько из тех, кому можно верить, видели эту тварь? Мы же не малые дети, чтобы верить в эти глупые сказки!

Вилбур встал, недовольно качая головой. — Это вовсе не глупые сказки. Ты не ходишь на Жаву каждый день, Мия. Не видишь то, что вижу я. Особенно в последние дни. Жуткий неестественный туман. Холод, пробирающий до костей. Нет, в этой темной воде живет не только рыба.

— Это ты мне говоришь как опытный рыбак? Рыбак, которому только исполнилось пятнадцать, и которому даже одному на лодке выходить не разрешают?

Вилбур вспыхнул: — Это тут ни при чем, Мия! Я серьезно говорю, а тебе бы все ерничать.

Мия пожала плечами и направилась к отаре. Несколько блудных овец забрели на край луга, и ей это не нравилось. — Нет смысла бояться темноты, Вил. Бояться надо того, что *в темноте*.

Вилбур ухмыльнулся, и пошел за ней. — Что это такое? Очередное изречение твоего знаменитого папочки? Мия не обратила внимания на подначку, но Вилбур продолжал: — Знаменитый странствующий истребитель, благородный воин скилтфолков. Жаль, что у него не нашлось времени разобраться с чудовищами у себя дома.

— У него не нашлось времени разбираться с разыгравшимся воображением недалеких селян! — Мия взорвалась, потрясая своим пастушьим посохом. — Погляди вокруг, Вилбур. Никому до всего этого нет дела. Нет дела до нашего городка. Нет дела до *нас*. Наш дурной медвежий угол слишком *маленький*, чтобы у нас завелись настоящие чудовища. Мы — всего лишь безымянный городок, затерянный в горах, и нас ведет к безумию наша же буйная фантазия.

Иллюстрация: Андреас Рока

Она обернулась, взглянула на свою отару и вздохнула. Одна овца забрела совсем далеко. Маленький колокольчик у нее на шее тихо позвякивал в такт шагам по каменистому склону холма. Девочка направилась за ней.

— Это тебе твой отец сказал, когда бросил тебя здесь? Что ему нет до тебя дела?

Мия резко затормозила и кинула на Вилбура сердитый взгляд. Юный рыбак, надо отдать ему должное, слегка позеленел и словно пытался проглотить сорвавшиеся с его губ слова. Мия нахмурилась.

— Ты не хотел так говорить.

— Может, и хотел...

— Мы оба знаем, что в драке я тебя побью. Ты *не хотел* так говорить.

Она развернулась, прежде чем Вилбур успел что-нибудь ответить, и закрутила посохом над головой, пустившись бежать. Короткая пробежка, несколько отрывистых команд, крюк посоха, зацепивший упрямую овцу за шею, и Мия повела всех отбившихся подопечных к отаре на лугу.

Она обернулась, чтобы взглянуть, не убежал ли Вилбур домой. К ее удивлению, он стоял на том же месте с глупым и потерянным видом.

— Я не хотел так говорить, — крикнул он через весь луг. Мия вздохнула, но в уголках ее губ пряталась улыбка.

— Я знаю. Лихо засвистев, Мия погнала овец к дороге домой. Вилбур побежал через луг, догоняя.

— И это не потому, что ты можешь побить меня в драке. То есть, ты, конечно, можешь. Но это не поэтому! Поравнявшись с ней, Вилбур перешел на шаг. Мия засмеялась.

— Я знаю, Вил. Вот поэтому ты мне нравишься.

Двое шагали рядом, не говоря ни слова, и уютную тишину нарушало лишь бляенье овец.

Позже на той же неделе, холодным серым утром, Мия проснулась и обнаружила, что в овчарне выломана часть забора. Быстрый подсчет показал, что одной овцы не хватает. Девочка все утро искала беглянку, но безуспешно. Должно быть, на глупое животное что-то нашло, оно проломило ограду и убежало в лес, где его сожрали голодные волки. Мия выругалась от досады, починила ограду и забыла об этом случае.

Мия шла по рынку, собирая в корзину свои нехитрые покупки. Городская рыночная площадь и раньше не отличалась изобилием товаров, но в этом году выдался неурожай, а караваны через горный перевал стали ходить гораздо реже, так что выбор был совсем невелик. Даже в рыбном ряду царило запустение. Лишь на одном прилавке красовалась довольно жалкая кучка мелких голавлей.

— Что, не задалась рыбалка, Лерен? — кивнула Мия старому рыбаку.

Лерен отрицательно помотал головой и вздохнул. — Я на озеро почти не выходил. Туман густой, как кисель. Опасно.

— Опасно, это точно, — прокаркал хриплый голос. — И не только из-за тумана. Умные рыбаки от озера держатся подальше.

Иллюстрация: Джон Станко

Мия посмотрела, кто это говорит, и закатила глаза. — Если все наши рыбаки были бы умными, как ты, Вейрил, они бы давно с голоду померли.

— Умные знают, что Гитрог придет из глубин, — напирал Вейрил, и в его голосе прорезались глумливые нотки. — Только дурак будет рыбачить в озере.

— Я ни разу не встречала рыбака, который так боялся бы озера. Не сваливай свое неумение на воображаемое чудовище. Мия выбрала из кучки самого жирного голавля и демонстративно вручила Лерену еще одну монетку.

— Думай, кого ты называешь воображаемым, девочка, — прогудел низкий голос.

Мия повернулась к говорившему и удивленно замерла. Над торговцами возвышался Калим — суровый и могучий гигант. Густые брови, черная густая борода, мощные руки, привычные таскать тяжелый невод, — единственной тонкой вещью у Калима был кривой рыбацкий нож, висящий на поясе.

— Гитрог настоящий. Дочке истребителя не пристало сомневаться в том, что в мире есть чудовища.

Мия заметила, как другие торговцы и покупатели придвигаются, чтобы послушать, или обмениваются хитрыми взглядами. Она стиснула зубы.

— Дочка истребителя знает, что прежде чем кричать «чудовища!», словно испуганное дитя, надо исключить все обычные возможности.

Вейрил выглянул из-за спины Калима. Его сальные светлые волосы опускались до самых глаз. — Грубые слова, пастушка. Можно подумать, что это *ты* — истребитель.

— Истребитель из меня лучше, чем из тебя рыбак, Вейрил. Как бы ей ни хотелось выбить это мерзкое выражение из лица Вейрила (и всего лишь *парочку* зубов), она знала, что при Калиме не стоит лезть в драку. Тогда она повернулась к нему.

— Я уверена, что уж *ты-то* точно не веришь в рассказы Вейрила о его *встрече* с Гитрогом, старейшина Калим.

— Верю. Потому что *сам* его видел.

На рынке воцарилась тишина. Растеряв всю самоуверенность, Мия глядела на Калима. Вейрил раскрыл рот, но Калим отстранил его могучей рукой, велел замолчать, и обратился к собравшимся на рынке горожанам: — Прошлым вечером совет старейшин постановил, что рыбалка на озере запрещается впредь до дальнейшего уведомления. Днем мы вывесим объявление на площади. Поднялся ропот, из толпы донеслись крики, и Калим поднял руку, призывая к порядку. — Безопасность нашего города должна быть выше всего. Я... я послал в церковь Авацины письмо с просьбой о помощи. Его взгляд вновь остановился на Мие: — Быть может, тебе стоит написать отцу.

Над толпой повисла тишина. Глядя в глаза Калиму, Мия услышала, как колотится ее сердце. За маской спокойной властности она разглядела ужас — глубокий и бурлящий поток ужаса, спрятанный за уверенным взглядом. Она сглотнула, чувствуя, как липкие пальцы страха сжимают ей горло.

— Пап, гляди, я нашел кинзу! Мия и Калим одновременно повернулись и увидели бегущего к площади Вилбура. Он с глупой улыбкой размахивал пучкам зеленых листьев... и вдруг споткнулся и растянулся на мощеной улице. Мия нервно усмехнулась, выдохнула и лишь тогда поняла, что все это время задерживала дыхание. Люди вокруг нее возвращались к своим занятиям. Кто-то смеялся на Вилбуром, кто-то шептался или бормотал себе под нос. Напряжение спало и толпа разошлась.

Калим поднял пучок кинзы и взъерошил Вилбуру волосы. Парнишка робко смотрел вокруг, пока не встретился взглядом с Мией. В одно мгновение глупая неловкость на его лице сменилась серьезностью. Он нахмурил брови. — *Ты в порядке?* — одними губами произнес Вилбур.

Мия от удивления моргнула и только пожала плечами. Она хотела заговорить, но Вилбур уже повернулся к Калиму и, болтая без умолку, уводил того с рынка, подальше от нее. Мия осталась одна — в водовороте эмоций, мыслей и вопросов.

— Он попросил тебя написать отцу? — Вилбур недоверчиво смотрел на девочку. Мия кивнула, медленно помешивая в горшке. — Но... он же его терпеть не может.

— Я помню. Уж поверь мне.

Мия попробовала суп, затем протянула ложку Вилбуру. Он шумно втянул бульон, соорудил рожу и потянулся, чтобы бросить в горшок еще щепотку соли.

Они забились в хижину Мии и сидели у ее небольшого очага. Мерцающее пламя освещало комнату, а запах дыма смешивался с аппетитным ароматом бараньей похлебки. Мия осторожно сняла горшок с огня и поставила на стол, а Вилбур выудил из торбы краюху свежего хлеба. Плюхнувшись на стул, девочка достала из-за пояса нож, чтобы порезать хлеб. Вилбур фыркнул: — Скажи мне, что помыла его, после того как с утра резала веревку в овчарне. Или после того как заколола барашка для похлебки. Или после того как три месяца назад обрезала свои лохмы.

Мия ухмыльнулась. — Это мой лучший нож. Универсальный.

Вилбур поежился, достал с полки две миски, присел и щедро налил в них похлебки. — Ты хоть знаешь, как с ним связаться? Мия непонимающе посмотрела на него. — Я про твоего отца.

— Я знаю, что он живет в лагере скилтфолков в Друнау, — ответила девочка, убирая нож в ножны. Она макнула хлеб в похлебку и откусила, в который раз удивляясь тому, что вся еда словно становится вкуснее, когда Вилбур помогает готовить.

— И он тебе когда-нибудь отвечал? — Вилбур внимательно смотрел на Мию, не притрагиваясь к еде.

— Я никогда ему не писала.

— Но как?..

— Не хотела беспокоить его своими незначительными заботами, — Мия отправила в рот очередную ложку и жестом указала на миску Вилбура. Тот что-то проворчал, но принялся за еду.

— А теперь напишешь?

Мия сосредоточенно жевала, стараясь не скрежетать зубами. Вилбур этого, кажется, не замечал.

— Как думаешь, он придет? Один или возьмет с собой кого-то? То есть, я думаю, даже он в одиночку с Гитрогом не справится, а...

— Я не знаю! — Мия ударила кулаком по столу, прерывая юношу. — Я даже не знаю, буду ли ему писать!

— Но... то есть, это же его работа, верно? Убивать чудовищ.

Полуночный Стражник | Иллюстрация: Джейсон А. Энгл

Мия возвела очи горе и всплеснула руками. — Да мы даже не знаем *есть ли там* чудовище!

Вилбур непонимающе поглядел на Мию: — Ты до сих пор не веришь?

— Я до сих пор точно *не знаю*. Это все разрозненные свидетельства, и...

Вилбур встал, и в его голосе послышались нотки злости:

— Мой отец его видел. Вейрил его видел. Мия, я не понимаю, почему ты оказываешься...

— Вейрил — просто кретин, а твой отец — это... твой отец. Мия смотрела Вилбуру в глаза. Они стояли друг напротив друга, разделенные столом, покрасневшие и разозленные. Несмотря на напряженность момента, Мия не могла не заметить, что они с Вилбуром одного роста. Еще только летом она была выше его на ладонь.

— Мой отец что, Мия?

— Старейшина. Он по долгу службы обязан проявлять осторожность, — примирительно сказала девочка.

— Он сказал, что сам видел чудовище. Он отдает приказы не из осторожности. Он сам его видел!

— Или не видел, — Мия присела и приступила к похлебке из миски Вилбура.

— Хочешь сказать, что мой отец лжец? — боль в голосе Вилбура ранила ее куда сильнее, чем сердитый крик минуту назад.

— Люди ошибаются. Им что-то мерещится в тумане. Так всегда бывало. Истребитель должен различать...

Вилбур застонал: — Хватит со мной так разговаривать, Мия! Ты никакой не истребитель!

— А ты — не рыбак! — глаза девочки сердито вспыхнули.

Лицо Вилбур на мгновение скривилось от гнева, но затем он постепенно успокоился и тяжело вздохнул.

— В этом ты права. Рыбаков у нас не осталось. И не будет, пока из церкви не придет помощь. Вилбур взял пустую миску, из которой ела Мия, подошел к горшку и зачерпнул себе еще похлебки. Девочка фыркнула. Глупый Вил! Даже рассердиться как следует не может. Она съела еще ложку, а Вилбур сел за стол.

Некоторое время они ели молча, погруженные в свои мысли.

— Это не просто разрозненные свидетельства.

Мия оторвалась от миски и с любопытством посмотрела на Вилбура. Вилбур не поднимал глаза: — Рвались сети. Тонули лодки. А в последнее время скотина начала пропадать. Папа говорит, что нам повезло, что никто *из людей* не пострадал.

Мия замерла. Ее пропавшая овца...

Вилбур поднял глаза: — Пожалуйста, Мия. Ты должна поверить. Или хотя бы притворись, что поверила. Просто... береги себя, ладно? Я... я не хочу, чтобы ты пострадала.

Мия не знала, что сказать. Вилбур смотрел на нее так же серьезно, как тогда на рынке, и это серьезное выражение выглядело очень странно на столь знакомом лице. Оно делало юношу старше. Оно вызывало у нее... Мия не смогла понять, какие оно вызывает у нее чувства, так что отвернулась.

— Ты прав, — вздохнула она и продолжила, заметив, как обрадовался Вилбур.
— Не говорю, что ты меня убедил. Но точно дал причины для сомнений. Такая возможность существует. А когда от невероятного мы переходим к возможному, то нужно нести дозор. Мы должны нести его со всей возможной бдительностью и усердием. Ни один шорох нельзя считать безобидным и ни одну тень нельзя оставить без внимания.

Страж Мавзолея | Иллюстрация: Дэвид Палумбо

— Почему ты всегда говоришь так, словно учебник для истребителей читаешь? — Вилбур подпер голову рукой, вопросительно приподнял бровь и криво ухмыльнулся.

— Может, я пока не истребитель, но через два месяца мне будет пятнадцать,
— Мия подошла к комоду и начала рыться в нем, частью чтобы что-то найти, а частью — чтобы не глядеть на глупое лицо Вилбура. Глупое, тупое, доброе, милое лицо.

— Ты собираешься присоединиться к скилтфолкам?

Миа продолжала поиски, копаясь среди старых книг и пергаментов. — Собираюсь попробовать. Я не намерена до конца жизни возиться с овцами, так что... ага! — Мия развернулась, поставив на стол небольшой футляр. Он был незатейливым, но выглядел весьма надежным — укрепленный железом дубовый корпус, тяжелый замок спереди. Миа достала из-под рубашки ключ на цепочке и открыла футляр.

— Ух ты! — глаза Вилбура широко раскрылись, когда девочка вытащила небольшой украшенный серебряными накладками арбалет. Искусную работу

мастера было видно даже в тусклом свете очага. По бокам ложа были вырезаны священные руны. Оружие было изящным и легким, но натянув привычным движением тетиву, Мия почувствовала мощь его плеч. Она направила его на окно и прицелилась. Палец лег на спусковой крючок. Прозвенел громкий звук «*тванн*», и пыль, поднятая в воздух вибрацией тетивы, за клубилась в отблесках огня.

— Это арбалет твоего отца?

— Это мой арбалет, — ухмыльнулась Мия. — Дочка, которая не может себя защитить... думаешь, Ольгард, знаменитый щитоносец скилтфолков, допустил бы такой позор?

— Я знаю, что ты можешь себя защитить. Но не знал, что ты умеешь стрелять. Вилбур наклонился, изучая оружие. — Почему ты держишь его под замком?

— Оружие — это всегда напряжение и опасность, даже там, где все было мирно, — Мия достала колчан с болтами и пересчитала снаряды. — Держи оружие при себе только в случае необходимости. А доставай — только если иначе нельзя.

Колчан Охотника на Волков | Иллюстрация: Дэниел Льюнгрен

Усмехаясь, Вилбур показал головой: — Думаю, совсем скоро уже никто не сможет велеть тебе перестать говорить как истребитель.

— Очень на это надеюсь. Мия взяла арбалет и колчан, отнесла в маленькую комнатку сзади и положила у кровати. Когда она вернулась, Вилбур уже вычищал миски. Он улыбнулся ей:

— Спасибо, Мия. Даже если ты это сделала только для меня.

— Не льсти себе, — Мия ухмыльнулась, стараясь не обращать внимания на дрожь в животе.

Вилбур встал: — Вот увидишь. Церковь пришлет помощь. Или, может быть, твой отец вернется, если ты ему напишешь. А мы пока сделаем все возможное, чтобы сдержать Гитрога.

— Если он существует! — не удержалась Мия. Вилбур изящно пропустил это мимо ушей.

— Я доверяю отцу. Он сделает все возможное, чтобы защитить нас,

— юноша вновь взглянул на нее, сделавшись серьезным.

— Я тоже сделаю все возможное, чтобы защитить нас.

Мия подошла к нему вплотную, их губы оказались совсем рядом друг с другом.

Девочка положила ладонь ему на лицо и легонько оттолкнула назад.

Вилбур удивленно рассмеялся и отступил на шаг. Мия закатила глаза.

— Убирайся из моего дома, Вил. Иначе Гитрог сожрет тебя, пока ты в темноте пойдешь домой.

— Юноша усмехнулся, махнул ей на прощанье рукой, повернулся и вышел из хижины. Стоя в двери, Мия смотрела, как он пропадает из виду.

Да. Это была самая правильная реакция на его глупое лицо.

Радостное настроение после того вечера сохранялось недолго. Холодные и мрачные дни превратились в недели. Приближалась зима, и туман с озера Жава все дальше и дальше тянул свои щупальца. Он уже заползал в город, прежде чем тусклое осеннее солнце успевало прогнать его к берегам. Если утро выдавалось холодным, туман окружал и хижину Мии на холме.

Ночами Мия держала арбалет у кровати, а днем находила время, чтобы поупражняться в стрельбе.

Из церкви так и не явился истребитель. Вскоре перестали ходить караваны, и все больше и больше рыбаков празднично шатались по рыночной площади, сбивались в кучки, что-то бормотали и шептали друг другу на ухо. Мия

сломалась и написала отцу. Она выкинула с дюжину черновиков, прежде чем остановиться на коротком и формальном письме с просьбой о помощи.

Ответа не было. А вскоре и почтальон перестал приезжать в город. За два дня слухи о том, что почтальона сожрал Гитрог, превратились в историю, а потом — в общеизвестный факт. Мия считала, что бедняге просто не хотелось скакать по холодной и опасной дороге в забытый всеми городок. Должно быть, он решил перезимовать в Друнау.

Однако многие из слухов о Гитроге девочка не могла объяснить так же легко. К тому дню, как выпал первый снег, у нее пропало еще три овцы. Каждый раз ограда была сломана в новом месте — словно кто-то испытывал ее овчарню на прочность. Или, как Мия напоминала сама себе, сами напуганные овцы ломали ограду в разных местах. Но что могло их так напугать? В последний раз она даже услышала ночью, как ломается ограда, но когда выскочила из дома с арбалетом в руках, ее ждали лишь разбитые брусья и испуганное блеяние.

После этого она сдалась и заплатила местному плотнику, чтобы тот укрепил ей овчарню. Для этого пришлось залезть в деньги, оставленные отцом. Она терпеть не могла тратить то, что не заработала, но понимала, что ей повезло, что у нее есть запасы. Когда выпал снег, оставшимся в этом году без работы рыбакам пришлось совсем тяжело. Многие из них полагались на доброту соседей, но город и так выжимал из своих худородных земель все, что возможно. В таверне все чаще начинались драки. Люди почему зря костерили Гитрога. Многие жители города расходились по домам совсем рано, закрывая на засов дверь и затворяя окна, а вездесущий туман накатывал с каждым днем и становился все плотнее и гуще.

Тем не менее, Вилбур оказался прав, когда говорил, что его отец что-то предпримет. С наступлением зимы на улицах появились вооруженные патрули. Это были мужчины и женщины, у некоторых были с собой факелы и мечи, но большинство вооружалось лишь вилами или секачом для мяса. Все они носили плотные плащи с поднятыми капюшонами — в качестве защиты от пронизывающего до костей холода и как униформу. Мия не понимала, что пекарь с ножом для хлеба сможет сделать Гитрогу. Это терзало ее до того самого дня, когда она по глупости не спросила у Вилбура.

Заточенные Вилы | Иллюстрация: Вайнона Нельсон

— Они патрульные. Внимательные наблюдатели. Ты сама об этом говорила, Мия. «Бдительность и усердие». Мы наблюдаем, а если что-то замечаем, то поднимаем тревогу. Вилбур вымок под дождем, с него текла вода, и долговязый парнишка всем своим видом демонстрировал раздражение.

— Я просто пытаюсь понять, насколько это полезно. Девочке было интересно, почему Вилбур отказывается снимать плащ и сапоги. Или присесть. Или улыбнуться.

— А я пытаюсь понять, продашь ли ты мне шерсть, чтобы я пошел домой.

— На ужин не останешься?

— Кое-кому из нас надо заботиться не только о себе. Вилбур скрестил руки на груди, и Мия подумала, что и не заметила, когда он стал выше нее.

— То есть, ходить, потрясая своей грозной удочкой, чтобы защитить народ? — слова сорвались с ее губ, хотя сердце умоляло промолчать.

— Есть вещи, которые я не могу тебе рассказать. Ты видишь лишь самую вершину того, что мы делаем для защиты города и его жителей, и можешь только смеяться.

Истина его слов наждачной бумагой прошлась по ее сердцу, оставив кровавый след.

— Почему ты до сих пор здесь, Мия?

Девочка взглянула на его суровые губы, нахмуренные брови, холодные испытующие глаза. Живот скрутило от злости и печали, к горлу подступила горечь. Вилбур продолжал: — Почему ты не отправилась к скилтфолкам, чтобы пройти испытания и бросить нас, как бросил твой отец?

— Я — не мой отец. И я... мне еще нет пятнадцати.

Вилбур рассмеялся, и у Мии кольнуло сердце. Она еще ни разу не слышала от него такого смеха — в нем не было радости, но он был полон кинжалов.

— Ты знала, что снег выпадет до твоего дня рождения. Знала, что после этого через перевал уже не будет дороги. Если бы ты правда хотела пройти испытание, то уже отправилась бы в путь. Его острые, колющие слова раздавались в морозном воздухе. — Ты боишься. Боишься, что в тебе ничего нет, кроме заученных наизусть правил и хвастовства.

Мия схватила тюк шерсти и швырнула в юношу: — Бери. И проваливай.

Вилбур потянулся к кошельку на поясе, но Мия с силой толкнула его. — Я сказала, проваливай! И оставь отцовские деньги. Они мне не нужны!

— Потому что у тебя и без этого денег хватает.

Мия закусил губу. Она сама была виновата в том, что Вилбур знал, куда больнее ударить.

Юноша повернулся, удерживая одной рукой тюк шерсти, и бросил кошелек за спину, удаляясь за порог. Монеты запрыгали и покатались, гремя по полу.

Мия остановилась перевести дух. Несмотря на холод, ее одежда была мокрой от пота. Она пришла поменять овцам воду в третий раз за день, и каждый раз ей приходилось ломать лед в корытах. Между этим и другими делами и заботами у нее не было и минутки, чтобы присесть. Солнце уже садилось за горизонт, последними лучами освещая затянутое железными облаками небо. Она вернулась в хижину, дрожа от пронизывающего до костей ледяного ветра. Даже плащ не помогал.

«Хотя бы снега нет», — подумала она.

Через два часа Мия через окно наблюдала, как снежная буря белым покровом укрывает землю. Ну конечно же. Идеальное завершение холодного и жалкого дня рождения.

Иллюстрация: Флориан де Гезинкур

Она надеялась, что доберется до города. Надеялась попасть в дом Вилбура. Они не разговаривали с последней ссоры, и с каждым прошедшим днем это давило на нее больше и больше. Тишина становилась все тяжелее, а разделяющая их стена все выше. Мия не питала иллюзий, но все же надеялась, что на день рождения Вилбур зайдет к ней — как делал это всегда.

Она вздохнула и уперлась лбом в запотевшее от дыхания стекло окна.

Мия не заметила, как заснула. Она поняла это, только когда что-то разбудило ее.

Девочка потянулась. Огонь в очаге потух, остались лишь слабо мерцающие угли, а за окном в тусклом свете луны виднелся черный силуэт леса и гор. Буря закончилась, и на очистившемся чернильно-черном небе светились яркие звезды. Мирная, спокойная ночь. Что же разбудило ее?

И тогда она услышала это вновь.

Где-то на улице раздался громкий треск. Мия мгновенно выпрямилась, ее сердце бешено забило. Она взгляделась в серебристую полутьму, до предела настрожив слух, и в ее голове неслись мысли. Ничего. Лишь тишина.

Мия глубоко вздохнула и откинулась назад. Голова клонилась вниз, и девочка вновь погружалась в сон. Наверное, просто ветка отломилась от заледеневшего дерева, когда расширился от холода древесный сок. Волноваться было не о чем, если только не...

Через мгновение Мия вскочила, схватила арбалет, накинула пальто и выбежала наружу, охваченная ужасом и отчаянием.

Ее напугал не звук.

Ее напугала следующая за ним тишина.

Не блеяли напуганные овцы. Не звенели их колокольчики. Даже выбежав из дома на снег, она ничего не услышала. Приближаясь к овчарне, Мия взяла арбалет наизготовку и замедлила шаг.

Открывшееся ей зрелище заставило ее замереть.

Одна из стен загона была разбита в щепки. Столбы ограды вырвали из земли и отшвырнули прочь. Снег был усеян разломанными досками, и на ее глазах треснула одна из опор и обрушилась крыша навеса.

На негнущихся ногах Мия подошла ближе. Она уже все поняла, но в сердце все же теплился лучик надежды. Бесшумно проскользнув в овчарню, она увидела, что ее страхи обернулись явью.

На заклятие | Иллюстрация: Кристина Чой

Внутри не было ни одной овцы. Земля и немногие уцелевшие доски были в крови и ошметках мяса. В дыры задувал холодный ветер, и в нос Мие ударило зловоние разодранных внутренностей. Выронив арбалет, она согнулась пополам и зажала рот и нос рукавом плаща, пытаясь успокоить желудок.

Наконец, собравшись с силами, девочка выпрямилась — и краем глаза заметила в снегу что-то странное. Тут же схватив арбалет, она прицелилась в...

нечто. Выругав себя за то, что не взяла факел, Мия медленно и аккуратно, чтобы тень не выдала ее, приблизилась к подозрительной форме в снегу.

В бледном свете луны она увидела свежий отпечаток громадной лапы. Она подошла ближе. Лапа была большой и перепончатой, а в передней части следа остались три ямки, словно от загнутых когтей. В овчарне она среди луж крови заметила еще несколько отпечатков лап и следы от овечьих туш, которые таскали по земле.

Гитрог.

Мия стояла и смотрела, и стук сердца эхом отдавался у нее в ушах. От овчарни к лесу, в сторону озера, вел широкий след от волочившейся туши и отпечатки трехпалых перепончатых лап.

У нее закружилась голова. Гитрог был настоящим! И он сожрал ее отару. А это значит, что он мог отходить далеко от озера. И наверное, он направится в деревню! Она должна рассказать Вилбуру. Должна извиниться. Должна предупредить их! Мия пошла в сторону мерцающих вдали огней, скрипя по снегу башмаками, и вдруг остановилась. В ее голове зазвучал ворчливый голос.

«Если угроза определена как монстр, а не человек, то истребитель должен его выследить и обезвредить, если это возможно. Держись подальше от селян и городов, избегай паники и хаоса, что устраивают напуганные обыватели».

Девочка стояла, и ее горячее дыхание паром поднималось на морозе. Она не знала, что ей делать. Конечно же, в одиночку ей не справиться с тварью вроде Гитрога. Не предупреждать город было бы глупо. Ей нужно было поговорить с Вилбуром... даже, скорее, с отцом Вилбура. Калим и старейшины должны знать, что делать.

Но станут ли они ей помогать? После всех ее сомнений? И даже если захотят помочь, что они могут сделать? Картина пекарей и земледельцев, вооруженных хлебными ножами и вилами, всплыла в ее памяти. Если Гитрог без единого звука сожрал все ее стадо...

Мия посмотрела на арбалет в руке. Серебро мерцало в лунном свете. Она пробежала пальцем по вырезанным рунам. Опустив руку на бедро, она нащупала рукоять длинного кинжала. Девочка использовала его для самых разных целей, но изначально клинок из холодного железа был выкован, чтобы убивать духов и ведьм.

Мия мечтала стать истребителем, пойти по стопам отца. Но он оставил ее в «безопасном» месте и поручил заботиться об отаре овец, чтобы у нее было занятие... занятие, не оставлявшее времени ни на что другое. Она пыталась

упражняться сама, но ее оружие собирало пыль или превращалось в инструменты для работы по дому. И вот, когда ей исполнилось пятнадцать, опасность пришла к ней на порог. Слишком долго Мия играла роль пастушки, ожидая разрешения стать той, кем всегда хотела.

Девочка глубоко вдохнула, и холодный воздух обострил ее чувства. Время пришло. Вот он — ее первый шаг к тому, чтобы стать истребителем. Практическое испытание. Даже если она не сможет убить Гитрога, она могла бы выследить его, изучить его повадки, а может быть, даже увидеть тварь, прежде чем та скроется в глубине озера. Тогда у нее будут полезные сведения для Калима, для ее отца или скилтфолков из Друнау.

Положив арбалет на плечо, Мия пошла по следам. Отчаянный, подгоняемый страхом бег сменился на размеренную и целеустремленную походку.

Это не имело никакого смысла.

Мия дошла по следам до кромки леса. Это было несложно — Гитрог не особенно старался спрятаться. Однако почти сразу за деревьями следы исчезали. Это не имело никакого смысла — если только Гитрог не умел лазать по деревьям или зарываться в промерзшую землю. Тварь, оставлявшая следы такого размера, не могла просто исчезнуть.

Девочка поспешила назад, внимательно исследуя следы и осматривая прилегающую область. И тогда она его нашла. Свежий отпечаток человеческой ноги недалеко от того места, где закончились следы Гитрога. Сперва она испугалась, что кто-то попался в пасть к чудовищу. Но вокруг одинокого отпечатка в снегу не было следов борьбы. Что-то тут не складывалось.

Вновь взяв наизготовку арбалет и вслушиваясь в темноту, Мия по спирали пошла от следа в поисках подсказок. В двух саженях от отпечатка следы ног возникли вновь — но это уже были не следы Гитрога. Отпечатки человеческих ног и две полосы от полозьев саней вели к озеру.

Страх уступил место гневу. Мия пошла быстрее, то и дело переводя взгляд со следов на окружающий ландшафт. Кто-то потратил свои силы на то, чтобы изобразить нападение чудовища, оставить фальшивые отпечатки лап и замести свои следы. Кто-то решил выставить ее душой. Кто-то перебил ее овец.

Кто-то за это заплатит.

Следы привели ее почти к самому озеру. Приближаясь, она замедлила шаг. У берега плясали огни факелов. Мия перемещалась от дерева к дереву, оставаясь в тени. Совсем скоро в холодном ночном воздухе она услышала голоса. Свет факелов освещал несколько фигур в темных плащах. Мие не было видно укрытых капюшонами лиц, и оттуда, где она стояла, слов было не разобрать. Люди стояли кругом, склонив головы, и монотонными голосами повторяли какой-то напев. Через некоторое время они гуськом направились к стоявшему у берега судну — довольно большой рыбацкой шхуне. *«Это шхуна Лерена»*, — с ужасом поняла Мия. Что происходит?

Она смотрела, как фигуры в капюшонах поднимаются на борт. Стиснув зубы, она подавила крик злобы, когда увидела, как каждый из них по пути берет со стоящих у корабля санок груз — овечьи туши. Натянув тетиву, девочка уже приготовилась выйти и потребовать объяснений, но тут заметила нечто странное.

Одна из фигур в капюшонах стояла на мостках, преградив дорогу. Даже сверху было видно, что перед этой фигурой стоит настоящий гигант, отбрасывающий в лунном свете внушительную тень. Великан наклонился вперед и прошептал что-то человеку на мостках, а потом прошел мимо. Двое ударились плечами, и лицо стоящего на мостках осветил лунный свет. Мия зажала рот, чтобы не вскрикнуть. Вилбур последний раз взглянул на кромку леса и поднялся на борт.

Миллион вопросов пронесся у нее в голове, но на раздумья не было времени: шхуна начала отходить от берега. Закинув арбалет за спину, Мия рванулась вперед и прыгнула на лодку, уцепившись за небольшую лесенку на корме. Она была уверена, что ее заметили, но выглянув на палубу, обнаружила, что почти все фигуры в капюшонах переместились на нос и смотрят вперед. Несколько фонарей и факелов в их руках освещали всю группу. Рядом с Мией был лишь один человек. Он стоял у штурвала и неотрывно глядел на горизонт. Еще двое стояли с шестами по каждому из бортов и отталкивали от шхуны крупные льдины. Корабль качнулся, Мия сапогом зачерпнула воды и решила подняться на ступеньку — но не выше.

Цепляясь за борт, она слушала голоса. Знакомые голоса, которые она слышала бесчисленное число раз. Они говорили о погоде и о льду на озере, словно просто болтали, встретившись на рыночной площади. Если бы не плащи с капюшонами и гора овечьих туш на палубе, можно было бы подумать, что горожане решили устроить лодочную прогулку. От этого дикого зрелища голова шла кругом — словно кошмарный сон вдруг стал явью.

Мия не знала, сколько она провисела на борту. Чем дальше они отплывали от берега, тем становилось холоднее, и сильнее сгущался туман. Девочка подумала, что долго не продержится, и в этот момент корабль бросил якорь.

Мия посмотрела по сторонам, но всюду был только серый туман. На гладком зеркале воды спокойно покачивались льдины.

— Мы на месте, — объявил низкий голос. Мия знала этот голос и знала, что увидит, еще до того как выглянула из-за борта. Калим снял капюшон и обращался к собравшимся на палубе.

— Братья и сестры, сегодня мы приготовили жертву, которая может принести нам мир. Сегодня мы отдаем то, что силой взято у неверующей. Сегодня мы даруем Гитрогу овец дочери истребителя.

Прием в Паству | Иллюстрация: Дэвид Палумбо

В толпе людей в капюшонах послышалось бормотание и проклятия в ее адрес, но к этому моменту Мия уже не слушала. Перемахнув через борт шхуны, она примерилась прикладом арбалета к затылку в капюшоне. Девочка была уверена, что это голова Лерена. *«Всего один быстрый удар»*, — подумала она.

Человек вдруг надрывно закашлялся. Мия скривилась. Она не могла ударить слабого старика.

«Слабого старика, который помог половине города перерезать твою отару».

Она вздохнула. Лерен начал поворачиваться.

Бац! Бух.

Лерен повалился, словно мешок с картошкой. Мия тут же перевернула арбалет и нацелилась на группу в капюшонах — как раз вовремя, чтобы увидеть, как они скидывают за борт овечьи туши.

— Какого дьявола вы творите?!

Фигуры в капюшоне почти одновременно повернулись и уставились на нее. Никто не проронил ни слова. Мия неуверенно сделала шаг назад, выше подняв арбалет.

— Ты не понимаешь, дитя, — нарушил молчание Калим, делая шаг вперед. Его голос звучал тихо и спокойно. Девочка прицелилась в него, и Калим остановился.

— Тебе придется многое объяснить, — прорычала она, — и заплатить немало.

— Твои овцы пошли на благое дело, — заявил Калим. Люди в капюшонах повторяли его слова, согласно кивая.

— И что это за дело? — она перевела арбалет на фигуру, пытавшуюся незаметно подобраться к ней. Фигура остановилась. Из-под капюшона на нее смотрело лицо Вейрила. Мия поежилась, с трудом узнав рыбака. Его щеки впали, а глаза то бешено бегали от нее к Калиму, то вовсе смотрели в неизвестном направлении.

— Мы должны угодить Гитрогу, — прокричал один из людей в капюшоне.

— Гитрогу! — эхом разнеслось над толпой.

— Нет никакого Гитрога! Это вы разрушили мою овчарню и перебили отару! Внезапно на нее снизошло понимание: — Это же все время были вы! Это вы понемногу крали моих овец!

— Только так можно было его остановить, — Калим сделал еще один шаг вперед, его правая рука медленно тянулась к поясу. Мия вновь подняла арбалет, но на этот раз он продолжил надвигаться на нее, заставляя девочку пятиться назад. — Только так можно было утолить его голос. Только так мы не давали ему прийти за нами самими.

— Ты сошел с ума. Кроме тебя его никто не видел. Снова шагнув назад, девочка почувствовала, как уперлась в борт.

— Мы все его видели. Как ты думаешь, почему мы здесь собрались? Мы видели истину. Заглянули ему в глаза. Мы знаем, что его не остановить. И теперь возим ему пищу, чтобы самим не стать едой. К этому моменту Калим уже нависал над ней. Мия бросила взгляд на других горожан в капюшонах. Знакомые лица, искаженные тенями и лунным светом, бессмысленно глядели

на нее. Она не хотела стрелять в Калима, но если он не остановится... Вдруг в голову ей пришла удачная мысль.

— Тогда покажи и мне.

— Калим остановился и непонимающе взглянул на нее. Мия выпрямилась. — Покажи мне своего Гитрога. Калим долго глядел на нее, не говоря ни слова.

Наконец он отступил назад и сделал знак рукой. Остальные бросились к куче овечьих туш и начали таскать их на нос корабля и бросать в воду. Ночную тишину и гладь озера нарушал один громкий всплеск за другим. Вскоре на палубе осталось лишь кровавое пятно. Все фигуры в капюшонах отошли от борта. Мия держала арбалет наведенным на Калима и вместе с ним подошла к борту, чтобы взглянуть в сторону носа. Она увидела, как расплывается по воде черное пятно овечьей крови. На поверхность поднялось несколько пузырей, и все вновь замерло.

В полном безмолвии люди напряженно смотрели на зеркало воды.

— Ничего, — прошептала Мия. — Ничего здесь нет.

Она повернулась к горожанам на лодке. — Теперь видите? Нет никакого...

Внезапно забурлившая вода и вырвавшийся из глубины оглушительный рев прервал ее тираду. Кошмарный звук ломающихся костей разнесся над озером, и горожане, расталкивая друг друга, побежали к корме. Мия пробилась через напуганную толпу к носу корабля, чтобы посмотреть, что происходит.

Поблизости от корабля вода вздымалась и словно кипела. Прищулив глаза, Мия попыталась в лунном свете разглядеть, что там. И когда вода успокоилась, она увидела. Чудовище. Гитрог.

Мия нахмурилась.

— Это он? Вот это? Это и есть Гитрог? Она обернулась к горожанам, испуганно сбившимся на корме. — Это же... просто здоровенная жаба.

Вейрил подбежал к ней, сбрасывая капюшон. Он схватил ее за плечи, прежде чем она успела вскинуть арбалет, и затряс, глядя на нее полными ужаса глазами.

Иллюстрация: Давид Гайе

— Ты не понимаешь, Мия! Если ему не понравятся овцы, то все мы...

Мия так и не узнала, что все они. Вейрил вдруг пролетел спиной через весь корабль, дико вопя, и со всплеском исчез под водой. Мия не поняла, что случилось... пока не увидела, как Гитрог снова открывает пасть, и что-то черное вырывается из нее и летит к кораблю. Она упала ничком, и черная штука пролетела у нее над головой, врезавшись в мачту и посыпав палубу щепками. Горожане кричали и плакали, а Мия вдруг поняла, что эта штука — *язык твари*.

Снова раздался громкий треск, и на этот раз язык Гитрога снес верхушку мачты подчистую. Пока чудовище убирало язык, Мия вскочила на ноги и прицелилось в него из арбалета. Но она не успела нажать на спусковой крючок: внезапно какая-то сила сбила ее с ног, и девочка больно ударилась об палубу.

Повернувшись, она увидела мужчину в капюшоне, цеплявшегося за ее ноги.
— Что ты делаешь?! — закричала она, пытаясь вырваться.

— Нельзя сердить Гитрога! Он обрушит на нас свой гнев! В пылу борьбы с человека свалился капюшон, и Мия увидела, что ее ноги держит городской пекарь. Его голос уже сорвался на визг.

— Для этого уже немного поздновато, — огрызнулась Мия, вырвав одну ногу. Пнув пекаря изо всех сил, она попала ему в нос. Раздался хруст. Пекарь отпустил ногу, и Мия откатилась в сторону и поднялась.

— Овец ему уже недостаточно! Девочка обернулась к кричащим горожанам.

— Он хочет больше!

— Скормить ему девчонку!

— Что ты сказала? — Мия уставилась на женщину, выкрикнувшую последнюю фразу. Это была Сара, жена кузнеца. Как-то раз она испекла печенье для ее дня рождения.

— Убить ее! Жертва для Гитрога! — Сара испустила жуткий вопль и рванулась к Мии, вытаскивая устрашающе выглядящий нож. За ней последовало еще несколько человек, с криками доставая свое импровизированное оружие. Девочка попятилась назад, заряжая новый болт в арбалет, а лишившиеся рассудка горожане надвигались на нее. Размахивая ножом перед лицом Мии, Сара с каждым взмахом подходила все ближе, но очередной удар языка Гитрога отправил ее и еще двух человек за борт.

Крики стихли, и некоторое время были слышны только приглушенные вопли о помощи и булькающие звуки. В суматохе чьи-то руки схватили ее за сзади за шею и сильно сжали. Мия вслепую ударила назад локтем. Хватка ослабла, и девочка развернулась и в упор выстрелила напавшему на нее в живот.

Человек упал на спину, и Мия заметила его знакомые голубые глаза. «*Кайл, подмастерье сапожника*». Еще один набросился на нее, сняв капюшон. «*Терранс, младший брат Вейрила*». Она потянулась за новым болтом, но человек уже налетел на нее, бешено размахивая настоящим острым мечом. Мия попятилась, споткнулась, упала, и острие меча распорол ей плечо. Показалась кровь. Терранс занес меч, чтобы добить ее... но получил удар дубинкой по затылку от другой фигуры в капюшоне. Он свалился на палубу, а Мия наконец-то зарядила болт. Она направила арбалет в лицо человека с дубинкой и положила палец на крючок.

— Постой! Мия, это я! Человек сбросил капюшон, и Мия вскрикнула.

— Вилбур! Что это за...

— Мне так жаль. Все вышло из-под контроля. Мы просто хотели защитить деревню, но когда они начали воровать твоих овец...

Раздался очередной громкий треск, и за их спинами пролетел язык Гитрога.

— Так ты видел его раньше?

Вилбур помотал головой: — Только пузыри.

На них дождем посыпались щепки. Они посмотрели вверх — как раз вовремя, чтобы увидеть, как Гитрог убирает язык, оставляя в мачте большую трещину.

Мачта закачалась, с протяжным скрипом накренилась и, наконец, сломалась и упала, разбив борт шхуны и оказавшись в воде.

— Потом расскажешь. Миа схватила его за руку, выстрелила в женщину, что неслась на них с выставленными вилами, — *«Верна, цветочница»*. — и побежала на корму.

— Куда мы бежим? — прокричал Вилбур.

— Я... я не знаю! Мия посмотрела на разразившийся вокруг хаос. С каждым ударом языка Гитрога все больше горожан оказывалось в воде — или в его пасти. Некоторые из них жались к бортам шхуны, пытались спрятаться. Кто-то прыгнул в воду и отчаянно греб к берегу. Мия раздумывала над тем, чтобы тоже спрыгнуть за борт, пока не увидела, как один из пловцов (*«Сын старейшины Итана»*.) скрылся под водой, оставив лишь струйку пузырей.

Иллюстрация: Джеймс Пэйк

— Некуда бежать. Мия и Вилбур резко развернулись, услышав этот голос. Перед ними стоял Калим. Он пристально глядел на Мию.

— Отец! Что мы творим? Это... это безумие! Вилбур все еще крепко держался за руку Мии, и даже во всей этой суматохе девочка чувствовала, как бьется кровь в его пальцах.

— Твой отец прав, — вдруг поняла Мия, взглянув на Вилбура. — Мы не можем от него убежать. Придется попробовать убить его. Девочка отпустила руку Вилбура, подняла арбалет и достала новый болт, глядя на Калима: — Это наша единственная надежда.

К ее изумлению Калим рассмеялся.

— Глупая девчонка. Нельзя убить Гитрога. Остается лишь одно... — Калим сузил глаза. — Жертвоприношение.

Калим рванулся вперед, и у него в руке вдруг оказался рыбацкий нож. Он попытался достать им до горла девочки. Мия попятилась и упала на палубу, едва избежав удара. Она поползла назад, а Калим перехватил нож обратным хватом и обрушился на нее. Девочка откатилась в сторону, увернувшись от второго удара, и наугад выстрелила из арбалета. Ей повезло, и болт попал в плечо Калиму, но он, казалось, даже не заметил этого. Старейшина размахивал ножом, пытаясь достать до ее лица, и тогда Вилбур бросился на него и повалил на землю.

Мия перезарядила арбалет и прицелилась в катающихся по палубе отца с сыном, но не стреляла, чтобы не попасть в юношу. И в этот момент вдруг раздался громкий стук, и корабль качнулся вправо. Все трое повернули голову к источнику звука. Калим и Вилбур оттолкнули друг друга и пытались встать, а Мия крутилась, водя арбалетом из стороны в сторону, выискивая цель.

Гитрог залез на шхуну. Он перевалился на своих перепончатых лапах через борт и зашлепал по палубе. Калим, Вилбур и Мия ошеломленно смотрели на тварь. Гитрог смотрел на них своими пустыми и мертвыми глазами. С молниеносной скоростью Калим схватил Мию своей медвежьей хваткой, развернул и приставил нож к ее горлу.

— О, великий Гитрог! Я приношу эту девчонку тебе в жертву! Ешь — и отпусти нашему городу его грехи. Засыпай, чтобы мы могли жить в мире.

«Он рехнулся». Мия пыталась вырваться, но руки Калима словно налились сталью. Вилбур что-то кричал, но девочка видела только то, как поднимается рыбацкий нож, освещенный светом луны.

Вун! Язык Гитрога вылетел изо рта и схватил Калима за лицо. От неожиданности тот выронил кинжал и отпустил Мию, схватившись за язык обеими руками. Гитрог потянул, и Калим полетел вперед, сбив девочку с ног. Его крики заглушал чудовищный язык, обвившийся вокруг головы. Мия вскочила и начала один за другим всаживать болты в тащившую Калима по земле тварь. Первый, второй, третий болт вонзились в тело Гитрога, но тот даже не дернулся и лишь продолжал медленно втягивать язык. Мия в ужасе смотрела, как в его пасти пропадает голова Калима, как отчаянно дергаются ноги мужчины — и перестают, когда Гитрог закрывает рот. Чудовище сглотнуло еще раз, и ноги Калима скрылись вслед за остальным телом.

Мия слышала, что Вилбур что-то кричит, когда снова брала его за руку. Отбросив арбалет, она потянула юношу за собой на корму, остановившись по

пути, чтобы бросить факел из крепления на деревянную палубу. Занялся пожар, и в свете пламени девочка видела, как Гитрог неторопливо направился к ним, по пути пожирая спрятавшихся за бочками горожан. Она видела, как в пасть чудовища отправился лежащий без сознания Лерен. Видела, как тварь лениво, но неумолимо ползет к ним через пламя.

Тогда Мия пришла в себя. Развернувшись, она без промедления прыгнула в черную воду и потащила за собой Вилбура.

Двое гребли изо всех сил, и страх подстегивал их, не давая опустить руки. Вскоре от шхуны остался лишь далекий огонек, растворяющийся в тумане. Они плыли, и ледяная вода тысячью иголок впивалась им в кожу. Сначала они перестали чувствовать пальцы на руках и ногах, потом сами руки, потом все тело словно онемело, но они механически гребли в сторону берега. Мия была уверена, что Гитрог вот-вот догонит их, утащит под воду и сожрет заживо.

Но они все же добрались до берега.

Двое выбрались из воды. Вилбур повалился на гальку лицом вниз, его била дрожь. Мия заставила себя сесть и постаралась собраться с мыслями. Им нужно было добраться до ее хижины. Добраться до тепла. Иначе холод убьет их еще вернее, чем Гитрог. Потом, когда они высохнут и отогреются... они уйдут. Уйдут из города. Оставят все позади. Начнут новую жизнь. И пусть придется сразиться с тысячью вампиров, вервольфов или упырей. Все, что угодно, лишь бы не Гитрог.

За спиной у Мии послышался мокрый шлепок: *шлеп!*

Она замерла, не в силах повернуться.

Еще один *шлеп*.

Нужно было встать. Нужно было взглянуть. Нужно было бежать.

Но она не могла сделать ничего из этого.

Снова *шлеп*, и вдруг она поняла, что Вилбур пытается поднять ее на ноги и тянет прочь. Они успели уйти совсем недалеко, прежде чем свалились на камни без сил. Все тело Мии болело. Действие адреналина прошло, и остались лишь утомленные мышцы, сведенные ужасом. Она медленно перекаталась на спину.

Гитрог возвышался над ней. Его грудь закрывала ей небо. Тварь смотрела на девочку — глаза, как два черных бездонных колодца без чувств и без мыслей. Мия заглянула в эти глаза и увидела... ничего. Вилбур вновь попытался поднять ее, что-то кричал, но она не слышала. Низкое гудение раздалось у нее в голове, оно становилось все громче и громче, и девочка провалилась в

бездну взгляда Гитрога. Она падала, ударяясь о струящиеся тени, проваливалась в разломы разума и просачивалась через барьеры в губчатую слизь безумия. Странное тепло окутало ее, согревая до костей и прогоняя невыносимый холод сомнений, страха и неопределенности. Она знала. Теперь она знала все. Она увидела истину в ее чернейшей форме, ясность тысячи жизней, сжатых до одного мгновения.

Мия повернулась к Вилбуру, до сих пор тянувшему ее за руку. Она видела, как движутся его посиневшие губы. Вилбур говорил что-то Гитрогу, просил, умолял. Она нежно коснулась его щеки, чтобы он замолчал. Он не видел. Он не слышал. Он еще не знал. Гитрог нависал над ними. Вилбур повернулся, и Мия заглянула в его ошалевшие глаза. Какими зелеными они были! Два кристально чистых пруда, заполненных слезами. Мия видела в их покрытой рябью глади свое отражение. Девочка улыбнулась, и Вилбур, кажется, немного успокоился. Она увидела в его глазах надежду и доверие и с улыбкой погладила его по щеке, с улыбкой запустила пальцы в рыжеватые волосы, с улыбкой достала из ножен свой кинжал и одним движением вонзила ему в грудь.

Гудение в голове оборвалось, и она услышала, как Вилбур удивленно хватается ртом воздух, и как меняется его дыхание — от переохлаждения к боли и шоку. Мия снова нежно улыбнулась и приложила палец к его губам. Вытащив кинжал, она вновь всадила его в тело, на этот раз в живот. Она улыбалась, когда Вилбур упал перед ней на камни, улыбалась, когда он слабо прошептал ее имя. Наклонившись, она одним дыханием прошептала ему на ухо:

— Да здравствует Гитрог. Приложив ухо к груди Вилбура, девочка слушала, как замедляется и останавливается его сердце. Она взглянула на Гитрога и покорно склонила голову:

— Да свершится жертва.

Гитрог смотрел на Мию сверху вниз. Потом медленно открыл пасть, и чудовищный язык подхватил тело убитого мальчика. Мия сидела не шевелясь с широкой улыбкой на лице, слушая треск ломающихся костей и хлюпанье крови и внутренностей. Она улыбалась, слушая, как мокрые перепончатые лапы шлепают по камням и затихают вдали. Улыбалась, пока утреннее солнце не развеяло туман над безмятежной гладью озера. Тогда она встала и, все еще улыбаясь, побрела прочь от берега.

Когда запоздалая весна наконец растопила снег, молодой подмастерье отправился на своей резвой лошади через горный перевал в сонный

рыбацкий городок на озере Жава. Он вез сумку с письмами, и многие из них были сильно просрочены — их написали и отправили еще до первых зимних снегопадов. Подмастерье не обращал внимания на окна и двери, захлопывающиеся при его виде. В маленьких поселениях нередко не доверяли чужакам и боялись их, особенно после тяжелой зимы. Он заметил, как много в городке пустых домов — добрая половина писем так и не нашла своих адресатов. Впрочем, он об этом не задумывался.

Последнее письмо подмастерье отвез в небольшую хижину на холме. Поднимаясь, он заметил в стороне разваленный и прогнивший загон. Тогда юноша решил, что найдет очередной заброшенный дом, но вскоре увидел, что из трубы поднимается дымок. Он постучал в дверь, и ему открыла девочка с шальными глазами. Почта ее не заинтересовала — даже письмо от скилтфолков из Друнау. Но когда он вскользь упомянул об озере, ее глаза загорелись. Она предложила ему остаться на ночь и обещала накормить, постелить постель и даже сводить на озеро, если он захочет. Юноша покраснел и согласился. Ему всегда нравилась вода и корабли. Он поблагодарил ее за доброту.

Мия улыбнулась.

Гитрогское Чудовище | Иллюстрация: Джейсон Кан

ЗАГАДКА ПОМЕСТЬЯ МАРКОВЫХ

BY JAMES WYATT

Джейс прибыл на Иннистрад в поисках Сорина Маркова, одного из трех Planeswalker-ов, пленивших Эльдрази на Зендикаре тысячи лет назад. Несмотря на зловещие предупреждения Лилианы Весс, он отправился в Помесье Марковых — родовой дом вампира-planeswalker-а. Оставшись без помощи Лилианы и без каких-либо других наводок, Джейс идет к единственному известному ему месту, где можно узнать что-то о местонахождении Сорина.

Помесье Марковых было разорвано, выпотрошено, и его внутренности были выставлены на всеобщее обозрение, словно у вскрытого животного, распятого на лабораторном столе. Шпили, коридоры, контрфорсы и башенки были вырваны с мест и подвешены под немыслимыми углами вокруг расколотого ядра поместья.

Джейс стоял у конца идущего от горной дороги длинного изогнутого моста. Под ним была бездонная пропасть, в которой клубился туман. Впереди, где раньше продолжался мост, тут и там висели над бездной камни, дорожкой ведущие ко входу в поместье.

«Похоже, Сорина нет дома», — пробормотал сам себе Джейс.

Он вдруг увидел это место таким, каким оно должно было быть. Захватывающая дух постройка с затейливо украшенными шпилями и балюстрадами, грифом примостившаяся на высоком горном уступе. У него перехватило дыхание, когда он оценил масштаб этого... нет, не поместья — замка. Дворца.

И видение исчезло, словно иллюзия. Нахмурившись, Джейс мысленно потянулся в поисках чужого разума, внушившего ему эту картину. Но рядом никого не было — по крайней мере, никого, кого он мог бы найти. Маг привычно укрепил защитные обереги, постоянно охранявшие его разум, и взглянул на замок, каким он был сейчас.

«Это Сорин сделал?» — подумал он. Лилиана предупреждала, что ему в этом доме вряд ли окажут теплый прием. Сейчас один только масштаб разгрома заставил его остановиться в изумлении. Уже не в первый раз он задумался, не стоило ли более серьезно отнестись к словам Лилианы.

«Надо уходить», — подумал Джейс, но что-то манило его внутрь. Парящие камни собирались в узоры и рассыпались вновь, намекая, что кто-то расположил осколки замка по воле своего разума, что в этом невероятном разрушении есть какой-то смысл. «Это головоломка, — заключил он, — а головоломки должны быть разгаданы».

Конечно же, первым испытанием этой головоломки стала сама дорога к поместью. Тропинка из висящих в воздухе камней не внушала магу доверия. Конечно же, после путешествий по эдрам Зендикара эта задача оказалась для него не настолько сложной, как могла бы быть.

Джейс потянулся разумом к ближайшему камню и надавил. Тот едва сдвинулся с места. Маг не мог нажать на камень с такой силой, чтобы изобразить свой полный вес, но результаты первой проверки оказались обнадеживающими. Потянувшись силой дальше, Джейс толкнул следующий камень. Камень качнулся совсем чуть-чуть. Третий камень не сдвинулся вовсе, но Джейс знал, что сила его телекинеза на расстоянии снижается.

Само собой, это было рискованно. Но он никогда в жизни не видел ничего подобного этому замку — даже на Зендикаре, где законы гравитации по большей части были необязательны к исполнению. *Головоломки должны быть разгаданы.*

Маг шагнул с края моста и наступил одной ногой на парящий камень. Тот опустился ниже, чем ожидал Джейс, и телепату пришлось раскинуть руки, чтобы удержать равновесие. Опустив на камень вторую ногу, он пригнулся, чтобы понизить центр тяжести. *«Ладно, — подумал он, — не так уж и сложно».*

Джейс шагнул на следующий камень, потом на третий. Шаг, еще шаг.

А потом он оказался на целом мосту, и нетронутый замок вновь возвышался над ним во всем своем величии. Джейс отдернул занесенную ногу, не зная, где надежный камень, а где иллюзия, видение, или что бы это ни было.

Он присел и снова мысленно прощупал все вокруг, пытаясь найти хоть что-то, что вмешивалось в его чувства. Но маг опять ничего не нашел, а видение исчезло.

Еще один шаг, за ним другой, с камня на камень, и наконец Джейс оказался на другой стороне пропасти.

«Надеюсь, мне не придется в спешке ретироваться», — подумал он.

Перед ним возвышалась громадная арка, высокая настолько, что под ней могли пройти целых шесть Джейсов, стоящих друг на друге. Над аркой и вокруг нее красовались гротескные барельефы скелетов, ведьм, волков, демонов и неведомых тварей, но всех их затмевала одна фигура

колоссального вампира — Маркова, родоначальника и первого хозяина поместья, как справедливо предположил Джейс. По сторонам от нее располагались ухмыляющиеся черепа в человеческий рост, и побелевший камень на самом деле вполне мог оказаться настоящими костями.

Маг шагнул в арку и оказался среди каменных стен.

Зловещие Руины | Иллюстрация: Адам Пакетт

Мои шаги эхом раздаются в длинном вестибюле, отражаются от стен где-то высоко над головой. Кто-то идет за мной? Я останавливаюсь и вслушиваюсь в чужие мысли. Звук не прекращается, но это не шаги, а стук моего сердца. Каждому удару предшествует еще один, более тихий.

Ну конечно. У вампиров должна была быть какая-то магия, предупреждающая, что в их чертоги проникла живая душа. Словно колокольчик к обеду.

Слишком быстро. Вздохни глубже, Джейс. Сердце не должно так быстро биться.

Мне нужен свет. Я протягиваю руку, и в ладони появляется синий огонек. Он разгорается и становится достаточно ярким, чтобы освещать дорогу, но не выдает моего присутствия, если смотреть издали. По стенам вестибюля висят гобелены. Они колыхаются, словно от ветра, но я ничего не чувствую. Я мысленно тянусь к гобелену и отталкиваю его в сторону. За ним лишь голая стена. Очередная иллюзия.

До меня, словно принесенные несуществующим ветром, доносятся звуки. Смех, разговоры, что-то вроде музыки. Хромающий ритм и неприятная, лишенная гармонии мелодия. Возможно ли, что это место не заброшено? Нет, скорее я слышу призраков прошлого. Этого мира и его мертвецов.

Я дохожу до конца вестибюля, и звуки затихают. Словно я зашел в зал, где шел веселый пир, и вдруг все замолчали, уставившись на меня. Но здесь на меня смотрели лишь холодные стены.

«Почему ты пришел сюда?» — разорвал тишину голос. Мой голос. Я заговорил? Мой рот закрыт, и я только что понял, как пересохло у меня в горле... Но я действительно хотел спросить сам себя...

Почему я сюда пришел? Потому что она предупреждала меня не делать этого? Потому что сказала, что это опасно? Потому что я хотел взглянуть смерти в лицо и выжить, чтобы рассказать об этом?

«Потому что ты хотел умереть?»

Я знаю, что не говорил этого. В который раз я потянулся мыслями, пытаюсь отыскать разум, породивший эти слова. Но он ускользал от меня.

Я не первый человек из плоти и крови, кто недавно побывал в этом месте. Я вижу его, словно память... но чья это память? Замка? Может быть, голос — часть этой памяти. Он стоит здесь, дрожащий от ужаса, подгибая коленки, прижимает что-то — книгу — к груди и смотрит вверх на... не вижу. На что-то... вон там.

Там, куда упал испуганный взгляд человека, есть приоткрытая на волосок дверь. Как же меня злит это место! Что-то здесь играет с моими чувствами, давит на разум, а я не могу понять, что это. И не могу остановить. Я не видел эту дверь раньше, а сейчас заметил лишь потому, что кто-то этого хотел... кто-то или что-то.

Призрак? Если в стенах замка поселилось привидение из Иннистрада, узнал бы я об этом? Не знаю, способен ли я обнаружить такой разум. Мне пока не выдавалось возможности это проверить. Надо будет попробовать, если я встречу с приведением.

Возможно, я сам иду в ловушку, но я поднимаюсь по ступеням и толкаю дверь. Та раскрывается с металлическим стоном.

...надо уходить...

Слова незваными гостями возникли у меня в голове. Я их не думал. Но никаких признаков чужеродного вторжения в разум не было. Мои обереги надежно защищали его. В этом месте звук играет странные шутки? Или это

разум древнего вампира-planeswalker-а, который я не могу обнаружить и не могу дать ему отпор? Может быть, Лилиана была права?..

...убить меня...

Обрывок мысли, воспоминания. Чьего-то воспоминания. Должно быть, человека, которого я видел в вестибюле, — или его привидения. По спине ползет холодок, и это совершенно нерационально. Я игнорирую его.

В этом узком коридоре стук моего сердца звучит громче. Синий свет играет на каменных стенах. Кажется, что он слишком яркий. Я приглушаю его и ближе подпускаю темноту.

«Почему ты пришел сюда?» Мой голос — хриплый, громкий. Да, это был мой голос. Я разговариваю сам с собой.

Фишка Улики | Иллюстрация: Клифф Чайлдс

Первый вариант: кто-то вмешивается в мою память.

Второй вариант: я сплю и нахожусь в том полубессознательном состоянии, когда от одной сцены к другой переходишь без всяких промежутков.

Я не помню, как сюда попал. Я в большом зале, где-то в глубинах замка, и в чертогах вокруг меня играет ветер. Камень скрежещет о камень, и колоссальные архитектурные элементы медленно кружат в воздухе. Когда-то это была просторная зала с высокими колоннами, сейчас же — туча парящих обломков. Из камня торчат руки, лица, тела. Десятки и десятки — пойманные, окаменевшие, заключенные в гранит.

«Что происходит?!» — кричит кто-то. Я вздрагиваю и отступаю в тени, мысленно прощупывая пространство в поисках источника голоса. Но один голос становится множеством, многоголосием, криками чистой боли и ярости, побелевшее лицо с бешеными глазами: «Я расквитаюсь!..»

И наступает мертвая тишина.

Я поворачиваю голову и оказываюсь лицом к лицу с вампиром с раскрытой пастью и обнаженными клыками. Тело реагирует быстрее мозга, и я отпрыгиваю, прежде чем успеваю понять, что вампир мертв и пленен в стене. Стыдно.

Это все вампиры. Полагаю, потомки Маркова, построившего замок. В своей смерти они совсем не похожи на людей — обтянутый кожей череп, впалые глаза, торчащие клыки, хищные черты лица... жуткое зрелище. Лицо того, что рядом со мной, находится в центре рамы из красного дерева с золотой табличкой внизу — вот только вся стена перевернута вверх ногами, и имя на табличке находится слишком высоко, чтобы его можно было прочесть. С краев рамы свисают обрывки холста. Стараясь не касаться клыков вампира, я приподнимаю холст и вижу на нем фрагменты старинного портрета. Два алых глаза, потускневших от времени, глядят прямо на меня. Я отпускаю холст...

Каменный вампир только что моргнул?

Я отступаю, и руки вдруг лезут отовсюду, пытаюсь меня схватить. Я кричу и пытаюсь вырваться из хватки вампиров, но они слишком сильны. Я чувствую их голод в горячем дыхании, но они ждут — и появляется владыка. Должно быть, это он, Эдгар Марков, прародитель всех вампиров Иннистрада...

Нет. Этого не может быть. Не сейчас. Руки — всего лишь недвижимый выступающий из стены камень, а приближение владыки вампиров — только память. Память мертвого человека.

Видимо, его привидение или какой-то призрачный фантом его разума до сих пор остался в этом месте. Наверное, призрак пытается проникнуть в мой мозг, насылает на меня эти воспоминания. Или это моя чувствительность заставляет меня впитывать заплутавшие мысли. Ну а может быть я просто сплю.

Я иду. Я не знаю, куда, и не могу вспомнить, откуда пришел. Первый вариант... ах да, я их уже обдумывал.

Здесь столько мертвых вампиров... Лилиана была права: если бы я пришел раньше, они разорвали бы меня на куски. Интересно, это случилось с тем человеком, чьи воспоминания я переживаю?

В узком коридоре я вижу свое собственное лицо, искаженное гримасой ужаса, застывшее в камне.

Нет, это *его* лицо. Бородатое, с пустыми глазами. Человек из вестибюля. Один человек среди вампиров. Что же ты тут делаешь, глупец?

Он держит книгу.

Каменные руки отчаянно прижимают ее к груди. Книга в синей кожаной обложке перевязана лентами из красного и зеленого шелка. Она кажется здесь чужой — не только в замке, но и во всем этом мире.

Дневник Тамиё | Иллюстрация: Чейз Стоун

Белое лицо, светлое, словно луна, наклоняется ко мне. Ее лавандовые глаза светятся от возбуждения, она излагает мне свою теорию о чем-то, что называет «криптолитами». Это она проникла в мои мысли? Я тянусь к ее разуму, но ее, конечно же, здесь нет. Я снова прощупываю окрестности и ищу чужака — кого-то, кто прячется на самом краю моего восприятия?

Это снова его воспоминания. Записи в книге — дневнике — принадлежат ей. Он не мог знать или понять, кто она такая. Женщина из лунного народа Камигавы. Мирохodeц, Planeswalker. Чтобы разгадать ее письма, понадобится чуть больше времени.

Я открываю книгу с конца и пролистываю пустые страницы, пока не нахожу последнюю запись. Но это не изящные письма Камигавы. Запись сделана другой рукой — вероятно, его. Дженрик. Он записал свое имя, когда дневник перешел к нему — когда она отдала ему книгу и отправила его сюда.

Навстречу смерти.

Я прячусь, забившись в темный угол, а по замку разносятся звуки вампирьего пиршества — чудовищная музыка и грубый хохот. Я не могу выбраться. Они знают, что я здесь, но играют со мной. Кружат, как кошка у мышиной норы, ждут, когда я высуну голову.

Это утомительно. Возможно, я что-то узнаю из его воспоминаний, но меня совершенно не интересуют его страхи, его малодушный ужас. Стук моего сердца не замедлился, зато стал громче — по крайней мере, для меня.

Что я здесь делаю?

«Ищешь Сорина, — отвечает Лилиана. Ее голос звучит слишком громко для этого места. — Ищешь смерть».

«Я ищу вот это», — говорю я, поднимая дневник. Но ее здесь нет. Откуда бы ей здесь взяться?

Это плохо. Лилиана моя. Она была в моем разуме. Кто-то выудил ее из моей памяти и обратил голос против меня. Как это случилось?

Второй вариант, утверждающий, что я сплю, кажется мне все более вероятным. И теперь я хочу проснуться.

«Тебе надо уходить», — говорит Лилиана. Мне надо уходить.

Но я не могу выбраться.

Я поднимаюсь по лестнице с красной ковровой дорожкой — назад, откуда я пришел, — и распахиваю дверь наверху. За ней воет бешеный ветер, и все вокруг вертится. Я взмахиваю руками, пытаюсь удержаться, и смотрю вниз, в туманную бездну. Я уверен, что упаду, но успеваю ухватиться за дверной косяк и отпрянуть назад.

Видимо, я пришел не отсюда.

Что-то вмешивается в мою память. Я думал, что помню, как спускался по лестнице в большой зал. Но может быть, это тоже были воспоминания Дженрика. Мне нужно просеять их, отделить свои воспоминания от его, но мне кажется, что на это у меня нет времени.

Любопытно. Почему я так спешу, когда этот замок, очевидно, пуст. Проверяю снова — но вновь не могу никого найти. Однако чувство спешки усиливается. Должно быть, это место на меня так действует. Этот эффект стоит изучить... но в другой раз.

Огромные двустворчатые двери в усеянной вампирами стене слегка приоткрыты. Я пришел оттуда? За ними помещение, напоминающее часовню. Статуя, напоминающая барельеф над входом в замок, закрывает одну из стен. Повелитель вампиров возвышается над остальными, но на этот раз он больше напоминает человека и меньше — демона-кровососа. Остальные стоят вокруг — кто-то вырезан в стене, кто-то появляется из нее, как те некогда живые вампиры в большом зале, а кто-то стоит свободно, обратившись ко мне спиной. На них одежды знати, но в их позах угадывается голод. Дюжина фигур окружает алтарь, к которому привязан ангел. Крылатая дева натягивает веревки, пытаюсь вырваться, но повелитель уже занес нож, чтобы пустить ей кровь.

Выпить кровь ангела... Похоже на какой-то ритуал, на какой-то кошмарный рецепт. Если Эдгар Марков — действительно первый вампир на Иннистраде, и если нож держит именно он, то все это похоже на историю появления в этом мире вампирской расы.

Нож опускается. Сияющая серебряная кровь рекой течет из шеи ангела. Дюжина вампиров во главе с Эдгаром придвигаются, чтобы насытиться. Эдгар наполняет кровью серебряный кубок и пьет. Мне остается лишь смотреть, как ангела медленно покидает жизнь, а в кровавых убийцах — зарождается новая.

Утерев кровь с подбородка, одна из двенадцати оглядывается на меня. Либо она приглашает меня присоединиться к пиршеству, либо собирается выпить теперь и мою кровь. Я пачусь и выхожу из комнаты. Потом, обернувшись, я вижу, что все вампиры вернулись к своим недвижимым позам.

Мне нужно уходить. Но я не могу выбраться.

Ноги ведут меня в другой зал. Выглядит знакомо.

«Почему ты здесь?» — слышу я снова. Это голос Лилианы? Нет. Мои собственные потрескавшиеся губы болят. Я сам произнес эти слова.

— Я пришел за этим, — повторяю я, постукивая пальцем по книге.

— Что такого важного в этой книге?

Я не знаю. Открыв дневник, я листаю его страницы, чтобы выяснить.

Корпеть над Страницами | Иллюстрация: Магали Вильнев

На меня глядит лицо ангела. Она осуждает меня, потому что я не вмешался и не остановил ритуал вампиров? Кретин. Это рисунок в книге, а то было иллюзией, видением или обрывком памяти, дрейфующим по дворцу. Старой, старой памяти.

Рядом с портретом — еще один рисунок. На нем изображен странный перекрученный камень, как те, что я уже видел, прибыв сюда. Рисунок напоминает чертеж, и я начинаю думать, что к появлению этих камней может иметь отношение автор дневника. В них есть магия, они направляют потоки маны.

Мне удастся расшифровать буквы и слова на странице. Здесь говорится об ангеле Авацине. Каждое слово строго и тщательно выписано, словно чтобы подтвердить их значимость: «Сорин сотворил ее. Сорин хотел защитить людей Иннистрада, чтобы вампиры не истребили их в погоне за кровью. Воплощение чистоты и добра Иннистрада оказалось созданием вампира-planeswalker-а, призванным хранить равновесие между могучими охотниками и беззащитными жертвами».

Ангелы... Лилиана говорила об ангелах, намекая, что они еще хуже напавших на меня вервольфов. Я решил, что это очередная ее ехидная шуточка. Ей никогда не нравились ангелы. Но письма в дневнике утверждали, что все совсем не так.

«Ангелы сошли с ума». Хриплый кашель из пересохшего горла гулко раздается в большом зале.

Сорин Марков создал Авацину. Авацина повелевала ангелами. Ангелы нападают на людей. И кто-то разнес на фрагменты Помесье Марковых.

Первый вариант: Сорин взбесился, разрушил фамильный особняк и натравил свое ангельское создание на иннистрадских людей.

Второй вариант: кто-то встал на пути у Сорина, уничтожил его родовое гнездо и обратил его ангела против обитателей Иннистрада.

Оба варианта одинаково страшные. Но каждый из них объяснил бы, почему Сорина не было на Зендикаре. И каждый указывает на ангелов как на способ найти Сорина. А в этом дневнике говорится о безумии ангелов. Закрывая его и прижимая к груди, я говорю, ни к кому не обращаясь: «Вот что поможет мне отыскать Сорина».

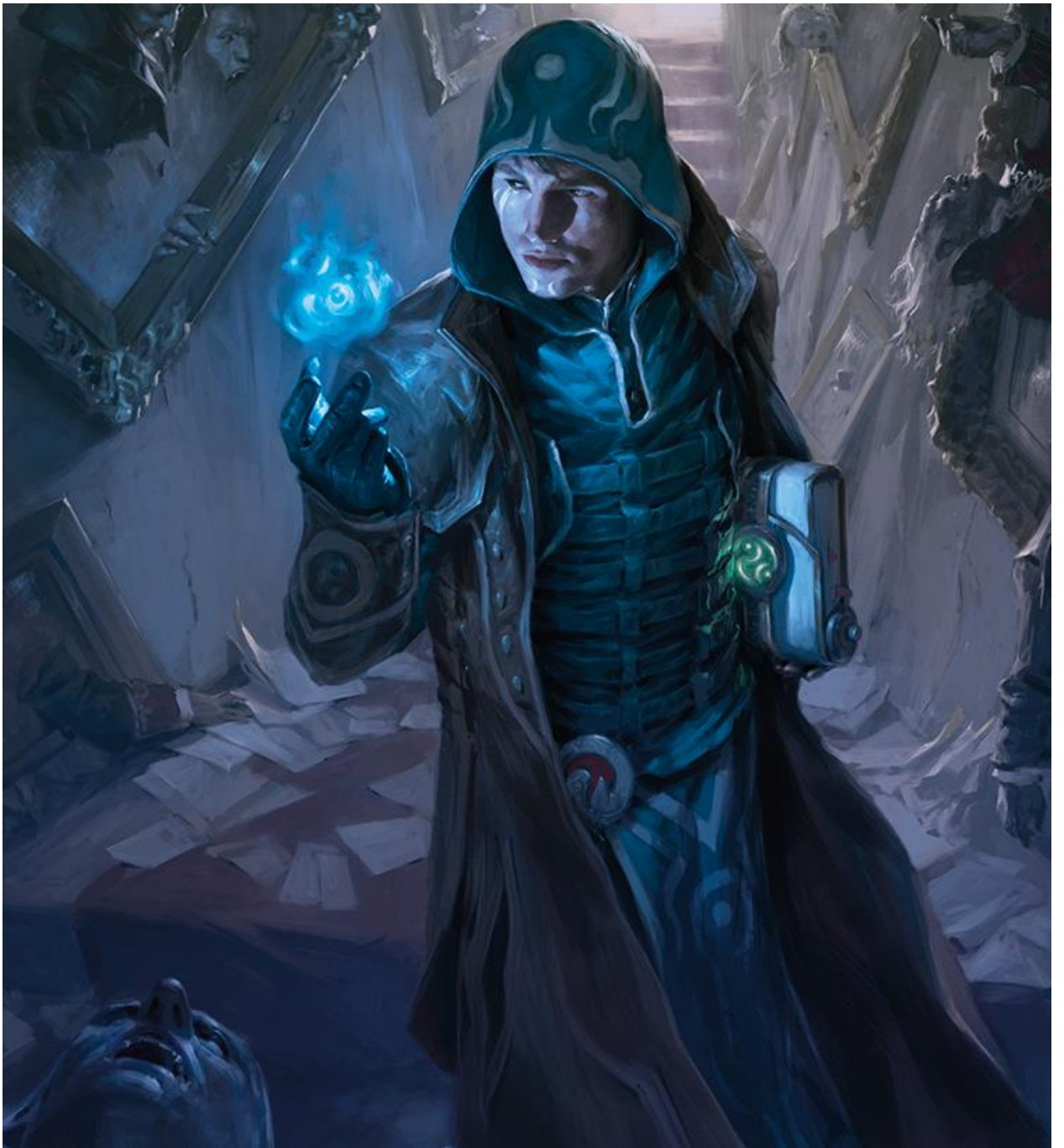
Когда я выберусь отсюда.

Следующий коридор мне знаком, и я знаю, куда идти. С каждым шагом, что удаляет меня от сердца замка, все проясняется. В этих стенах слишком много фантомных воспоминаний — как недавних, так и из глубокой древности. Дженрик пришел в поместье с дневником, но когда вампиры уже были готовы изловить и сожрать его, кто-то разнес замок по частям и заключил вампиров — и беднягу Дженрика — в стены.

Вот коридор, ведущий ко входу. Я в последний раз оглядываюсь назад.

Темно... как темно. Я чувствую в темноте чье-то присутствие, голод, желание. Но не разум. Я тянусь и ощущаю... ничего. Пустоту.

Повернувшись спиной к тьме, я прохожу через высокую арку и покидаю Помесье Марковых.

Джейс, Раскрывающий Секреты | Иллюстрация: Тайлер Джейкобсон

ХРАМ НА КЛАДБИЩЕ КОРАБЛЕЙ

BY MEL LI

Джейс Белерен ищет Сорина Маркова, но сталкивается со множеством опасностей, и поиски оставляют больше вопросов, чем ответов. Расследование привело его на искореженные руины поместья Марковых, где среди развалин он нашел дневник. В дневнике говорилось о криптолитах — искривленных камнях, подобных тем, что были в поместье, — и Джейс отправился по их следу.

Когда он добрался до Гевоны, был еще вечер. В небе сквозь плотное покрывало морсящего над болотами мелкого дождя сияла луна охотников.

Под дождем молча брел Джейс Белерен, воплощение Договора Гильдий Равники и выдающийся маг разума. Мастерство телепатии мало помогало, когда он скользил, чуть не падая, по грязной размытой тропе. Впрочем, ему хотя бы не докучали назойливые иллюзии поместья Марковых. Самообладание было восстановлено, а разум чист — по крайней мере, сейчас.

В тумане колдовской свет освещал дорогу всего лишь на несколько футов. Дальше идти было нельзя.

«Мир, полный теней и призраков... и я, как глупец, гоняюсь за ними», — вслух подумал Джейс, хлюпя набравшими воды башмаками.

Он с печальной усмешкой вспомнил, как с надежными спутниками путешествовал по болотам Зендикара. Не говоря уже об их мастерстве находить дорогу... молчание и одиночество в пути стало его донимать. Ему не хватало знакомого, характерного узора их мыслей, звука их голосов. Ему — Джейс непроизвольно дернул уголок рта — пригодилась бы их помощь.

Плотнее кутаясь в плащ, Джейс дотронулся до спрятанного в карман дневника. Небольшой том в обложке из темной кожи с металлической застежкой тонкой работы. Перед его глазами вдруг появилось бледное лицо соратами, что он увидел в поместье. «Моя бумажная спутница», — подумал маг, ухмыльнувшись.

Дневник Тамиё | Иллюстрация: Чейз Стоун

Достав дневник, Джейс провел кончиками пальцев по обложке и откинул застежку. Обложка распахнулась и раскрылись белые, словно очищенное яблоко, страницы, покрытые затейливыми письменами. Сделанные каллиграфическим почерком записи перемежались таблицами, заполненными цифрами.

Джейс медленно выдохнул и поглубже натянул капюшон, чтобы защитить книгу от дождя. Внимательно и осторожно он перевернул страницу.

На следующем развороте были мастерски выполненные полевые зарисовки. Крыло ангела — каждое перышко кропотливо выписано тончайшими линиями. Таблица с аккуратно заштрихованными кругами под заголовком «Материальный состав луны Цапли». Занимающее всю страницу изображение получеловека-полуволка в профиль. Маг сразу же узнал в нем существо, в которое не так давно превратился его неудачливый проводник.

«Что ж, незнакомка. Поведай мне свои тайны», — промолвил Джейс. Протерев от грязи ближайший камень, он сел и принялся за чтение.

Запись 433, луна урожая:

С утра ко мне в кабинет неожиданно явился отважный всадник, прискакавший на пестром сером коне. Он привез весьма любопытную поклажу. Сверток,

обернутый в мешковину, был больше человеческого роста, и мы вдвоем с трудом затащили его в вестибюль обсерватории. Всадник ничего не сказал, лишь носком грязного башмака указал на прикрепленную записку. Я узнала каракули Дженрика: «Образец для немедленного исследования».

Когда я развернула мешковину, у меня перехватило дыхание. Я увидела мех, потом когти, потом показалась волчья морда... Это был вервольф. После беглого осмотра стало ясно, что этот экземпляр значительно крупнее всех тех, что раньше попадались мне в руки. К моему удивлению труп оказался уже окоченевшим. Он был мертв уже несколько дней. Посмертное обращение ликантропов в человеческий облик — хорошо известный факт, однако экземпляр перед моими глазами опровергал его самым очевидным образом. Мне не терпелось начать работу, но я была вынуждена попросить расписку о времени доставки. Посыльный подписался просто: «Р. Каролус».

Экземпляр был вымыт, обсушен и внесен в картотеку. Я начала исследование с левой передней части. Прежде всего я удалила значительное количество плотной шерсти, обнажив кожный слой.

Обычно перед проведением таких процедур голову образца накрывают, чтобы предохранить ее от повреждений, а также по более деликатным причинам. Тем не менее, я не могла устоять перед искушением полюбоваться на его выражение лица. Широко распахнутые глаза, пасть раскрыта, словно в свой последний миг он звал кого-то за спиной истребителя. Впрочем, вероятнее всего он, как и многие вервольфы, которых я видела раньше, просто восторженно таращился на луну.

Выражение на морде зверя напомнило мне слова Дженрика. «Неизвестно, как именно действует на каждого конкретного человека проклятие ликантропии, — говорил он, — но это тесно связано с его индивидуальной природой. Вид луны наполняет их невероятной свирепостью и силой, но касание ее серебра для них хуже яда».

Я хорошо помню свои первые дни на Иннистраде — мире долгих зимних ночей, идеальном месте для моих лунных исследований. Я смотрела на Цаплю, безупречно полную и яркую настолько, что не было видно звезд, и восторженная... первобытность охватила мое сердце. Может быть, это были живые воспоминания о моем прошлом среди облаков, оставшемся за много миров позади. Может быть, ликантропам можно было позавидовать — ведь они не боялись принять эту первобытность и впустить ее в свою жизнь. Может быть, ощущая прилив серебряной магии луны, растекающейся по жилам, они испытывали экстаз, которого нам не испытать никогда.

Три последних параграфа были перечеркнуты, но колдовской свет позволил Джейсу разобрать написанное по углублениям, оставленным пером на бумаге. Запись продолжалась:

На верхней челюсти хорошо заметен характерный окрас гевонской стаи. Осмотр ротовой полости затруднен из-за волокнистой соединительной ткани, намотанной на зубы. Очевидно, в момент смерти ликантроп не мог закрыть пасть.

Сломав три скальпеля из благословенного серебра, я поняла, что для вскрытия грудной клетки требуется более прочный инструмент. По моей просьбе миссионеры Авачины из города неподалеку спешно освятили и благословили пилу дровосека. Потратив немало сил, я все же распилила ребра образца, вскрыла его от ключицы до таза и извлекла внутренности.

Я всегда восхищалась внутренним устройством ликантропов. Компактно расположенные и защищенные мембранами органы, разветвленные сосуды, проходящие по идеальным маршрутам. Объемные легкие для общения с собратьями на огромном расстоянии и скоростных забегов по лесу, невероятно эффективная печень, помогающая переварить плоть жертвы за считанные минуты, пронизанные капиллярами адреналиновые железы, способные мгновенно выбросить содержимое в кровоток. Отраженный в кривом зеркале человеческий облик, в котором черты хищника доведены до идеала.

Однако этот образец... Он был... иным. В его организме фактически не осталось ничего от человека.

Брюшная полость была заполнена переплетенными плотными сухожилиями различной толщины, разросшимися настолько, что они растолкали многие органы. Животное казалось крупным, но значительная часть его массы состояла из таких сухожилий. В некоторых местах они сплетались в плотные узелки, расположенные рядом друг с другом.

Самое большое скопление узелков находилось на месте печени зверя и почти в два раза превышало ее обычные размеры.

От этого органа исходило солоновато-гнилостное зловоние, которое я хорошо чувствовала, несмотря на свою плотную маску. Я с удивлением обратила внимание, что с отвращением думаю об иссечении этой мерзкой штуковины. Впрочем, любопытство быстро победило брезгливость.

Разделив «печень» надвое, я обнаружила в середине одной из половин плотное шарообразное образование, напоминающее косточку в персике. Половины состояли из губчатой массы сухожилий, среди которых я заметила три сломанных зуба и волоски жесткой серой шерсти.

В одной из них я заметила какую-то гранулу. Я перевернула ее передней стороной вверх.

Это была не гранула, а желтый волчий глаз. Глаз, который, похоже, глядел вверх. Как и его собратья на голове, он был обращен к луне.

Джейс невольно скривился и поднял глаза от книги. За чтением он не заметил, что туман впереди развеялся. Луна освещала ему путь. Отражаясь от болотной воды, она подсвечивала перекрученный монолит.

Лесное Искажение | Иллюстрация: Чон Пак

Монолит был примерно с Джейса ростом. У основания это был простой торчащий из земли камень, но поднимаясь, он закручивался спиралью, а его грани заострялись. Глядя на заостренный кончик монолита, маг заметил, что тот указывал на другой такой же камень в паре сотен метров поодаль. Тот в свою очередь показывал на следующий, потом на следующий, и так — покуда хватало взгляда. Деревья вокруг тянулись туда же, куда указывали монолиты.

Может быть в первый раз с тех пор, как он прибыл на Иннистрад, Джейс улыбнулся и почувствовал облегчение. Похоже, кое-что начало проясняться.

Монолит был точно таким же, что он видел в поместье Марковых, и таким же, что был изображен в дневнике.

«А ты что об этом знаешь, моя бумажная спутница?» Маг быстро пролистал страницы в поисках рисунка с перекрученными камнями. За рисунком следовала запись:

Запись 643, луна охотников:

Сегодня я закончила алхимический анализ криптолитов на болоте. Его результаты показали у образцов ряд необычных свойств, в том числе исключительную твердость поверхности и наличие энергетического поля, направленного вдоль перекрученного вектора. Любопытно, что зонарная структура камня свидетельствует о том, что он совсем недавно поднялся из-под земли. Однако анализ кристаллической решетки говорит, что образцы старше, чем все другие геологические формации в этой области.

Джейс кивнул: «Этих методов я не знаю, но мне нравится твой подход». Ему не хватало привычной возможности целиком воспринимать мысли, а не вчитываться в текст, улавливая все незначительные мелочи.

Сила поля каждого из монолитов способна исказить поля и энергетические линии на местности. Сведения, собранные об этих образованиях, говорят о том, что полюса энергии мигрируют, собираясь в одной точке у берега моря. Искажающие свойства камней влияют также и на потоки маны, и в теории это может оказывать значительный эффект на созданий из чистой магии — в том числе, на ангелов этого мира. Возможно, за безумием Авацины кроется нечто большее...

Джейс приложил тыльную сторону ладони к основанию монолита. Камень был гладким и холодным. На поверхности виднелась сетка из какого-то блестящего материала.

Внимание мага привлек блеск на заостренном кончике камня. Он потянулся к нему, и в этот момент раздался громкий «БАМ!». Разряд энергии из острия монолита ударил в ладонь мага. Джейс отдернул руку. От перчатки поднималась тонкая струйка дыма. Видение чего-то яркого и ясного ворвалось в его голову, но быстро пропало.

«А! Азорова кровь, что это было?!» Он сразу подумал о дневнике и укрыл его согнутой рукой. «Ты... ты в порядке?» — спросил он книгу, осторожно вытирая обложку углом плаща и ища подпалины.

«Ну что, ты в конце концов выяснила, для чего нужны эти штуки? Что мы о них знаем? Может быть, я просто иду по чьему-то следу в очередную ловушку, или?..» Джейс впери́л взор в страницы дневника.

«Или это случилось с тобой?» Само собой, дневник не ответил.

Тишину болота нарушало лишь согласное гуденье насекомых. Джейс вернулся к чтению.

Запись 735, луна охотников:

На прошлой неделе гевонские власти сообщили о растущем количестве жертв, убитых вервольфами. Об этом же говорят и независимые истребители: число смертей значительно превышает обычные цифры для дичи, к которым привыкли Дженрик и Лотка.

Джейса в его жизни называли самыми разными прозвищами. Но определение «дичь» ему не слишком понравилось.

С тех пор дороги к обсерватории перекрыли, и новые сведения получить не удастся. Многие из наших коллег бросили работу и забаррикадировались у себя в домах. Ресурсы истощаются, но я намерена продолжать записи и докопаться до первопричины.

Пищевое поведение сверхъестественных обитателей Иннистрада тесно связано с фазами луны Цапли. Эта небесная проводница управляет не только приливами — в ее власти таинственные порывы первобытного сердца, приводящие к трансформациям и жажде убийства.

Когда наши коллеги в Кессиге отметили возросшую свирепость ликантропов, мы в Нефалии зафиксировали признаки лунных возмущений (см. табл. 6-32). Океанские приливы не только поднялись на рекордно высокий уровень, но и сменили направление...

Джейс изучил таблицы на предыдущей странице придирчивым взглядом. Лавиния гордилась бы им — впрочем, она не раз наблюдала, как он делал это в качестве воплощения Договора.

...Мы троекратно повторили эксперименты, что исключило возможность ошибки измерений. Гравитационные силы, вызывающие движение водяных масс, сместились с луны в некую точку вблизи от моря...

«Постой-ка. Минуточку, — возмущенно сказал Джейс, обращаясь к страницам. — Я как-то раз видел, как Киора подняла все Халимарское море». («По крайней мере, попробовала», — заметил про себя он.) «И... и даже если что-то способно повлиять всего лишь на приливы, это что-то должно быть громадным. Ему никак не проскользнуть незамеченным!» Маг грозно посмотрел на книгу, прежде чем продолжить чтение.

Последние наблюдения за фазами луны показывают, что их продолжительность меняется ассиметричным образом. Это может быть вызвано тем, что лунную орбиту изменила сила притяжения некоего очень большого объекта, находящегося совсем рядом, но все еще не видного невооруженным глазом.

Джейс поднял глаза на ночное небо. Среди тусклых созвездий светилась одинокая луна. Маг искал признаки грандиозной иллюзии — но не нашел.

«Ты... ты уверена, что это так? И что случится, когда он доберется до этого мира? Мы собираемся просто сидеть, смотреть и надеяться, пока эта штука летит на нас?»

Любопытно, что и гравитационный вектор приливов, и искажения магического поля можно проследить до одной точки: большого рифа близ побережья Нефалии.

На моем пере играет мерцающий свет свечи, и я вспоминаю огни обряда новолуния у соратами. Мы держим праздничные фонарики так, как держали их наши предки. Они маяками провожают возродившуюся луну, что поднимается из моря облаков. А что приведет в этот мир таинственный риф?

Все мои исследования лишь порождают новые вопросы. И если на эти вопросы отвечать втроем, каждый даст свой ответ...

Вопросы, бесконечный поток вопросов...

Новые подсказки, но ни одного ответа. Джейс нервно сжал и разжал кулаки. Ситуация приводила его в бешенство — сам он не мог ничего услышать, воспринять или узнать. Даже его собственные глаза казались ему бесполезными. У него не было выбора — оставалось положиться на дневник.

«Почему тебя самой тут нет? У меня столько вопросов! — со вздохом обратился к дневнику Джейс. Молчание было ему ответом. — Ну конечно. И на что я надеялся?..»

Текст на страницах словно глядел на него, призывая перечитать последние слова. «Знаю, знаю. Камни указывают путь... я пройду по этому пути. Я просто... хотел бы понимать, что ищу. Тропу? Ловушку? Что ты для меня приготовила?»

Дорога в Нефалию закончилась у подножия уходящих в море утесов. За хребтом виднелись крыши портового города Селхофф. Узкая тропка уходила круто вверх, и скоро Джейс начал задыхаться, поднимаясь по скалистому склону.

Тропинка заворачивала за утес, и, повернув, маг чуть не столкнулся с рыбачкой.

— О! Прошу прощения, я не заметил...

Женщина уставилась ему в глаза своим пустым и немигающим взглядом.

— Еще один явился, услышав ее зов, хм-м?.. — спросила она, медленно проговаривая слова. — Ты тоже пришел увидеть ее? В ее голосе слышалось жутковатое подобие веселья. — За один сегодняшний день столько новых лиц!

— Увидеть ее? Кого увидеть?

— Она наконец-то здесь! Привела своих пернатых с небес, и прилив поднялся им навстречу! Пробил дамбу и смыл все на своем пути!

«Ну конечно же, — подумал Джейс, — в дневнике говорилось о возросшем уровне воды». — Ты сама видела, как изменились приливы?

— О, нам нет дела до таких мелочей. Мы нашли... нечто большее. Гораздо большее! Только подумай о том, что обременяет нас, что удерживает на месте. Наши оболочки из мяса, наши заботы... мы ползем, словно улитки. Она здесь, она ждет нас наверху. Ждет, чтобы забрать все лишнее, чтобы возвестить наступление нового мира!

— Погоди, не так быстро... «Она»? Кто такая «она»? И что она несет?

Рыбачка засмеялась и долго не могла остановиться. — Я сама была такой как ты. Знание — тяжелое бремя. Столько вопросов... мы тонем в вопросах, не находя ответов! А теперь я отпустила их — их смыло из головы, как шторм смывает корабли. Когда-то я хотела знать... вещи. Много вещей! Глупые вещи! Какое у меня предназначение, и смогу ли я исполнить его? Как я умру? Когда закончится зима? Куда глядит глаз? Сколько всего глаз? Сколько ног у лунной мыши?..

Бесмысленные слова лились из ее уст, пока она не начала задыхаться, как выброшенная на берег рыба.

Джейс услышал достаточно, чтобы понять, что от разговора будет мало толку. Но ему нужны были сведения, а они могли быть в ее голове. Отработанным жестом он потянулся к ее разуму, чтобы прочитать мысли.

Первая, за которую он зацепился, растворилась облачком синего дыма. Вторая оказалась беспорядочным набором образов — перекрученные камни и что-то темное и бурлящее... море? Все мысли были необычно пустыми, бесформенными. Маг нахмурился. Тут потребуются более решительные меры. Открыв собственный разум, он перекинул мост в голову рыбачки...

Изыскания Джейса | Иллюстрация: Славомир Маниак

...и заглянул в безжизненное серое спокойствие. Вокруг поднялась идеально гладкая стена. Крыша-купол была такой же гладкой и ничем не примечательной. Ни дверей, ни входа, ни выхода. Он посмотрел вниз, ожидая увидеть женские руки. Но увидел свои — мокрые ладони и синие одежды. Джейс тихо выругался.

Каким-то образом он оказался в ловушке чужого разума. Он стал чьим-то живым, дышащим обрывком мысли, застрявшим в голове. К магу подступила паника, и тишина превратилась в высокий звон в ушах. Глубокое дыхание. Это было... неожиданно.

Джейс медленно пошел вдоль стены купола, ощупывая ее в поисках трещин или изъянов. Он сделал полный круг, но ничего не нашел. Пытаясь справиться с нарастающим страхом, он прислонился к стене и взглянул в центр комнаты.

В воздухе висел еле заметный образ... чего-то. Нет, не чего-то. Ничего. Слепое пятно в пространстве, которое оставалось, несмотря на все попытки заглянуть за него.

В висках мага билась кровь — в унисон со слепым пятном в центре комнаты. Потными ладонями он с силой уперся в стену, но стена не поддавалась.

Джейсу уже приходилось изменять чужое сознание, внушать безумные видения и искажающие мысли. Но сам он совершенно точно еще не бывал таким искажением. Впрочем, маг был уверен, что оставался человеком из плоти и крови. И он мог это доказать.

Джейс глубоко вдохнул, расставил ноги, сжал кулак — с *большим пальцем наружу*, как много раз напоминал ему Гидеон, — и с силой ударил по стене.

Удар отдался во всем его теле, и прошедший по нервам импульс отбросил его назад. Стена загудела, словно камертон, и голову мага пронзила невыносимая боль.

Он бросил взгляд в центр комнаты. Слепое пятно разрослось, став Объектом. Объект был куда выше мага, он почти касался пола и потолка купола, накрывшего Джейса, как стакан накрывает паука.

Джейс зажмурил глаза и сжал руками голову, пытаясь собраться и успокоиться.

— Построено на славу.

Джейс резко открыл глаза. Перед ним стоял человек во влажном синем плаще с капюшоном, окруженный тусклым сиянием. Он потирал подбородок, глядя на Объект. Человек выглядел в точности как... Джейс. Или, если точнее, как его иллюзорный двойник.

— Нам еще не приходилось бывать в таком месте, верно? Все мысли перемешаны, и здесь просто пусто. Но интересно! Как думаешь, что внутри этой штуки?

Джейс изумленно смотрел на укрытого капюшоном двойника. Он хотел что-то сказать, начал — но промолчал. Маг был уверен, что не вызывал его. Или все же рефлекторно сделал это? Он не помнил. Это из-за того, что он оказался в чужом разуме?

— Да ладно тебе, прекрати. Мы же так близко! — настойчиво сказал новый голос. Джейс повернулся и увидел второго двойника. Этот был без капюшона, и была видна его белая, словно луна, кожа. — У нас нет времени на эту бедную женщину. Оставь ее. Мы почти добрались до кладбища кораблей!

Двойник в капюшоне бросил на него ледяной взгляд. — И что тогда? Снова пойдём по следу аномалий? Мне надоело продираться через тупики. Должен быть кто-то, кто понимает, как все это связано.

Двойник в капюшоне приложил две руки ко лбу и напряженно вгляделся в Объект. Его лицо покраснело, на лбу комично вздулись вены и выступил пот.

Джейс скривился, наблюдая за собой. Такая беспощадная откровенность была ему не по душе.

— Ты ведь *и правда* так выглядишь, знаешь? Это произнес третий иллюзорный двойник. Этот был с фиолетовыми глазами и ухмылялся. Он

прошептал что-то на ухо второму, бледному двойнику, и они заговорщицки захихикали, показывая на все еще стоявшего в полном напряжении первого.

Успокоившись, бледный двойник доверительно положил руку Джейсу на плечо.

— Месяцы, нет, *годы* полевых исследований, наблюдений, измерений! Ты так близок к тому, чтобы помочь мне закончить записи. Бледный двойник нетерпеливо и настойчиво потянул Джейса за руку.

Объект, невозможно и угрожающе огромный, нависал над магом. Гладкие стены Комнаты изгибались и тянулись к Объекту, а потом с оглушительным треском лопнули. Осколки стен разлетелись в стороны и влетели в Объект, обнажив жилистую, словно паутина переплетенную подложку. В паутине открылось множество глаз. Они в исступленном восторге глядели сквозь Джейса и рыбачку на Объект. За стенами взревели голоса. Они слились в белый шум, обрушившись на Джейса и бросив его на колени. Пол треснул, не выдержав его веса. Маг уже не слышал этого, но понял, что он проваливается и падает...

...Он открыл глаза и понял, что лежит на земле скорчившись и держится за голову. Глядя на деревья, он пытался прогнать из головы стоящий перед глазами образ жилистых стен.

Рыбачка очнулась, неуверенно приподнялась и понимающе заглянула Джейсу в глаза. Что-то неслышно пробормотав себе под нос, она крякнула, поднялась на ноги и дальше поспешила по спускающейся к берегу тропе.

Маг даже не заметил этого. Погруженный в раздумья, он продолжил подъем.

Тропа привела его на каменистый берег, к небольшой рыбацкой деревушке к северу от рифа. Дамба, как и говорила рыбачка, на добрый фут ушла под воду, а там, где был порт и корабли, теперь остался лишь толстый и блестящий слой начавшего гнить ила.

Джейс подошел к кромке воды, позволив волнам смыть с башмаков песок и засохшую грязь. Когда волна откатилась, маг заметил, что вода движется не от берега, а вдоль него.

Что-то дальше по берегу и в самом деле не давало волнам вести себя, как положено.

К югу от деревни лунный свет освещал колоссальное кольцо из выступающих из океана ломаных камней — будто острые когти грозили волнам и проходящим кораблям.

«Кладбище кораблей, — прошептал Джейс. — Вот оно! Все криптолиты указывают сюда!»

И над когтистым кольцом было... все еще ничего? Лишь луна со знакомым силуэтом цапли сияла в ночном небе.

Джейс был готов ко многому. Но *ничего?* «Я думал, ты обещала мне, что здесь что-то будет! Говорила, что я здесь что-то найду!» Джейс лихорадочно вытащил дневник из кармана и распахнул.

Подводя итоги первоначальных исследований, можно сделать вывод: на данный момент наилучшим объяснением является внезапное приближение к Иннистраду крупного астрономического объекта.

Маг с сомнением поглядел на пустое, незаконченное кольцо камней. Большое, но явно недостаточно большое, чтобы считаться «астрономическим объектом». А пространство над кольцом было, по всей видимости, просто пустым пространством. «И насколько большой, по-твоему, должна быть эта штука?»

Как можно видеть, выводы из этой работы говорят о наличии объекта со значительной массой. Вероятнее всего, это новое небесное тело, жуткая луна кошмаров такого размера, чтобы создать меняющую ход приливов и течение магической энергии гравитационную силу.

«Небесное тело? Размером с луну?» Джейс взгляделся в пустое пространство над кольцом. Здесь где-то прятался еще один иллюзионист? Но он не чувствовал ничего подобного.

Для дальнейшего изучения потребуются новые полевые исследования.

Джейс пролистал страницы до конца, но по этой теме больше не было записей. «Ты не можешь на этом закончить! Мы так близко! Расскажи мне! Расскажи, что это значит!» Он схватил книгу за кожаный корешок и затряс, словно надеясь вытрясти ответы.

Вдруг уголком глаза маг заметил какое-то движение. Над головой клубились тяжелые облака. Длинная процессия из волочащих ноги фигур брела по плечи в ледяной воде океана. Зомби. Распухшие от воды трупы моряков с разбившихся о рифы Нефалии кораблей.

Явление на Кладбище Кораблей | Иллюстрация: Титус Люнтер

Джейс с отвращением понял, что тухлятиной воняло не от выброшенной на берег рыбы, а от этой хорошо просоленной рабочей силы.

В его памяти сразу всплыли зомби Лилианы и их холодные мертвые руки, сдавившие горло.

На всякий случай маг сделал жест, и рядом с ним появились три двойника.

Вид зомби заставил его вспомнить слова Лилианы: — Это тупик. Отправляйся домой, Джейс, — сказала она тогда.

— Нет!.. — он сказал это вслух, громко, с неожиданной для самого себя страстностью.

Его мысли были слишком громкими. «Спокойнее, Белерен», — приказал себе маг.

Нет, он не может повернуть назад. Еще не время. Он близок к разгадке, которую не знает даже дневник.

Сжав зубы, Джейс зашел в холодную воду и побрел к камням, держась подальше от любопытных глаз колонны мертвецов. Каменные образования напоминали те, что он видел на болоте, только были гораздо больше размером и тихо гудели от переполнявшей их энергии. Каждое заканчивалось острием, направленным в центр круга.

Несколько из монолитов стояли на мелководье, поодаль от собравшейся в центре процессии. Джейс подобрался к одному из них и протянул руку, чтобы подсветить себе дорогу к камню.

БАМ! Разряд энергии с поверхности камня ударил в Джейса, и в голове и ушах у того зазвенело от знакомого звука.

Он медленно поднял голову. Его мысли закружились.

Слепое пятно Объекта разрасталось в его поле зрения. Оно нависало над кругом из камней. Объект пульсировал энергией в унисон со светящейся сеткой сосудов на монолитах внизу. Сюда, в эту точку теперь сходились лучи маны Иннистрада, собиралась вся сила мира.

— Вечно ты всюду тянешь свои руки, Белерен. И тебе действительно надо было снова получить от него удар? — услышал Джейс голос из-за плеча.

Спутник мага выглянул из-за его плеча и закатил фиолетовые глаза. — Для знаменитого своей восприимчивостью мага у тебя были времена и получше. Это был его двойник из ментальной ловушки, откуда Джейс вырвался всего несколько минут назад. Он потянулся, словно собирался ущипнуть мага за нос своими иллюзорными пальцами. За ним стояли два других — двойник в капюшоне и бледный двойник.

— А вы что тут делаете? — пробормотал Джейс. — Я тебя и этих двух бедолаг, — он обвиняющим жестом ткнул пальцем в двойников, — оставил в голове той безумной женщины! Вас тут никто не ждал, и если вы не собираетесь помогать в борьбе с этим, — Джейс сердито кивнул на смердящую толпу зомби, — то считайте себя отозванными.

— Не нужно защищаться. Я тебе не враг. Похоже, что у тебя самого неплохо получается, — фиолетовоглазый двойник показал на центр каменного кольца, куда целеустремленно направлялись бледный и укрытый капюшоном. Они то ли не принимали во внимание, то ли вовсе не замечали преграждающую им путь орду мертвецов.

— А ну вернитесь! Живо! — прошипел Джейс. — Поверните назад, черт вас дер!

— Мы наконец-то можем закончить измерения! Но что ты станешь делать с размерами этих каменных образцов? — облик бледного двойника поплыл, его черты стали изящнее, а растрепанные волосы собрались в два аккуратно заплетенных пучка. Их удерживали два длинных заячьих уха. Двойник Джейса превратился в соратами — женщину из лунного народа Камигавы. Ту же самую, что он встретил в видении в поместье Марковых, ту самую, что написала...

— Дневник. Это... — проговорил Джейс, схватившись за книгу в своем кармане. — То есть... это ты?

— Вероятнее всего, это новое небесное тело, жуткая луна кошмаров такого размера, чтобы создать меняющую ход приливов и течение магической энергии гравитационную силу, — произнесла иллюзия соратами с неожиданной

торжественностью. — Соберись! У нас есть работа... и где твой компас? — закричала она Джейсу, целенаправленно направляясь к камням.

Двойник в капюшоне уже добрался до основания Объекта, остановился и посмотрел вверх. — Как в уме той безумной. Зачем ты вынудил нас оставить ее? Теперь нам не узнать, что ей было известно! — от высокого вопля двойника зомби начали приходить в волнение. — Взгляни вверх, Джейс! — закричал он. — Они здесь!

Джейс поднял голову. Что-то упало на него с неба и скатилось в морскую воду. Потом еще раз. Капли дождя? Он вытянул руку и посмотрел, что упало ему на ладонь.

Это... перья? Они сыпались из темного облака в небе. Джейс прищурил глаза. Это было не облако, а рой каких-то существ. Громадных крылатых существ. Ангелов.

Они слетелись к центру кольца, кто-то кружил над криптолитами, словно мотыльки над пламенем, и кричали хриплыми птичьими голосами. Хлопанье крыльев эхом разносилось среди утесов и болью отдавалось в голове Джейса.

Да, он уже видел такое. На той же странице, где описывались криптолиты, говорилось об Авацине. Знак, подсказка... это что-то значило... должно было что-то значить.

— Величественные, но бесполезные существа. Птичьи крылья и птичьи мозги, — ухмыльнулся фиолетовоглазый двойник, опершись на плечо Джейса.

Внизу, под роем, двойник в капюшоне просто смотрел вверх, зачарованный неумолимым притяжением Объекта и кружащими над головой ангелами. — Что поднимает приливы? — услышал Джейс его бормотание. — Зомби или ангелы? В чем мое предназначение, каким будет конец? Слишком много вопросов...

Он пошел к центру кольца перекрученных камней — по шею в воде, задрал голову и неотрывно глядя вверх. Он брел, и вода поднималась все выше, пока не сомкнулась над его головой. Джейс молча смотрел, как лицо двойника — его лицо — медленно исчезало.

Голос заговорил за плечом Джейса. — Ты же помнишь, что она нам сказала, верно? — спросил фиолетовоглазый двойник, приподняв бровь и улыбаясь слишком широко, чтобы это сошло за искренность.

— Прошу прощения? — прохрипел Джейс Белерен пересохшим горлом.

— В ту первую ночь, когда ты пришел увидеть ее, — голос двойника поменялся. Он стал... знакомым.

Иллюзорные черты поплыли под лунным светом и медленно приняли знакомый облик. Лилиана Весс.

— Я пришел не для того, чтобы увидеть ее! Я... я пришел, чтобы найти Сорина!

— Она тебя знает. Она не просила тебя являться сюда, к нежити и этим, — она с показательным отвращением указала рукой вверх, — крылатым гадам. Голос Лилианы играл на его нервах, как виртуоз на своей скрипке.

Джейс замер. Конечно же. Он с самого начала это знал, верно?

— Это была ты! Ты их сюда привела! Поэтому ты отправила за мной своих упырей, поэтому предупредила об ангелах, когда я пришел? — Джейс чувствовал, как кровь прилила к лицу, и слышал свой голос, хриплый визг, разбивающийся об ее спокойствие.

Он шагнул вперед, чтобы взглянуть ей в глаза. — Это твоя работа! Ты всегда их ненавидела и много лет это планировала, верно? Ты подняла камни, чтобы собрать здесь ангелов и свести с ума! Словно овец на заклание... собрать всех в одном месте и уничтожить одним ударом. Как ты это сделала? Что задумала? Ты знаешь, с какими силами заигрываешь?

Пульс стучал у мага в висках, по лбу стекали капли пота. — Ответь мне! Я не позволю тебе сделать из меня дурака!

— Для этого тебе не нужна моя помощь, Джейс. А ты... ты сам все знаешь, не так ли? Даже у иллюзорной Лилианы глаза были такими же древними, фиолетовыми и бездонными, как помнил Джейс. Они скрывали темные секреты, накопленные за целую жизнь, полную безжалостности.

Джейс смотрел на улыбающееся лицо Лилианы, и слова гнева и обвинения застряли у него в горле. Но когда он начал говорить, она внезапно растворилась в холодном ночном воздухе.

Джейс вернулся к берегу и сел на песок, дрожая от холода. Его одежда не спасала от мороза, а онемевшие ноги потеряли чувствительность. Он был цел — но потрясен. Перед ним, не обращая на него внимания, двигалась процессия мертвецов.

Он взглянул на круг камней. Объект пропал.

Трясущимися руками он достал дневник, начал открывать его — но остановился. Вопросы заполняли его голову. Как Лилиана изменила приливы и воздвигла камни? Что за небесное тело, о котором столько говорилось в дневнике? Слова из дневника всплыли у него в памяти: «Если на эти вопросы отвечать втроем, каждый даст свой ответ...»

— Нет, — возник у него в голове безжизненный жужжащий голос. — Не спрашивай. Хватит вопросов без ответов. Тебе не нужна эта книга, наполненная загадками. Ты утонешь в них. Джейс убрал книгу обратно в карман. — Ты пришел сюда. Ты знаешь ответ. Поиски закончены.

Он вновь и вновь прокручивал в голове образы, не в силах избавиться от стоящего перед глазами лица Лилианы и ее насмешливой улыбки.

«Ангелы. Зомби. Тупик...»

Луна охотников одиноко светила в небе, и ее свет, казалось, очищал и землю, и морскую гладь. Джейс знал, что нужно делать.

Храм на Кладбище Кораблей | Иллюстрация: Джон Эвон

ОБЕЩАНИЯ СТАРЫЕ И НОВЫЕ

BY ARI LEVITCH

Отправившись в поместье Марковых, Джейс надеялся отыскать вампира-planeswalker-а Сорина. Но он нашел лишь замок, обращенный в немыслимые перекрученные руины, и его убитых обитателей, плененных в каменных стенах. Для Джейса это стало новой загадкой. Однако маг не знал одного: он совсем немного разминулся с Сориним. Именно для древнего вампира предназначалось это явление в камне.

Прошлое Сорина вернулось, чтобы терзать его. Сородичи сторонились древнего вампира, но теперь он надеется заручиться их помощью, чтобы остановить грозящую Иннистраду беду. Поиски привели его в отдаленное поместье могущественной Оливии Волдарен.

Он шел по бальному залу, и не меньше сотни пар глаз пристально глядели на него из-за элегантных масок. Кто-то в такой компании мог бы почувствовать себя мышью перед свиной стаей. Но не он. Он шагал, и звук его шагов эхом отражался от купола потолка, заглушая шепот десятков ртов, повторявших одно и то же имя.

«Сорин Марков», — раздался мелодичный женский голос, и шепот прекратился. В голосе слышался сарказм: женщина так произнесла его имя, будто это была заключительная фраза длинной и очень смешной шутки. Но это не имело значения. Имело значение лишь то, что голос был знакомым и принадлежал той, кого он пришел увидеть.

— Похоже, я помешал вашему веселью, — сказал Сорин, обводя собравшихся рукой, а потом прикладывая ее к груди в нарочитом смирении. — За это я прошу прощения. Но я молю тебя, Оливия, покажись. Нам нужно поговорить. Сорин окинул взглядом зал, где множество вампиров собралось на роскошный праздник, приготовленный хозяйкой. Он бывал на десятках, если не сотнях таких пиров — но в последний раз это было больше тысячи лет назад.

Наконец, одна из дам опустила свою фарфоровую маску, гротескную насмешку над цаплей Авацины. Она отбросила ее в сторону и без всяких усилий взмыла в воздух, демонстрируя струившееся в древней крови могущество.

Оливия Волдарен | Иллюстрация: Эрик Дешам

— Неужели? И о чем же нам разговаривать, *повелитель Иннистрада*, — удивилась Оливия, низко кланяясь вампиру. Настала ее очередь театральных жестов и насмешливой почтительности. В зале послышались смешки, но Сорин оставил шутку без внимания. В конце концов, это был ее дом, и она имела полное право веселиться. Он просто не стал отводить взгляда и смотрел в ее бледное лицо, обрамленное буйными рыжими кудрями. Сорин знал эту игру. Оливия демонстрировала свое превосходство. Этим приемом она пользовалась не раз, но древний вампир был не из тех новообращенных, что из кожи вон лезут, чтобы заручиться ее милостью. Он стерпит это — но до известного предела.

— Отпрыску Эдгара Маркова нет места в этом доме, — продолжила Оливия. Она сделала неопределенный жест, не показывая ни на кого конкретного. — Выпроводите его.

Тут же из толпы гостей выступило вперед полдюжины вампиров. Один из них вытащил из ножен тонкий дуэльный клинок. — Госпожа Волдарен велела тебе удалиться, — заявил он. — Тебе тут не рады.

Предел был перейден.

Несколько раз коротко сверкнул меч Сорина, и пятеро из его неудавшихся провожатых повалились на пол. Из их страшных ран струился черный дымок. На ногах остался один — дуэлянт. Сорин взглянул на Оливию, чтобы убедиться, что она смотрит и внимает происходящему. Он поднял руку, и как

только дуэлянт бросился на него, вампир сжал кулак. В тот же миг тело его противника взорвалось облаком праха.

Vindicate Судейская промо-карта | Иллюстрация Карла Ортис

В зале воцарилась мертвая тишина. Сорин завладел их вниманием. Но что еще важнее, он завладел вниманием хозяйки. Убрав меч в ножны, он шагнул вперед. Он явился сюда с определенной целью. Слова гнилью отдавали на языке, но Сорин все же произнес их: «Я пришел попросить тебя о помощи». Уголки губ Оливии поползли вверх, и улыбка обнажила зубы — острые зубы, за долгие века отнявшие бесчисленное множество человеческих жизней. Она подлетела к Сорину так плавно, что по красной жидкости в ее бокале едва пошла дрожь. Оливия была одета в изысканное платье, но ноги оставались босыми. Сорин и помнил ее такой — не признающей условностей одиночкой. Она приблизилась к нему вплотную, и ее голые пальцы парили в паре дюймов над отполированным каменным полом.

Оливия смерила Сорина взглядом и склонила голову в одну сторону, потом в другую — словно пытаюсь разгадать скрытое значение его слов. — Мою помощь? А я-то думала, что это будет неприятный визит.

Сорин знал, что она будет наслаждаться моментом, но у него кончалось терпение.

— Что ж, по крайней мере, этот праздник запомнится надолго, — закончила она и, приподняв в тосте стакан, пригубила его содержимое. Сорин был вынужден шагнуть в сторону, чтобы дать ей дорогу. Толпа гостей в масках расступалась перед прародительницей рода Волдарен. Оливия небрежно махнула Сорину рукой, приглашая проследовать за собой.

Двое древних вампиров прошли через череду комнат, заполненных собравшимися гостями.

Благородная Вампирша | Иллюстрация: Райан Александер Ли

Они прошли через полутемный кабинет, и Сорин увидел в дальнем его углу спины сбившихся в кучу вампиров. Из угла раздался слабый, еле слышный стон. Один из вампиров обернулся и, завидев Сорина, злобно зашипел, недовольный вторжением. Из скривившегося рта по подбородку стекала кровь. За ним Сорин заметил вытянутую руку, по которой текли красные ручейки.

Вампирическое Бешенство | Иллюстрация: Мэтт Стюарт

Из кабинета хозяйка провела Сорина в огромную столовую — длинный, напоминающий пещеру зал, где над исполинским столом из черного дерева висела добрая дюжина канделябров. Стол ломился от изысканных яств, и гости Оливии пировали, щедро запивая угощения льющимися рекой напитками. Сорин хорошо помнил этот зал по своим предыдущим визитам, и он знал, почему Оливия привела его именно сюда. Она хотела, чтобы Сорин увидел пиршество, хотела выставить его напоказ. Должно быть, она думала, что этот вид затронет какие-то струны в душе Сорина. Как же мало она понимала!

— Все прочь, — произнесла Оливия. У нее это прозвучало не как приказ, а как шутливое предложение, но гости повиновались беспрекословно. С их уходом ушли и звуки праздника. Когда Оливия и Сорин уселись на стулья в конце стола, в зале было тихо.

— Почему сюда, Сорин Марков? — спросила Оливия. — Почему ты не явился умолять на свой собственный порог?

— Насколько я понимаю, ты не слышала. Оливия вопросительно приподняла бровь. — Помесья моего деда больше нет.

Оливия засмеялась, и это было совсем не так мелодично, как ожидал Сорин.

— Ты находишь эту новость забавной? — спросил он.

— Новость вовсе не забавная, — ответила Оливия. — А вот тот, кто принес ее... Она изящно откинулась на мягкую спинку стула. — Если поместье Марковых

разрушено, то ищи Авацину, твое собственное создание. Она уже сровняла с землей замок Фалькенратов и обескровила их род. Твоя зверушка, похоже, взбесилась. И если честно, ты должен поблагодарить меня за то, что я лично не разорвала тебя на части, когда ты появился в мой дом.

— Я пропущу это мимо ушей, Оливия, и мне надо, чтобы ты очень внимательно выслушала то, что я сейчас скажу. Он поднялся со стула и облокотился на его спинку. — Я только что из поместья Марковых. Знай, что его постигла совсем другая участь, нежели замок Фалькенратов. Я пришел к тебе, потому что случившееся с поместьем Марковых знаменует начало чего-то ужасного для нашего мира.

Безжалостная Решимость | Иллюстрация: Чейз Стоун

— Ты хочешь сказать, чего-то ужасного для тебя?

Одно не исключает другого. Ему действительно грозила опасность. Но такая же опасность грозила и всему Иннистраду. Он не хотел тогда, чтобы до этого дошло. Задумавшись, Сорин мысленно перенесся в другую эпоху...

Сознание Сорина равномерно растеклось по всем тем неделям, что он здесь провел. Или это были месяцы? Годы? Он не знал точно. Пока он был в трансе, его отыскал сгусток белого света. Свет пробился через все слои его внимания, и, с каждым мгновением становясь все больше и больше, коснулся вампира. За один удар сердца разрозненные части разума слетелись вместе, занимая

положенные места в его сущности. Спешка была такая, что он с трудом выдержал ее. Что-то пошло не так. Что-то слишком рано выдернуло его из процесса восстановления.

Распахнув глаза, Сорин осознал себя сидящим на каменном полу скромного святилища. Он медленно поднялся на ноги — и потратил на это простое действие слишком много сил. Вампир все еще был слаб и выжат насухо. Стоя на нетвердых ногах, он заметил на полу святилища темное пятно, черную тень в форме ангела. Пятно словно свидетельствовало о величии отнявшего силы вампира деяния, прославляло его творение.

Белый свет вновь засиял в разуме Сорина, и теперь, избавившись от оставшегося после транса тумана, вампир понял, что это такое. След прибывшего на Иннистрад мироходца, которого притянул его Хелволт.

С восстановлением придется подождать. Иннистрад принадлежал ему, и гости могли являться сюда лишь с его позволения. Он должен узнать, что нужно чужаку. Если дойдет до битвы, Сорин будет не в лучшей форме, но безопасность мира нельзя ставить под угрозу ни в коем случае. Даже лишившись сил, вампир оставался грозным противником... к тому же, на этот раз у него будет помощь. Поднялись клубы черного дыма, и Сорин Марков отправился узнать, кто посмел без приглашения явиться в его мир.

Снова клубы дыма. Сорин появился в тени искривленного дерева с раскидистыми ветвями, на которых пучками росли красные листья. С места, где он стоял, ему открывался вид на грубый, изломанный серебряный монолит, стоящий на краю высокого утеса на фоне серых облаков. В тусклом свете серебряный исполин казался почти черным. Хелволт. Осколок серебряной луны этого мира. Сорину пришлось приложить немало усилий, чтобы доставить его сюда.

Хелволт | Иллюстрация: Джейми Джонс

Пока вампир смотрел на монолит, из-за него вышла женщина. Бледная, с непослушными белыми волосами, спускающимися на лицо. Проходя мимо Хелволта, она провела пальцами по его грубой поверхности. На женщине была простая коричнево-серая одежда, и единственным ярким пятном служила обмотанная вокруг предплечья алая лента.

Сорин сразу же узнал ее.

Литомант.

Нахири.

Она была кором с Зендикара, и они познакомились тысячу лет назад. Когда-то они путешествовали вместе, но всего лишь несколько лет, и вампир удивился, увидев ее сейчас на Иннистраде. Сам он ни разу не показывал ей этот мир. В последний раз они виделись в ее родном Зендикаре и расстались так, что Сорин не ожидал, что они встретятся снова.

И тем не менее, она стояла перед ним.

Ему показалось, что Нахири очарована Хелволтом, так что он подошел к ней, не говоря ни слова. Если кто-то и сможет оценить его труды по достоинству, то это она.

— Простите меня за примитивные попытки придать форму камню, девочка, — промолвил он, приблизившись к ней сзади. Услышав его слова, Нахири

резко развернулась. Широкая улыбка осветила ее лицо, и она даже не сразу смогла заговорить. Наконец, слова слетели с ее губ:

— Друг мой! Ты жив!

— А почему должно было быть иначе? Он изобразил на лице улыбку и потянулся, положив ей руку на плечо.

— Ты ведь не пришел, — она накрыла его ладонь своей. — Когда я включила сигнал Ока Уджина на Зендикаре, ты не ответил. Я боялась, что...

Сорин убрал руку. — Эльдрази вырвались из плена?

— Вырвались, да.

Горький комок подкатил к горлу Сорина. — Где Уджин? — спросил он.

— Он тоже не пришел, — ответила Нахири, глядя на него снизу вверх. — Но я справилась. Сама. Собрала все свои силы и вновь запечатала тюрьму титанов. Она говорила с незнакомой Сорину уверенностью. В ней раскрылась сила, которой не было тысячи лет назад, когда они знали друг друга. И вдруг, стоя перед Нахири, Сорин остро почувствовал, как он сейчас слаб.

— Закончив работу, я отправилась на поиски, — продолжала та. — Я должна была узнать, жив ли ты. И вот он ты, собственной персоной. Прошло мгновение, и улыбка Нахири медленно сползла с ее лица. — Так где же ты был? Сорин, почему ты не ответил на сигнал?

— Он не дошел до меня, — ответил вампир.

— Как такое может быть?

— Хм-м... — Сорин протянул руку над плечом Нахири и уперся ладонью в поверхность Хелволта. — Ты решила, что будешь сторожить плененных Эльдрази, и я понял, что моему миру тоже отчаянно нужна защита, особенно когда меня нет рядом. Хелволт — это половина из защитных мер, что я создал. Быть может, сигнал Ока не смог пробиться через его магию, укрывающую этот мир.

Нахири недоверчиво покачала головой. — И ты знал, что так может случиться?

— Это не приходило мне в голову, — ответил Сорин. Он говорил правду, но Нахири задала свой вопрос обвиняющим тоном, так что он тщательно выбирал слова. — Впрочем, сейчас я вижу, что такое было возможно.

— Возможно? Ты поставил под угрозу мой мир — и не только, — в ее голосе была боль. — Ты бросил меня.

Сорин отмахнулся от обвинений женщины-кора. — Я просто предпринимал необходимые предосторожности для защиты своего мира. Я не думаю, что...

— У нас с тобой был договор, — голос Нахири вдруг изменился. Он стал ледяным, в нем не осталось ни капли тепла, что было еще мгновение назад.

Сорин зашипел сквозь стиснутые зубы, и Нахири шагнула вперед, но вампир повернулся к ней спиной.

— Не отмахивайся от меня! — воскликнула она. — Я подставила под удар собственный дом, заманив туда Эльдрази. Я добровольно приковала себя к Зендикару, чтобы стать для них сторожем. Я тысячи лет провела с этими чудовищами. Ты хоть представляешь, что это такое?! Она говорила, и земля начала дрожать. — И тебе всего-то надо было прийти, когда ты был мне нужен.

— Не думай, что можешь распоряжаться мной, девочка, — сказал Сорин, отводя в сторону ее руку. — Я ничем тебе не обязан. Я ничего тебе не должен! Когда загорелась твоя искра, это я нашел тебя. Я бы мог еще тогда тебя прикончить, но пощадил. Вампир резко повернулся, его лицо оказалось вплотную к ней. — Я взял тебя под свое крыло и сделал той, кем ты стала, — прошипел он. — Если тебе обязательно надо донимать кого-то, ступай и отыщи Уджина. У меня на это нет времени.

Земля яростно вздыбилась, и Сорину пришлось взмахнуть руками, чтобы не упасть.

Из-под ног Нахири вырвалась вверх каменная колонна, поднимая ее к небу. — Я никуда не уйду.

Сорин взял хрустальный бокал и посмотрел на его рубиновое содержимое. На стенках бокала осталась тонкая пленка. Держа ножку двумя бледными пальцами, вампир покрутил бокал, чтобы смыть пленку, и любовался стекающей по хрусталу жидкостью. Он поднял бокал, поглядев через него на свет канделябра. Пятна красного света заиграли на столе.

— Ты знаешь, для чего я создал Авацину, Оливия? — наконец произнес вампир. Это имя согнало с лица хозяйки ухмылку, и Сорин получил от этого некоторое удовольствие. — Я создал ее, чтобы она стала защитницей этого мира.

Понюхав кровь в стакане, он поставил его на стол. Оливия прищелкнула языком. — Защитницей, — передразнила она. — И ты смеешь приходить ко

мне и беспокоить гостей этой нелепостью? Теперь уже она поднялась со стула. — Мы не разговаривали с самого твоего предательства, со дня, когда ты опозорил благородное имя деда. Одно то, что ты сидишь рядом со мной за моим столом, — позор, который мне еще предстоит пережить. Но если ты думаешь, что я потерплю твои попытки строить из себя героя...

— Ты закончила? — прервал ее Сорин. Он не собирался оправдываться. Не перед ней. Но он должен был кое-то объяснить. — Правда состоит в том, что наш дар долголетия слишком часто сопровождается недальновидностью, но есть люди, которые еще опаснее, чем наша неизбывная алчность. Оливия осушила бокал, допив оставшуюся кровь. — И одна из таких, — продолжил Сорин, — явилась сюда. Она угрожает всему нашему миру. Я этого не допущу.

Сорин поднял глаза на Нахири, стоявшую над ним на своей гранитной колонне. В воздухе вокруг и между ними парили камни, отрицая гравитацию по воле нового могущественного хозяина. Они, словно послушная армия, ждали ее приказа. Ветер играл волосами Сорина и трепал полы его длинного кожаного плаща, но мириады камней в воздухе висели недвижимо. Вампир подумал, что весь мир словно задержал дыхание. Могущество Нахири было очевидным — могущество, которое выросло вместе с ней. Камень не просто подчинялся ее приказам. Он был частью ее самой, и через камень Нахири могла добраться до любого уголка Иннистрада и оставить весь мир в руинах.

Хелволт был единственным монолитом, на который не распространялось влияние Нахири. Сорин прислонился к нему спиной, чтобы защититься хотя бы с одной стороны. Будь он полон сил, он в мгновение ока разделался бы с выскочкой. Но он растратил всю свою энергию. Опершись на меч, чтобы не упасть, он пробормотал под нос ругательство.

Колонна Нахири пришла в движение и со звуком ломающихся костей медленно понесла литоманта навстречу вампиру. Камни расступались перед ней. Протянув руку к длинному валуну, она погрузила в него ладонь, словно в воду пруда. Через мгновение камень покраснел, потом разлетелся на мириады кусков, и в руке Нахири оказался острый меч с клинком, гардой и рукоятью. Лезвие меча из каменной кузни пылало жаром, и его раскаленное добела острие оказалось направлено прямо в лицо Сорину.

Иллюстрация: UDON

— Сорин! — голос Нахири раздался из окруживших их камней, со всех сторон сразу. — Ты исполнишь свое обещание. Ты вернешься со мной в Зендикар. Ты поможешь мне проверить волшебные узы и убедиться, что Эльдрази не смогут вырваться из плена. Лишь потом ты сможешь сбежать.

Сорин сплюнул.

И тогда он почувствовал.

Вампир поднял глаза с острия меча Нахири, с обетованной гибели, на темное затянутое облаками небо. На его глазах серую хмарь пронзило копьё света. Облака расступились, и через проем стремительно пронеслась серебряная комета.

Авацина. Его Авацина. Она явилась защитить Иннистрад от грозящей опасности — ведь именно для этого он создал ее.

Сперва Нахири не заметила появления архангела. А когда заметила, было уже поздно: Авацина врезалась с нее с такой силой, что смела с каменной колонны, и обе покатались по земле. Сорин увидел, как их тела оставляют за собой

глубокую борозду. А потом бесчисленные камни, повисшие в воздухе, посыпались на землю.

Наконец две катящиеся фигуры остановились, и первой на ноги поднялась Авацина. Она подняла копье, и его двойной наконечник засветился, все ярче и ярче, пока на него не стало почти невозможно смотреть.

Авацина, Ангел Надежды | Иллюстрация: Джейсон Чан

Сорин прищурился, чтобы свет не слепил глаза. Он увидел, как Нахири сливается с землей, и там, где она была мгновение назад, копье архангела пронзает пустоту. Когда его острие вонзилось в камень, тот взорвался и разлетелся пылью и острыми осколками, заставляя Авацину заслонить лицо рукой.

Со своего места Сорин не сразу разобрал, что происходит, но все же разглядел через облако пыли, как Нахири обрушилась на ангела со своим все еще сияющим мечом. Клинок рассекал воздух, оставляя за собой оранжевый след. Авацина отбивала удары копьем, и из него каждый раз сыпался сноп искр. Но ударов было слишком много, они были слишком яростными. Вскоре Авацине пришлось отступить. Она попыталась взлететь, но Нахири поднялась в небо на новой каменной колонне и нескончаемыми атаками заставила архангела вернуться на землю.

«Нахири прикончит Авацину». Эта мысль возникла в голове у Сорина как достоверный факт, а не как возможное развитие событий. Нет! Он слишком много отдал за создание архангела, чтобы позволить литоманту уничтожить его творение.

Собрав последние силы, вампир бросился вперед. — Хватит! — прорычал он, и когда клинок Нахири опустился вновь, его встретил меч Сорина. — Хватит, — повторил вампир. Долгое мгновение мироходцы стояли лицом к лицу, скрестив клинки. Сорин изучал ее. Взор литоманта был направлен на Авацину, и в ее глазах читалось непонимание.

— Что это, Сорин? — проговорила Нахири сквозь сжатые зубы. — Как ты смог обратить в рабство ангела? Кто она?

— Вторая половина, — ответил Сорин. Второй рукой он схватил меч Нахири. Раскаленное лезвие зашипело под его пальцами, вампир надавил, и несмотря на все усилия противницы, приставил острие своего клинка к ее горлу. Через грязь, приставшую к ее коже, потекли струйки пота, а черты лица исказила злоба. Или, может быть, это было осознание поражения. Нахири отпустила рукоять, и Сорин отбросил ее меч в сторону.

Он почувствовал, как сзади подходит Авацина, и поднял руку, останавливая ее копьё. Посмотрев на свою бывшую ученицу, он промолвил: «Поверь, что я совсем этого не хотел, девочка».

— Сорин? — сказала Оливия. Лишь услышав свое имя, Сорин понял, что все то время, что он провел, погружившись в воспоминания, в комнате стояла полная тишина. — Сорин? — повторила хозяйка. — Что это за угроза? Или, точнее, что ты натворил?

— Слишком многое. И слишком мало, — ответил он, уставившись на длинный банкетный стол. В его голове все еще повторялись события, развернувшиеся много веков назад.

— Прекрати, Сорин. Хватит говорить загадками, когда начинается самое интересное. Сорин повернулся к ней, но ничего не сказал, даже когда на ее лицо вернулась знакомая ухмылка. — Должна признать, ты распалил мой интерес. Все, что может вывести тебя из равновесия, должно быть страшно увлекательно. Но ты пришел ко мне, Сорин. Так скажи, чем я могу помочь тебе?

Думы о прошлом испарились в одно мгновение. — Призови сильнейших воинов своего рода, Оливия. Остатки Марковых уже собираются. Наше объединенное войско сможет дать отпор врагу.

— И зачем мне это? Какое мне дело до этого твоего... врага? Просвети меня, что я получу, если...

Она остановилась на середине фразы и вдруг разразилась смехом, резко контрастирующим с ее мелодичным голосом. В ее глазах вспыхнуло злорадное веселье — Сорин подумал, что именно так она смотрит на добычу.

— О, Сорин, — проговорила она, наконец успокоившись. — Я помогу тебе. Но сперва ты поможешь мне.

ВОЗМУЩЕНИЕ ЛИЛИАНЫ

BY KELLY DIGGES

Когда мы в последний раз видели Лилиану Весс, она принимала незваного гостя — собрата-planeswalker-а Джейса Белерена. Джейс искал Сорина Маркова и пытался убедить Лилиану вместе с ним отправиться в поместье Марковых. Когда та отказалась, он пошел один. То, что он там обнаружил, привело его на побережье Нефалии.

У Лилианы, тем временем, хватало собственных забот...

В окна стучал ливень. Вспышка молнии осветила голые каменные стены и несколько шатающихся трупов. Спустя мгновение раздался оглушительный гром.

Гроза приближалась. Славно. Буря и молнии как нельзя лучше подходили под ее настроение. Лилиана сидела в каменном кресле, погружившись в мрачные раздумья.

Как до такого дошло?

Она искала новые пути к свободе, но вновь упиралась в запертые двери, вновь попадала в тупики, откуда приходилось выбираться. Она заключила договор с демонами, и те сделали ее бессмертной и вечно молодой, взяв взамен лишь душу, которой Лилиана все равно не пользовалась.

От ее дыхания больше не шел пар — даже в такие холодные ночи, как эта.

Но демоны — суровые хозяева. Совсем скоро Лилиана поняла, что ей нужно и бессмертие, и свобода, — и начала думать, как вырваться из кабалы. Тогда появилась она... Кольчужная Завеса.

Болото | Иллюстрация: Джонас Де Ро

Даже сейчас колдунья слышала, как Завеса шепчет ей из своего потайного кармана. С ней Лилиана убила двух демонов, владык среди своего рода. С ней она подняла армию нежити, о которой не могла и помыслить. С ней, чтобы добраться до одного из демонов, осадила и взяла Трейбен, величайший город Иннистрада.

Но Завеса...

Лилиана больше не могла заставлять себя носить проклятый металл на лице, чувствовать его шелковистую мягкость на коже. Ее передергивало от одной мысли о прикосновении к Завесе. Но когда она пыталась избавиться от нее, боль была непереносимой.

Вот только надевать Завесу было еще хуже.

«Лилиана», — вдруг позвал ее голос. Знакомый голос. Или ей показалось?

Лилиана встала.

— Я занята, — проговорила она громко и отчетливо. — Если ты вновь пришел мучать меня, то давай поскорее.

У колдуньи заколотило в висках — словно кто-то костяшками пальцев стучал в ее дверь.

«Мучать? — спросил голос. — Я не думал, что все настолько плохо».

Вновь сверкнула молния и осветила большую черную птицу, усевшуюся на подоконнике. Когда утихли раскаты грома, раздался второй голос — кажется, прямо в ухе у Лилианы.

«Я ничего не говорил», — произнес Человек-Ворон.

Лилиана повернулась. Он стоял прямо перед ней — белые волосы, золотые глаза и элегантные черно-золотые одежды совсем из другого места и времени. Он был... на самом деле, она не знала, кем он был — и готова была терпеть это незнание, лишь потому что у нее не было выбора. Он явился к ней, когда она была совсем юной. Он учил ее и посмеялся над ней. Он направил Лилиану на путь, который привел ее сюда, и теперь явился, чтобы не дать ей свернуть с него.

Лилиана считала, что ему самое место в каком-нибудь аду.

Иллюстрация: Крис Ран

— Я не в настроении играть словами, — отрезала Лилиана.

«Хорошо, — ответил первый голос. Совсем другой голос, резкий, исполненный подозрения. — Тогда давай перейдем к делу».

Призрачные губы Человека-Ворона оставались недвижимыми. И на его лице не было обычного выражения притворного удивления. Он выглядел... взволнованным.

Проклятье...

Лилиана отвернулась от Человека-Ворона. Сжав руку в кулак, она наполнила его смертоносной магией, готовой в любой момент вырваться на свободу.

— Давай перейдем, — произнесла она. — Начнем с того, что ты ответишь, кто такой и что делаешь в моем доме.

Снова молния, и на этот раз в ее свете — фигура в плаще и капюшоне. Лилиана почувствовала, как ее волосы поднимаются дыбом.

«Ты знаешь, кто я, — ответил голос. Он доносился совсем не из того места, где стояла фигура. — Но ты не знаешь того, что мне ведомо».

Снова стук в висках. Словно это...

«Ты бы сделала хоть что-нибудь, — сказал Человек-Ворон. — Я не смогу вечно не пускать его в твою голову».

В одно мгновение страх сменился на ярость.

— *Джейс?! Ты обезумел? Я тебя почти убила!*

«Ты почти попыталась», — сказал голос.

Джейс. Она обманом завязала с ним дружбу, сыграла на его чувствах, завлекла в межмировой преступный синдикат, а потом заставила разрушить его изнутри. К тому времени, когда все пошло наперекосяк, Джейс начал ей по-настоящему нравиться. И когда ей пришлось предать его, это стало для ее изрядно прохудившейся человечности очередной каплей яда. Впрочем, это ее не остановило, да и не сделай она этого, они оба погибли бы — героически, но бессмысленно. И все же она понимала, за что он мог держать на нее обиду.

Но за все время их безумной связи Джейс ни разу ей не угрожал.

Лилиана видела, что он стоит прямо перед ней. Она приказала своим зомби-прислужникам атаковать, но веревки из света вдруг обвили их ноги и руки, привязав к земле. Она мысленно позвала на подмогу, чтобы нежить задавила мага числом, но не услышала ответа.

«Они не придут, — промолвил Джейс. — Они все связаны».

Лилиана вспомнила, что Джейс ни разу не проигрывал бой, к которому мог подготовиться заранее.

— Убирайся из моего дома, — сказала она.

— Почему же? — ответил Джейс. — Тебе страшно?

Его глаза сверкнули под капюшоном.

— Надеюсь, тебя напугало это зрелище, — вмешался Человек-Ворон. — Это на него совсем не похоже.

— Да, — сказала Лилиана Джейсу. — На тебя это совсем не похоже. Я даже не уверена, что это *на самом деле* ты.

Стук в висках превратился в грохот, и где-то за ним зазвучал шепот хора голосов. Она подавила желание прислушаться к нему, чтобы не открыть Джейсу дорогу. На этот раз он принялся за нее всерьез.

— *Хватит!* Лилиана ударила Джейса плетью магии смерти — совсем слабо, лишь чтобы заставить упасть на пол, корчась от боли.

Луч фиолетового света прошел через фигуру Джейса, и та лопнула, словно мыльный пузырь.

— Сначала ты пыталась спрятаться от меня, — сказал маг, на этот раз из угла комнаты. — Теперь пытаешься заставить замолчать. Но ты не сможешь это скрывать. Слишком велик масштаб. Долго — не сможешь.

— Я не знаю, о чем ты, — ответила Лилиана. — Не знаю, что ты себе вообразил. Но ты *далеко* зашел за черту.

Она повернулась к нему, но он вновь оказался у нее за спиной. Лилиана видела, как своей магией разума Джейс призывал иллюзии и призраком растворялся в тенях, заставляя противников теряться в догадках. Но с ней он так никогда не поступал, и Лилиане не было до этого дела.

— Кладбище кораблей, — сказал маг. — Ангелы! Я видел, что они там строят. И ты помогаешь им. Признай!

Виски пронзила боль, и колдунье показалось, что голова расколется на части.

— Лилиана! — предупредил Человек-Ворон. — Я слишком много вложил в тебя...

— Прекрати! — вскрикнула она. — На Иннистраде много корабельных кладбищ, я *говорила* тебе про ангелов, и ты сам знаешь, что я не стану помогать ангелам и за все золото Орзовы!

— Не за золото, — ответил Джейс. — Но за помощь с Кольчужной Завесой, в которой я тебе отказал... Ты пыталась остановить меня, чтобы я не увидел случившегося в поместье Марковых. Пыталась не дать мне отыскать Сорина. Почему? Боялась, что расскажу ему, что ты задумала?

— Я пыталась уберечь тебя от беды, — промолвила Лилиана. — А о поместье Марковых уже рассказала тебе все, что знаю сама.

— Тебе не обмануть меня, — отрезал Джейс. Казалось, он теряет нить размышлений. — Ты сама это знаешь. Ты... ты направляешь всю ману мира на эту луну... или что это такое... просто чтобы избавиться от Кольчужной Завесы? Так?

Теперь его голос, казалось, шел со всех сторон сразу, а фигура в капюшоне перемещалась каждый раз, когда Лилиана моргала. Вот их стало две, потом три... Эта демонстрация раздражала бы колдунью, даже если бы она действительно что-то сделала. Но она была невиновна — и пришла в ярость.

— Лишь несколько дней назад ты постучался ко мне с просьбой о помощи, Джейс, — проговорила она. — А теперь ты являешься с обвинениями?

— У тебя не может быть от меня секретов, — ответил маг, и в его голосе зазвенела нотка угрозы. — Мне нужно только время.

— Не понимаю, что ты в нем нашла, — сказал Человек-Ворон, глядя ей прямо в лицо. — Ты для него — всего лишь загадка, которую нужно решить. А он для тебя — просто пустое место. Или я неправильно тебя понял?

— Если хочешь обвинить меня, — начала Лилиана, — то выйди на свет и скажи мне это в лицо. Все совсем не так, как ты думаешь.

— А откуда тебе знать, как я думаю? — прервал Джейс. — И с чего мне верить твоим словам? Все, что ты мне говорила, было ложью, и от тебя я помню одну только боль.

Удары в голове раздавались все сильнее.

— Он пробивается через защиту, — прошипел Человек-Ворон. — *Сделай что-нибудь!*

Одна из фигур Джейса резко повернула к нему голову, широко раскрыв глаза:

— Кто...

Так ты можешь его видеть!

У Лилианы не было времени подумать над этой мыслью, потому что за ней пришло понимание. Она улыбнулась.

А я могу видеть тебя.

Она обрушила на Джейса — настоящего Джейса — заряд магии, и он согнулся от боли. Его двойники исчезли.

— Что ж... — начала Лилиана. Но вдруг боль в ее висках снова начала расти. Проклятый дурак!

Она поразила мага новым зарядом энергии некромантии. Джейс закричал, повалился на пол... и поднял голову. Его глаза пылали, и он еще мог управлять лицом.

Возмущение Лилианы | Иллюстрация: Дааркен

— Расскажи мне то, что мне нужно знать, — сказал он, поднимаясь. — Расскажи мне о кладбище кораблей.

— Он задает наводящие вопросы, чтобы нужные мысли оказались у тебя на поверхности разума, — предупредил Человек-Ворон и усмехнулся. — Элементарный прием телепата.

Самодовольный болван был прав. Взгляд Лилианы поплыл, и она почувствовала, как Джейс пробивается к ней в голову.

— Прекрати! — приказала она. — Я все равно не знаю ничего о кладбище, но твои приемы на меня не подействуют.

Лилиана подкрепила свои слова новым мучительным разрядом, но Джейс не сдавался. Он упал, потом встал, снова упал... и на этот раз успел только подняться на одно колено, прежде чем вновь получил удар.

— Скажи мне! — прорычал он.

Кожа Лилианы начала гореть, демонические шрамы вспыхнули фиолетовым пламенем. А Завеса... о, Завеса стремилась ей помочь. Она поймала несколько выбившихся из потока струек энергии и вернула, усилив пятикратно. Лилиана попыталась удержать их, чтобы не убить Джейса одним ударом.

— Остановись! — крикнула она магу. — Я не могу сдерживать...

Джейс кричал, его глаза горели, а атаки на ее разум становились сильнее вместе с болью.

— *Просто... скажи!*

Лилиана почувствовала, как боль подступает к ней — Кольчужная Завеса начала забирать свою цену. Из шрамов полилась кровь. Колдунья стиснула зубы. Бывало и хуже... например, когда она получала эти шрамы. Она выживет. А вот Джейс — вряд ли.

— У него почти не осталось сил, — сказал вдруг Человек-Ворон. — Убей его.

— Не указывай, что мне делать! — закричала она; закричала на них обоих, на Кольчужную Завесу, на луну, на мир и на саму смерть. — Прекрати!

— Тебе придется убить меня, — прохрипел Джейс. Слезы текли из его пылающих, нечеловеческих глаз. У Лилианы потемнело в глазах.

— Сделай! — приказал Человек-Ворон.

— *Джейс, я не хочу больше тебя мучать!*

Слова эхом раздались в каменном зале, грохот в ее голове прекратился, и на мгновение все затихло, кроме раскатов грома и барабанной дробы дождя. Человек-Ворон с отвращением вздохнул и пропал, шумя перьями.

Сияние в глазах Джейса погасло. Он уставился на Лилиану — изнуренный, покрытый испариной, неожиданно молодой и уязвимый.

— Больше? — спросил он. Голос прозвучал хрипло. — То есть, дольше? Или сильнее, чем ты уже...

— Я не собираюсь отвечать тебе, — прервала Лилиана. — А вот ты задолжал мне ответы.

По крайней мере, теперь она была уверена, что это настоящий Джейс. Кто еще придирался бы к выбору слов, даже попав в такую ситуацию?

— Что ты сделала со мной? — спросил он колдунью, все еще немного задыхаясь. — Я как будто умер.

— Да, замысел был как раз такой.

Джейс скривил лицо, попытавшись улыбнуться, потом, шатаясь, поднялся на ноги и вдруг широко раскрыл глаза.

— У тебя идет кровь, — сказал он.

— Да.

Искренняя забота — через минуту после того, как он пытался вскрыть разум, словно банку с вареньем.

— Может, нам надо...

— Нет, — отрезала она. — Скажи мне, какого дьявола происходит.

Наконец в зал ввалилось несколько зомби. На вид — не самых свежих. Это были потрепанные мертвецы, стоявшие на посту. Должно быть, Джейс не заметил их, когда связывал стражу. Лилиана поставила их между собой и Джейсом, но не приказала атаковать. Пока не приказала.

— Ты правда не знаешь?

Зомби схватили его за руки и за ноги. Он не сопротивлялся.

— Джейс, — прошипела Лилиана сквозь сжатые зубы. — Объясни. Живо.

— Я пришел в поместье Марковых, — начал он. — Оно было... вывернуто наизнанку. Камни парили в воздухе, из стен торчали вампиры... И все такое. Понимаешь? Я нашел книгу. Очень увлекательную. Она изучала...

— Кто?

В свете молний Лилиана заметила книгу на поясе у Джейса. Большой украшенный том в необычном переплете. Она бы и сама с интересом его полистала — но подозревала, что это из-за него Джейс был не в себе.

Дневник Тамиё | Иллюстрация: Чейз Стоун

— Ученая из лунного народа! Она... ты же знаешь про лунный народ? *Увлекательнейшая* книга. Она изучала луну... луну и ее действие. Приливы, вервольфов, ангелов. Все это связано! Эти странные камни в глубинке... ты же не трогала их, верно? Не трогай их. Просто... не надо. Они все указывают в одну сторону, так что это было... эм-м... то есть, они все указывают *на одну точку*. С разных сторон. На некое место.

— Какое?

Ударил гром.

— Параллакс! — воскликнул Джейс, словно буря ему ответила. — Это то самое слово, спасибо.

— *Какое место?*

— Нефил... Неф... Нефалия, — с трудом выговорил он. — Кладбище кораблей у побережья. То есть, они все у побережья. Где им еще быть. Их утянуло на дно. Утянуло. И меня к нему притянуло. Там я это и увидел.

— Что увидел?

— Луну! — ответил маг.

Лилиана выглянула в окно и подняла бровь. Луна была скрыта за тучами, но Джейс понял, о чем она.

— Не *ту* луну, — пояснил он. — Другую луну. Невидимую... но я ее видел...
впрочем, неважно. Вокруг летали ангелы. И зомби. То есть, ангелы летали. А
зомби... зомби возводили какую-то громадную каменную постройку, ангелы
кружили в небесах, и я подумал... я подумал, что ты хотела отговорить меня,
чтобы я не ходил в поместье Марковых... и я знаю, как сильно ты
беспокоишься насчет Завесы... Так сильно, что готова пойти на что-то... в
самом деле безумное.

Джейс уставился на Лилиану внезапно прояснившимися глазами.

— Она наполнена призраками, — произнес он. — Душами. Ты хочешь
избавиться от призраков, но оставить их силу себе. А если в это мире в чем-то
разбираются, так это в призраках...

У Лилианы перехватило дыхание, и на мгновение она подумала, что Джейсу
все-таки удалось прочесть ее мысли. Вдруг он резко повернулся в сторону.
Там не было никого, кроме безмолвного зомби, удерживавшего его на месте.

— Заткнись! — прошипел маг. — Хорошо, в привидениях! Какая разница?

— Кто...

— Неважно, — прервал ее Джейс. — Каменные штуки перенаправляют ману,
она вся стекается на кладбище кораблей, и зомби там что-то строят, и ангелы
сошли с ума, и ты ненавидишь ангелов, и тебе может... тебе может
понадобиться много маны. Чтобы избавиться от Кольчужной Завесы, или
чтобы как-то ее изменить. Все сходится. Не так ли?

— Нет, — отрезала она. — Ничего не сходится, и ты сам на себя не похож.

На самом деле, Джейс был вполне способен с головой уйти в решение какой-
то особенно занимательной задачи. Но как бы сильно она не увлекла его, он
всегда так или иначе сохранял контроль — если не над ситуацией, то хотя бы
над собой и над своими силами. А когда он один-единственный раз потерял
контроль, то впал в ступор, и понадобились полгода времени и смерть друга,
чтобы вытащить его.

Джейс был очень могущественным телепатом. Если бы он сошел с ума, то
забрал бы с собой и ее. Вместе с остальными.

— Не экспериментируй с Завесой, — сказал он ей вдруг. — Не надо. Столько
голосов. Столько душ. Ты не понимаешь, что можешь выпустить на свободу.

— Я...

— Пообещай, что не станешь экспериментировать с Завесой.

Кольчужная Завеса | Иллюстрация: Волкан Бага

Лилиана встала на колени, чтобы завладеть вниманием Джейса. Она не хотела прикасаться к нему. На самом деле, она его боялась. И все же она взяла мага за подбородок и повернула к себе, заставив взглянуть в лицо. Он моргнул и дернулся в сторону.

— Джейс, — тихо начала она. — Что же с тобой случилось?

— Ничего, — ответил он. — И все. Ничего не случилось. Все уже так и было.

Он попытался отвернуться, но Лилиана удерживала его на месте, пока он снова не взглянул на нее. Она заглянула ему в глаза — но это были не те глаза, что она помнила.

— Это правда не ты? — спросил Джейс.

— Правда.

— *Слава богам*, — выдохнул маг.

Он повалился вперед, и зомби его отпустили. Лилиана нежно положила голову Джейса на колени, запустила пальцы в его волосы и начала быстро-быстро думать.

Надо оставить его здесь. Надо найти целителя... или мага привидений... кого-то, кто сможет распутать то, что случилось с его разумом. Пока это не сделано, и Джейсу, и ей будет грозить опасность.

— Тебе нужно отдохнуть, — наконец сказала она. — Подумать немного. И принять ванну, если ты не возражаешь.

Убрав ее руку со своей головы, Джейс сел. Лилиана прижала его ладонь к каменному полу, пытаясь удержать. Пытаясь оставить его у себя.

— Нет времени, — сказал маг. — Если это не ты, то...

— Ты же не будешь бегать и искать непонятно кого, — парировала Лилиана.

Дать ему сосредоточиться. Оставить его здесь.

— Я знаю людей, которые здесь живут. У меня есть ресурсы, которых нет у тебя. Если твое кладбище кораблей как-то связано с тем, что случилось с ангелами, то мы это выясним.

— Пастырь истребляет свое стадо, — сказал Джейс.

Он говорил об Авацине. Авацина обратилась против своей паствы, и ее зверства и жестокость поражали всех — кроме Лилианы.

— Это из твоей книги? — спросила она.

Джейс взглянул на нее, и его глаза вдруг снова сфокусировались. Он отдернул руку, схватившись за книгу на поясе.

— Тебе нельзя ее читать!

— Я и не хотела, — ответила Лилиана, а потом решилась на честность. — Я не стану.

— Я отправляюсь в Трейбен, — произнес Джейс.

— Что?

— Трейбен, — повторил он. — Это же там собор, верно? Там я найду Авацину.

— Нельзя просто так прийти к Авацине и потребовать ответов, — возмутилась Лилиана. — Особенно сейчас. Она тебя просто убьет.

И может быть, теперь это и к лучшему. Мрачный вывод кольнул ей сердце, и Лилиана нашла в этом определенное утешение.

— Трейбен, — настойчиво произнес Джейс. — Ты там бывала?

— Да.

Бывала, видела, разорила, напав во главе армии зомби. Лилиане совсем не хотелось возвращаться.

— А ты...

— Нет, — отрезала она. — Я с тобой не пойду. Джейс, послушай голос разума. Останься здесь. Мы наведем справки. Мы выясним, что на самом деле происходит.

— Мы, — эхом отозвался Джейс.

Шатаясь, он поднялся на ноги и навис над ней. Сверкали молнии и гремел гром. Она отпустила его.

— Я и ты — это не *мы*, — сказал маг. — Ты хочешь, чтобы я остался.

Лилиана грациозно поднялась и заглянула ему в глаза.

— Ты меня раскусил, — сказала она. — Я хочу, чтобы ты остался. Потому что тебе нужна помощь, и я хочу помочь тебе.

— Ты хочешь помочь мне, — ответил Джейс, — но только если я останусь. Только если это будет тебе удобно. У нас с тобой это обычное дело, не так ли?

Этого она уже не могла стерпеть. Ее правая рука вспыхнула энергией смерти, едким фиолетово-белым пламенем.

— Прямо сейчас, — процедила она, — самое *удобное* для меня — это прикончить тебя и не думать, какие беды ты навлечешь на наши головы, если будешь бросаться обвинениями в лицо безумному архангелу.

Джейс сделал шаг ей навстречу, схватил за запястье (а хватал ли он так ее раньше?..) и направил пылающую ладонь себе в грудь.

— Ну, давай, — проговорил он. Его безумный голос прозвучал хрипло.

Это будет не худший из ее поступков. Покончить с угрозой. Покончить с неопределенностью. Если бы они поменялись ролями, Джейс бы это по меньшей мере обдумал.

— У тебя был домашний любимец, когда ты был маленьким? — она спросила вместо этого, — Мышь, или кто там у вас?

Ее рука все еще потрескивала от тщательно сдерживаемой некромантии.

— Я... я не помню, как я был маленьким. Почти не помню, — он смотрел на ее руку с почти детским удивлением. — Но почему ты спрашиваешь?

— Позабавь меня, — ответила колдунья. — Наверняка хоть когда-то у тебя да было животное.

— Была... собака, — наконец промолвил он. — В Овитции. Я давал ей объедки. И чесал голову, когда проходил мимо.

— И что с ней потом случилось?

— Однажды я пришел, а она... — он остановился, сглотнул, моргнул глазами.

— Зачем ты меня об этом спрашиваешь?

— И как ты себя *чувствовал*?

— Печально, — сказал Джейс. — Некоторое время я был полностью подавлен. Но я... я оправился, само собой.

— Почему?

— Потому что... потому что я всегда знал, что это так закончится. Не думал об этом, но... знал. Я... Лили, *зачем* это?

— Потому что так же я буду чувствовать себя, когда умрешь ты, кретин, — ответила она. — Грустно. Некоторое время. А потом забуду. Потому что я всегда знала, что это так закончится. Так что не слишком полагайся на мои добрые намерения. Наступит день, и они перестанут выдерживать твой вес.

Джейс отпустил ее запястье и сделал шаг назад.

— Ты извини, — сказал он. — Я, наверное, умру в Трейбене. Но кто-то должен выяснить, что происходит.

Маг повернулся и вышел.

Она смотрела ему в спину, а потом долго глядела в залитое дождем окно, как фигура в плаще растворяется в ночной темноте.

«Госпожа», — позвал сиплый голос с лестницы. Слугу звали Гаредом.

Сгорбленная спина, глаза разного размера — его легко можно было принять за гомункула.

За Кулисами | Иллюстрация: Давид Гайе

Лилиана повернулась, стараясь не выдать свой испуг.

— И долго ты тут подсматриваешь?

— О, довольно долго, — прокаркал приземистый уродец, постукивая пальцем по выпученному правому глазу. — Это же мое основное занятие.

— Значит, он мог прочитать твои мысли?

— Нет, нет, госпожа. Мыслей у меня не водится. Так мне хозяин сказал.

Горбун глупо захихикал.

— Ладно, — сказала Лилиана. — Пора?

— Хозяин приглашает вас подняться в башню! — радостно закивал Гаред. — Гроза в разгаре. Ему нужен Объект.

Лилиана фыркнула. Гаред повернулся и поковылял к лестнице.

— Почему ты называешь его так? — спросила Лилиана.

— Хозяин Дьерк — ученый человек, — ответил Гаред. — Он хочет оставаться отстраненным от... символизма. Кого защищает кольчуга, м-м? Кого укрывает завеса? Вас? Их?

— Замолчи, — буркнула Лилиана, но пошла за ним.

— Да, госпожа, — без особого почтения откликнулся Гаред. — Это мое второе главное занятие.

Лилиана шла за сгорбленной фигурой к лестнице в высокую башню. Она достала Кольчужную Завесу из кармана и бросила взгляд в окно, подумав о Джейсе... не понимая, нужно ли ей его бояться или волноваться за него.

Далекий силуэт ворона на ветке разразился укоряющим карканьем. Сверкнула молния, прогремел гром, и ворон исчез. Лилиана поднималась вверх, в темноту.

Ворон Злых Вестей | Иллюстрация: Тяньхуа Сюй

ИГРЫ

BY ALISON LUHRS

Время, когда исчезла Авацина, стало для двух рехнувшихся зловещих близнецов днями их величайшего триумфа. Некромантка Джиза подняла из могил орду упырей, а ее брат, знаменитый сшиватель Геральф, создал свою армию скаабов — гротескных тварей, сшитых из частей мертвецов. Стараясь превзойти друг друга в безумном соперничестве, Джиза и Геральф осадили Трейбен. Их нечестивые армии нежити волна за волной атаковали священный город. Прежде чем Талия, страж Трейбена, смогла дать отпор чудовищам, в бою погибли десятки защищавшихся горожан и катаров. Во время штурма был убит и лунарх Микеас, глава церкви Авацины. Поборник церкви Одрик взял Джизу в плен и бросил ее в темницу в Узилице Всадников. Но соперничество Джизы и Геральфа так просто не остановит.

Людевику из Ульма.

Я надеюсь, что это письмо дойдет до вас в целостности и сохранности. Все-таки, телохранители из скаабов получаются лучше, чем гонцы. Полагаю, что в последний раз мы с вами виделись много лет назад — на одном из приемов, что устраивали мои родители. Как сейчас вспоминаю, меня заставляли играть для взрослых на клавесине, а моя ужасная сестра распевала, чтобы повеселить гостей. Какая скука! Сколько таких вечеров я провел, размышляя, что мог бы общаться с величайшими магами современности, а не мучиться на скрипучем детском музыкальном стульчике! Среди знакомых моей матери вы всегда были на особом счету. Ваши таланты и слава сделали вас в моих глазах тем учителем, о котором я мальчишкой мог лишь мечтать. Но с тех пор прошли годы, и я и сам успел стать признанным и востребованным сшивателем скаабов!

Сейчас я весьма знаменит, и вы, без всякого сомнения, слышали о моем дерзком и триумфальном вторжении в Трейбен. Благодаря невысокому росту и острому уму, я смог избежать плена и вернуться в свою лабораторию среди развалин Тростада. После возвращения я начал новое предприятие, призванное расширить мои знания и увеличить мастерство. Я намерен проникнуть в самую суть искусства некромантии, в такие глубины, куда никто не заглядывал до меня, и надеюсь, что вы, как практикующий алхимик, могли бы помочь мне ценными идеями.

Не затруднит ли вас прислать мне труды по алхимии, которые вы сочтете для меня полезными? Мне нужен наставник, и я считаю, что именно вы могли бы помочь мне наилучшим образом — во имя новых изобретений и открытий. Какой метод вы предпочитаете для предотвращения гнили и некрозов у оживленных тел? Поможет ли вживление дополнительной печени контролировать объем токсинов в метаболической системе? Какой способ оживления при помощи стихийных трансмутаций вы считаете наиболее эффективным? Знаком ли вам метод Делии Дейвисон по извлечению мозга у живого пациента? Я с нетерпением буду ждать вашего ответа!

Искренне ваш,

Геральф Секани.

Сшиватель Геральф | Иллюстрация: Карла Ортис

Командующий Одрик!

Печальные обстоятельства вынудили меня написать вам это письмо. На повозку, выехавшую этим утром из Узилища Всадников, напала толпа разъяренных скаабов.

Стражники под моим командованием перевозили заключенную Джизу Секани в Трейбен для отбытия наказания. Дорога между городом и тюрьмой — это торный и безопасный путь, но я, как вы и приказывали, устроила сопровождающую повозку охрану. Было облачно и стоял туман — ничего необычного для этой части Гевоны. Но когда солнце только-только показалось из-за горизонта, нас неожиданно атаковали чудовищные разъяренные скаабы. Мы доблестно защищали повозку, но твари были

слишком свирепыми и упорными, и мы не смогли остановить их. Несмотря на принятые меры по усилению, четвертая часть сопровождающих повозку стражников пала в бою, а пленница в горячке боя сумела сбежать.

Эти скаабы отличаются от тех, что я видела раньше. У них больше конечностей, и они такие быстрые, словно их создатель использует новую формулу для своих нечестивых экспериментов. У моего отряда не было надежды на победу.

Я пишу вам из надежного убежища в Мервальдской Лощине. Во бою я получила легкую рану, но уверена, что беглянка сейчас направляется к побережью. Она опережает меня на полдня, но я иду по ее следам.

Я напишу вам, когда узнаю больше.

Старший офицер Грета.

Апокалипсис Зомби | Иллюстрация: Питер Морбахер

Геральф!

УГАДАЙ, КТО СБЕЖАЛ ИЗ ТЮРЬМЫ!

Любящая тебя сестра

Джиза.

Джиза!

Нельзя писать «угадай, кто», а потом отвечать в подписи, дурында.

И почему ты пишешь мне из нашего семейного особняка? Мне казалось, он разрушен. Что от него могло остаться после того случая? Я думал, что когда освободишься, ты вернешься на свои угодья.

Геральф.

Призывательница упырей Джиза | Иллюстрация: Карла Ортис

Геральф!

Пусть я на свободе, но ты не представляешь, в какой я была ярости и как мне было стыдно, когда меня поймали, братец. Я была душой, согласившись на твой идиотский план, но сама виновата, что позволила страже себя схватить.

Однако судьба пришла мне на помощь, и я смогла улизнуть, когда меня перевозили из Узилица Всадников в Трейбен. Меня заковали в кандалы и бросили в закрытую повозку (с кляпом и все такое), и вдруг на полдороге я услышала снаружи ужасный шум. Само собой, я не могла упустить такой шанс. Я обмотала цепи вокруг ног, выбила дверь, и, пока мои конвоиры сражались, с жалкими остатками достоинства запрыгала в туман. Что скажешь, а? Я сбежала — сама по себе! Впрочем, радость моя была недолгой, и сейчас я уже не чувствую удовольствия от побега, а ощущаю одну лишь печаль.

Со своих угодий я ушла еще до нашей жалкой попытки разрушить Трейбен. Меня туда уже ничего не манит. Избавившись от цепей и кляпа, я решила, что

лучше всего будет вернуться в наш старый семейный дом в Нефалии. Он постепенно разваливается, но кое-где до сих пор пахнет дымом, пеплом и жидкостями для консервации. В некоторых комнатах даже можно жить, но в папин кабинет я так и не решилась зайти. На стенах еще видны следы последней драки наших родителей.

Столько лет прошло, а на меня до сих пор давит груз вины. Чтобы хоть немного успокоиться, я подняла из могил мамочку с папочкой и извинилась за то, что мы сделали с домом. Когда я рассказала, как мне жаль, что мы устроили пожар, и что ни ты, ни я не хотели унаследовать их ненависть друг к другу, мне стало гораздо легче! Я рассказала о своем провале в Трейбене, о том, как мы с тобой отделились друг от друга за эти годы, и как унижительно для меня было оказаться в цепях и с кляпом, когда ты сбежал прочь. Конечно, ответить они не могли, но мне просто нужно было выговориться.

Учитывая недавние события, я хочу внести добавления в Правила сражений некромантов: в бою запрещается использовать родственников и домашних питомцев (я *знаю*, что ты где-то хранишь останки Пачкуна). Напиши мне, где и когда мы устроим следующий поединок.

Любящая тебя сестра

Джиза.

Долго и Счастливо | Иллюстрация: Райан Александер Ли

Джиза!

Ты ведешь себя *невероятно* безответственно! Зарой маму с папой обратно в землю — *там им самое место.*

Я сейчас занят очень важной работой, и мне не до сражений некромантов. Я рад, что ты выбралась из тюрьмы, но удивлен, что ты настолько глупая, что даже не понимаешь, когда я тебе помогаю. Не пиши мне больше.

Геральф.

Геральф!

Возвращаю тебе скааба, а с ним — кое-какие свои записи. Уверен, в них ты найдешь то, что ищешь.

Если пожелаешь, я с радостью приму тебя, так сказать, под свое крыло. Твоя мать была талантливой некроманткой и вырастила достойного наследника. Не стесняйся обращаться ко мне с любыми вопросами. Сын Гретхен Секани — мой сын.

Твоя семья всегда выражала свою любовь к темным искусствам играючи. Порадуемся же нашему дару и начнем величайшую игру на свете!

Людевик.

Шедевр Геральфа | Иллюстрация: Дааркен

Людевик!

Большое спасибо за ответ! Мне не терпится приступить к изучению текстов и комментариев, что вы мне прислали.

Но я прошу вас, давайте говорить о нашем мастерстве без легкомыслия.

Меня уже *тошнит* от игр.

Геральф.

Моя дражайшая гнилошвейка!

Безответственно? Не смей читать мне нотации, как ребенку! Я — одна из самых талантливых призывательниц упырей нашего времени. Я способна на такое, о чем ты *и мечтать* не можешь! (Я как-то раз видела, как ты пытаешься свистеть, — жалкое зрелище!) Можешь болтать, что слишком хорош для сражений некромантов, но я-то знаю, что ты просто думаешь, что я ни на что не способна, если не полагаюсь *на тебя*.

Джиза.

P.S. Будь уверен, я постараюсь вспомнить все твои любимые прозвища. Мы с тобой официально в ссоре!

Командующий Одрик!

После долгого преследования я нагнала Джизу в Нефалии. Она поселилась в развалинах старинного особняка. Я наблюдаю за ней издали и ожидаю подкрепления, чтобы схватить беглянку.

Однако это место вызывает у меня все больше и больше волнений. Компас вдруг начал вести себя странно: его стрелка то и дело вертится сама по себе, дергается и останавливается, показывая совсем не в том направлении, что минуту назад. В воздухе чувствуется напряжение, словно надвигается гроза, но в небе чисто. Странностей становится все больше и больше. Я не знаю, почему, но ничего подобного раньше не встречала.

Впрочем, сейчас мое внимание привлекло нечто гораздо более опасное. Кажется, Джиза снова начала призыв. Я постоянно замечаю упырей, а вдоль

нефалийского берега тут и там встречаются пустые могилы. Я никогда своими глазами не видела некроманта за работой, но теперь с уверенностью могу сказать, что слышала. В ночном тумане раздаётся жуткий свист, трели, от которых душа уходит в пятки, а волосы встают дыбом. Я не вижу ни света, ни вспышек: её магия — это безумная песня, сплетающаяся с шумом волн, проникающая через холодный песок и поднимающая мертвых от их вечного сна. Теперь я понимаю, почему вы велели вставить ей кляп.

Но самое неприятное — это спокойствие упырей. Мертвецы, услышавшие её песню, не дерутся, не волочат ноги, не бросаются свирепо на окружающих. Они просто идут к той, кто их позвал. Кажется, у неё есть какая-то цель, чудовища будто должны стать инструментом для неведомой мне задачи.

С каждой проходящей ночью ситуация накаляется. Я буду ждать дальнейших распоряжений о том, что делать с призывательницей упырей.

Старший офицер Грета.

Приказ Джизы | Иллюстрация: Джейсон Феликс

Дорогой мертвяцкий портняжка!

У МЕНЯ НОВАЯ ПОДРУЖКА! И мы с ней ровесницы! Наверное.

Выглядит она так, словно ей не помешало бы поесть зелени и мяса, но я думаю, что для моего первого друга она вполне сгодится. Я встретила её, когда пошла погулять с мамочкой (папочку я закопала обратно в землю). Эта девушка просто подошла к нам без всякого страха. Она смерила мамочку глазами и спросила, я ли подняла её из могилы. Я гордо ответила, что да, и

тогда она вежливо улыбнулась и спросила, могу ли я повторить процесс. Смешно, да? Я кивнула, и у нее из-под ног вылезло пять упырей и половина лошади.

Как только упыри поднялись на ноги, женщина вытащила из ножен здоровенный меч и мигом разрубила каждого на части. Потом она улыбнулась от уха до уха. Я сразу поняла, что мы станем лучшими друзьями.

Женщина рассказала, что ее зовут Нахири. Она умная, и ее очень интересует моя работа. Я показала ей, как нужно свистеть, чтобы мертвецы делали, что им сказано. Нахири очень понравились мои таланты, и она сказала, что у нее самой вряд ли так получится, но ей хотелось бы посмотреть, на что я способна. Я снова буду призывать, и это так здорово!

Так что вот так вот. Можешь заниматься своей кройкой и шитьем. У меня есть подружка, и ты мне совсем не нужен!

Джиза.

Мой дорогой мясной вышивальщик!

Почему ты не отвечаешь на письма? Ты завел себе *новую девчонку*, да?

Джиза.

Джиза!

Пожалуйста, хватит об этом болтать. Лили не была «моей девчонкой»! Тогда в Трейбене она забрала тело Микеаса и скрылась. После нашего короткого знакомства я ее больше не видел. Она — ужасная женщина, и я ее ненавижу.

И тебя я тоже ненавижу. Прекрати называть меня этими ужасными старыми прозвищами и поблагодари, наконец, за помощь в побеге.

Вот тебе нога, пораженная подагрой. Она напоминает мне о твоём характере.

Геральф.

Старший офицер Грета.

Наши солдаты в Нефалии докладывают о странной структуре, которую строят у береговой линии. Нежити слишком много, чтобы вы могли справиться самостоятельно. Отступайте **НЕМЕДЛЕННО**.

Командующий Одрик.

Храм на Кладбище Кораблей | Иллюстрация: Джон Эвон

Дорогой трупный штопальщик!

Нахири ненадолго уехала, а я продолжаю работать. Здорово, правда? Теперь у меня есть настоящая работа!

Когда я думаю о том, что происходит, я понимаю, как мне повезло найти такую чудесную подругу! Без Нахири я бы пропала. Я продала старый дом у нашего поля для сражений некромантов и все бывшие у меня средства вложила в свою новую карьеру.

Моей подружке нужна была армия строителей, и я подняла ей эту армию из могил! Она не хотела говорить, для чего ей зомби, но когда я напрямую спросила, собирается ли она построить каменный монумент в честь наших талантов, Нахири сначала подняла брови, а потом энергично закивала.

Понял, братец? Мы воздвигнем монумент!

Нахири очень поддерживает меня. Она обожает моих упырей, и я думаю, что если я справлюсь с заданием, она даже сделает мне оружие, которым я тебя

выпотрошу. Я видела, как она работает. С камнем она творит настоящие чудеса.

Я понятия не имею, что это за «помощь в побеге», но уверена, что ты просто хочешь заморочить мне голову — *как обычно!* Но твои дурацкие шуточки со мной не сработают!

Джиза.

Джиза!

Все это зашло слишком далеко.

Я больше не хочу играть. Я почти закончил работу над своим величайшим творением и хочу только одного — чтобы ты оставила меня в покое.

Это я послал скаабов напасть на твой тюремный конвой. Я изрядно потрудился, собирая отряд для атаки на тюремщиков, а ты *ни разу* не поблагодарила меня за свою свободу.

Кто еще в этом всеми дьяволами забытом приходе смог бы поднять несколько десятков скаабов? Или ты думаешь, что тебе просто *повезло* наткнуться на *тех самых* существ, на создании которых я сделал себе имя?

Твое невежество оскорбляет, а то, как ты цепляешься за наши подростковые ребячества, — просто жалкое зрелище. Я повзрослел, сестра. Повзрослей и ты. Я просто хотел помочь тебе.

Геральф.

Ценный Конгломерат | Иллюстрация: Карл Копински

Командующий Одрик!

Я немедленно отправляюсь в путь. Госпожа Секани впала в бесконтрольную ярость. Безопасность моих людей под угрозой. Я пишу из Мервальдской Лоцины, но в ближайшее время выдвигаюсь в Трейбен. Молитесь о нашем возвращении. Госпожа Секани пока не преследует нас, но в своем состоянии способна на все, что угодно.

Старший офицер Грета.

Геральф!

Ты грубый, спесивый, *тошнотворный* ублюдок! Как ты посмел предположить, что сама я не освободилась бы?

Какой же я была идиоткой, что не узнала твоих скаабов и сразу не поняла, в чем тут дело. И оставь себе свои надменные нотации, черт тебя дерь. Мне *не нужна была* твоя помощь, и я *без тебя* прекрасно справилась бы с побегом.

Мое имя навеки останется в летописях этого края. Истории о нашем с Нахири могуществе будут рассказывать, пока наш монумент гордо высится среди морских волн! Никто не сможет превзойти наше наследие, и наши славные деяния навсегда изменят облик Иннистрада!

Все это, конечно, случится в должное время. Как видишь, для этого письма я выбрала особого посланника. Надеюсь, ты не возражаешь, что тебе его доставила мамочка? В конце концов, ты всегда принимал *ее* сторону. Я велела ей повсюду следовать за тобой, во всем помогать и исполнять любые приказы — кроме приказа уйти.

Ну что, тебе нравится, когда я тебе помогаю? Ты *благодарен* за то, что я вмешиваюсь, словно сам ты ни на что не способен?! У меня полно занятий получше, чем развлекать *тебя*. Взгляни в глаза матери и подумай обо мне. Ты обращаешься со своей младшей сестричкой, как с неразумным младенцем? Что ж, я отправила к тебе ту, кто всегда будет напоминать, что *ребенок — это ты*.

Да найдешь ты утешение в объятьях того, что осталось от маминых рук.

Джиза.

ИНКВИЗИЦИЯ ЛУНАРХОВ

BY JAMES WYATT

Талия, трейбенская стражница, сыграла ключевую роль в защите Трейбена от орды зомби, осадивших город по велению близнецов-некромантов Джизы и Геральфа. В самый темный час для города она лицом к лицу встретилась с Лилианой Весс у Хелволта, в сердце Трейбенского собора. Лилиана пригрозила убить всех до единого солдат Талии, и стражнице оставалось лишь выполнить страшное требование некромантки: позволить той разбить Хелволт, выпустив на свободу всех плененных в нем демонов — а с ними и архангела Авацину.

Микеас, лунарх церкви Авацины, погиб во время осады, а его преемник был убит в первые дни безумия архангела. Теперь во главе церкви стоит собранный из старших епископов Совет лунархов, а предводители катаров входят в него в качестве советников. Еще один из героев осады Трейбена, катар по имени Одрик, приложил титанические усилия, чтобы заставить Совет лунархов обратить внимание на безумие Авацины. Он заслужил место в совете как представитель катаров, но права голоса так и не добился.

Безумие ангелов распространялось, и сам Совет лунархов оказался затронут его влиянием. Двоим предводителям катаров приходилось лавировать между верностью церкви Авацины и приверженностью к тем ценностям, что эта церковь должна воплощать.

Поездка с Элгодского поля в Нефалии в Трейбенский собор заняла несколько дней. Стояла луна охотников, и уже заметно похолодало. Ее пальцы онемели от холода, но щеки Талии до сих пор горели от огня, а кровь кипела от ярости. Она бросила поводья конюху, кинула короткий взгляд на ангела, кружившего в небе, словно заметивший падаль ворон, и устремилась в гулкие залы собора.

Проходя через раскрытые двери святилища, Талия по привычке начертала на груди знак Авацины: от плеча к сердцу, от сердца к плечу. Но когда она вспомнила священный символ, возвышавшийся над кошмарами Элгода, у нее защемило в глазах.

Талия все еще носила звание стража Трейбена, хоть теперь почти и не появлялась в городе, так что ни один катар не преградил ей дорогу и не спросил, что ей нужно, пока она неслась по лестницам, по коридору и,

наконец, в покои, которые совет выделил для кабинета маршала-лунарха. Конечно же, его там не было.

Талия скинула дорожный плащ и бросила его на кресло, а потом выглянула обратно в коридор.

— Эй, ты! — крикнула она стоявшему неподалеку на часах катару. — Найди его.

Не снимая перчаток, она хлопнула в ладоши и, расхаживая взад-вперед по кабинету, начала энергично растирать руки, пытаясь согреть замерзшие пальцы.

Когда она отворачивалась от двери, в ней никого не было. Через три шага она повернулась, и он уже стоял в проходе. Она резко остановилась.

— Талия! — радостно поприветствовал ее Одрик, раскрывая объятия.

Он выглядел постаревшим. Конечно, его волосы были седыми уже давно, и лишь на лбу оставалась черная как смоль прядь. Но лицо Одрика всегда казалось молодым. Теперь же на нем оставили след переживания.

— Как я рада тебя видеть, старый друг, — сказала Талия с улыбкой и сделала шаг ему навстречу. Но она не стала его обнимать, вместо этого кулаком ударив по украшенному серебром латному нагруднику. Ее улыбка пропала. — Ты знаешь, что у нас происходит?

Одрик вздохнул и устало опустил руки.

— Я знаю, что времена настали скверные, — ответил он.

— Дети, — произнесла стражница. — Мы теперь жжем детей. Погрязших в грехе, чтоб мне...

— Элгод? — прервал ее маршал.

— Да. Этому нужно положить конец, Одрик. Ульмах совсем вышел из-под контроля.

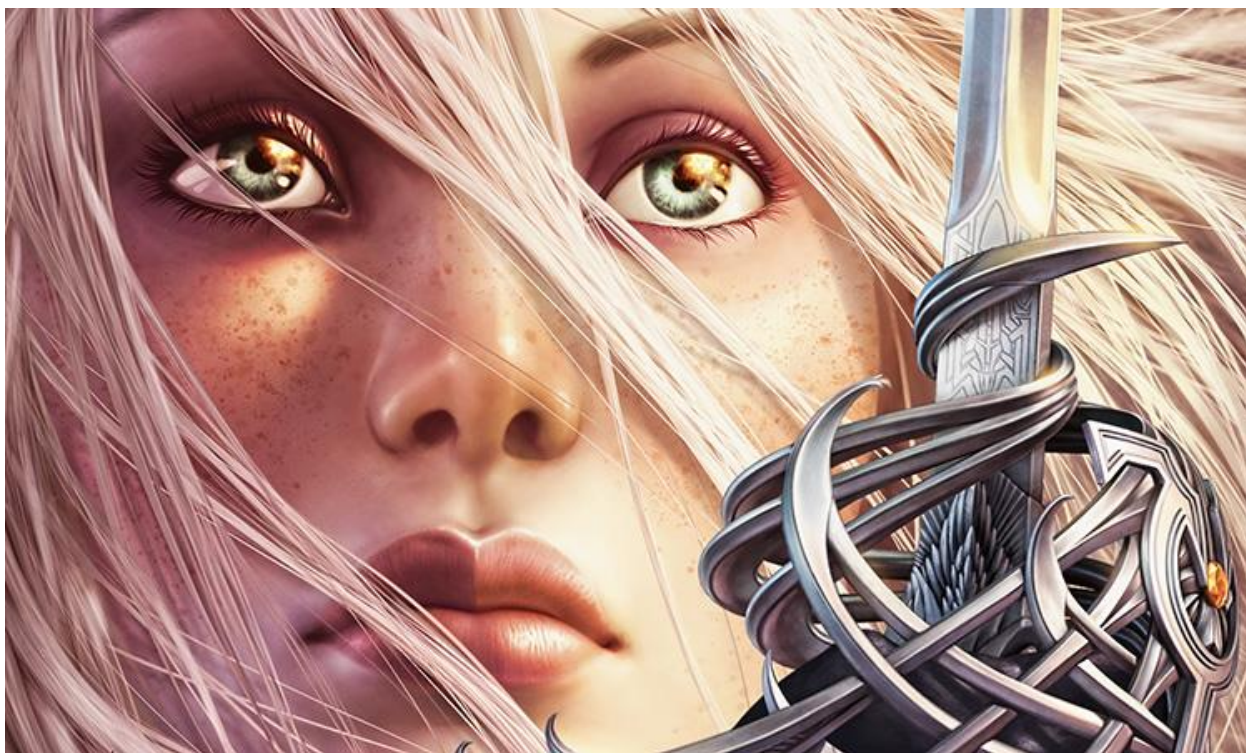
— Он — старший инквизитор, Талия. Он *и есть* контроль, по крайней мере — в нефалийской церкви.

— Нет! — она снова стукнула его в нагрудник. — Церковью ведь до сих пор правит Совет лунархов, так? Твой совет?

Одрику наконец удалось протиснуться мимо нее в свой кабинет.

— Совет этот вовсе не мой, — сказал он, — но инквизиция действительно действует с его позволения.

— Этому нужно положить конец, — повторила девушка.

Талия, Страж Трейбена | Иллюстрация: Стив Аргайл

— И что потом? Как ты собираешься избавить нас от гнева ангелов?

— Ты хоть сам слышишь, что говоришь? Думаешь, ангелы гnevаются, потому что мы стали слишком терпимы к греху? Одрик, ангелы должны *защищать* нас, а не обращать в пепел наши деревни. А мы должны защищать детей, а не жечь их на костре! Ты правда думаешь, что этого хочет от нас Авацина?

— Авацина стоит во главе крылатых очистительниц. Ты сама это знаешь. Если грехи людей приводят ее в ярость, мы должны искоренить грех — или на нас падет ее гнев. Авацина служит примером для всех нас. Она смогла найти в себе силы закрыть сердце от мольбы исполненных зла, и мы должны сделать то же самое.

— Исполненных зла? И какой же грех совершили эти дети?

— Ты сомневаешься в решении инквизиции?

— Конечно, сомневаюсь! Как они могли заглянуть в глаза ребенку, заглянуть в его сердце — и увидеть там зло, заслуживающее мучительной смерти?

— *Если* инквизиторы казнят детей...

— Казнят. Я это видела сама.

— Если они это делают, то у них есть на то причина. Всеблагая Авацина даровала своей церкви силу, чтобы истреблять зло, карать его и защищать невиновных от его хватки.

— Но они злоупотребляют этой силой!

— И что делать мне?

Талия схватила маршала за руку. Даже через перчатку она почувствовала, как тепло согревает ее заледеневшие кости.

— Поговори с советом, — сказала она. — Заставь их понять, что происходит.

— Ты знаешь, что у меня нет голоса в совете.

— У тебя есть голос. Ты представляешь катаров. Они не могут от тебя просто отмахнуться.

Одрик повернулся к ней спиной.

— Но я должен подчиняться их воле. Воле Авацины.

— Знаешь, это ведь совсем не обязательно должно быть одно и то же.

Он склонил голову, но ничего не ответил.

На Талию вдруг обрушилась усталость, и она свалилась в кресло, куда до этого кинула плащ.

— Скажи, я правильно поступила, Одрик? — спросила она.

Маршал повернулся к ней и тепло улыбнулся. У них уже бывали такие разговоры, но он знал, что время от времени ей снова нужно слышать слова поддержки.

— Ты освободила Авацину, — сказал он. — И спасла своих солдат от гибели от рук некроманта.

— Да, но вместе с ней я выпустила на волю бесчисленных демонов. И некоторые из них смогли скрыться от ангелов.

— Они прячутся.

— Но они вернуться. Они всегда возвращаются. Их не уничтожить — именно поэтому и построили Хелволт. А я позволила ей разрушить его.

Иллюстрация: Тод Локвуд

— Ты освободила Авацину, — повторил Одрик.

— А вдруг это тоже было ошибкой? — промолвила Талия. Маршал еще сильнее нахмурил лоб, но она продолжала. — Вдруг за это время Хелволт успел исказить ее сущность? Вдруг она теперь ничем не лучше демонов?

Лицо Одрика приобрело суровое выражение.

— Не стоит говорить при мне такие вещи, — предупредил он. И он, конечно, был прав. Талия впервые посмела вслух произнести то, что уже давно терзало ее.

— Я — член Совета лунархов... — продолжил Одрик.

— Ты — хороший человек.

— Я служу Авацине и ее церкви. И ты тоже, стражница Трейбена. Ты не забыла?

Талия вскочила на ноги.

— Я служу идеям, за которые сражается Авацина... *сражалась* Авацина. Я служу мягкому свету луны, сдерживающему ужасы ночи. Я служу связывающим нас узам и отгоняю страх, разделяющий нас. Я служу святости, к которой мы стремимся. И если она отвернулась от всех этих вещей, то она не лучше демонов, и я не могу больше служить Авацине и ее церкви.

Одрик вплотную приблизил к ней свое покрасневшее от ярости лицо.

— Я не собираюсь выслушивать, как ты сравниваешь Всеблагую Авацину с теми самыми демонами, с которыми она сражалась испокон веков. Лишь потому что мы друзья, я всего лишь попрошу тебя покинуть Трейбен и никогда больше не заводить такие кощунственные речи... Грета!

В дверном проходе показалось лицо, обрамленное шевелюрой рыжих волос. Талия вздрогнула. Она не подозревала, что воительница Одрика все это время была за дверью. Неужели она слышала весь их диалог?

— Да, господин? — произнесла Грета.

Одрик отвернулся от Талии.

— Будь добра, проводи Талию за внешнюю стену.

— Слушаюсь.

Талия положила ладонь на плечо маршала.

— Одрик...

— Прощай, Талия.

Она сглотнула комок в горле. Нужных слов не находилось.

Грета держала лошадь Талии под уздцы, пока всадница взбиралась в седло. Она отводила взгляд — с того самого момента, как они вышли из комнаты Одрика. Но передавая удила, Грета наконец взглянула Талии в глаза.

— Что ты будешь делать? — спросила она тихо.

— Сражаться, — ответила Талия. — Я поклялась защищать жителей этого края от чудовищ, грозящих их жизни. Так я и поступлю. Если катары и инквизиторы превратились в чудовищ, значит, я буду защищать людей от них. А если в чудовищ превратились сами ангелы...

— Ты готова сразиться с ангелами? — спросила Грета, раскрыв от изумления глаза.

— Если придется.

— Но почему ты так уверена в своей правоте?

Сила Оружия | Иллюстрация: Джон Стенко

Талия многое услышала в этом вопросе — например, сомнения, которые ей самой уже много ночей не давали заснуть. Грете нужна была уверенность. Талия пожалела, что не может ей ее дать.

— Если я ошибаюсь, — сказала она, — что ж... лучше я стану еретиком, чем предам собственную совесть.

Грета отпустила удила, отошла от лошади и отвернулась, глядя в сторону.

— Можешь пойти со мной, — предложила Талия.

— Нет, — сказала Грета... сказала не только Талии, но и самой себе. — Но я надеюсь... я желаю тебе удачи, Талия.

— Спасибо.

Несколько недель спустя Одрик вспоминал ее, когда исполненный рвения молодой катар докладывал Совету лунархов о новых результатах работы инквизиции в Элгоде. Каждый раз, когда юноша произносил «погрязшие в грехе», Одрик слышал голос Талии, едва не сорвавшийся на грубость, а с каждым упоминанием старшего инквизитора думал о ее словах: «Ульмах совсем вышел из-под контроля». Ему было нелегко выслушивать подробные

описания допросов, пыток и казней, так что вместо этого он вглядывался в лица епископов из совета.

Некоторым явно было так же не по себе, как и ему. Другие же жадно наклонились вперед, распахнув горящие глаза, словно страстно хотели услышать все кровавые подробности, а в уголках губ у них пряталась безумная улыбка. *«Неужели Талия была права? — подумал Одрик. — Неужели мы все превратились в чудовищ?»*

Упрямая Надежда | Иллюстрация: Дэвид Сегин

Его раздумья прервал громкий звук. Дверь в зал распахнулась настежь. Стуча сапогами по каменному полу, в проход ворвалась Талия и зашагала в центр зала. Юный катар, пораженный ее появлением и горящей в глазах яростью, счел за благо посторониться с дороги.

— Талия, что ты здесь делаешь? — спросил Одрик, прерывая наступившее молчание.

Со своего места поднялся, сложив руки, епископ Джеррен.

— Никому не позволено мешать совещанию Совета лунархов, — высокомерно произнес он.

— Я — стражница Трейбена, — заявила Талия, — и я требую предоставить мне мое право выступить перед советом.

— У тебя больше нет этого титула, Талия, — мягко возразил Одрик. Он видел, как улыбается Джеррен. — Совет лишил тебя его.

Талия посмотрела на него без всякого удивления. Гнев в ее глазах превратился в отвращение, словно она увидела змею, извивающуюся на дороге. Он предал ее доверие, сообщив совету о ереси. У него закрутило живот.

Джеррен притворно улыбнулся.

— Но сегодня мы готовы проявить милость, — сказал он. — Что за дело у тебя к совету?

Талия перевела свой испепеляющий взгляд на Джеррена.

— Я пришла, чтобы обвинить тебя, епископ.

Одрик в своем кресле лишился дара речи.

Талия продолжала:

— У меня есть доказательства твоего союза с демоном Ормендалем, что зовется Нечестивым Князем. Не кто иной, как ты сейчас возглавляешь культ Скирдаг.

Джеррен рассмеялся. Он *рассмеялся*. Остальные члены совета кричали и протестовали, но их номинальный предводитель хохотал, услышав обвинения в управлении культом демонопоклонников.

— Так покажи нам свои «доказательства»! — раздался чей-то голос, когда крики стихли.

Теперь улыбалась уже Талия. Ей дали возможность высказаться, изложить дело, а о большем она не могла и мечтать. Она повернулась, обращаясь ко всему совету, но не стала встречаться глазами с Одриком.

— Три дня назад, — начала она, — я вела небольшой отряд катаров через лес прихода Витталь, близ эствальдских развалин. Мы искали логово жестокой ведьмы, наложившей проклятье на несколько приходских деревень. Наконец мы увидели на мягкой земле следы копыт.

Лейтенант Талии | Иллюстрация: Йоханнес Восс

— Мы все еще ждем доказательств, — напомнил один из епископов.

Одрик взглянул на Джеррена. Епископ откинулся в кресле, приложив сложенные ладони к губам и не скрывая легкой улыбки в уголках рта.

— Следы вели в мрачную пещеру, где было логово ведьмы. Рядом со входом жевала траву лошадь, укрытая попоной с эмблемой этого совета. Ворвавшись в пещеру, мы увидели, как ведьма поднимает еще трепещущее сердце лежащего на полу гонца, словно хочет откусить от окровавленной плоти.

Несколько советников с гримасой отвращения отвернулись от Талии. Но Одрик заметил, что у тех, кто продолжал смотреть, было то же восторженное выражение лица, что и во время доклада инквизитора.

— Мы попытались взять ведьму в плен, но она дралась как фурия, обрушив на нас свои демонические силы. У нас не было выбора — нам пришлось ее убить.

— И теперь она не может дать показания. Очень удобно, — сказал кто-то из советников.

Талия не обратила внимания на эту реплику.

— Мертвый гонец оказался посланником из собора, и у него было это письмо, — Талия достала из-под плаща лист пергамента. Он был испачкан темными кляксами и смазанными пятнами крови. — Прочитайте и сами решите, сколько правды в моих обвинениях. В письме с печатью и подписью самого епископа Джеррена он дает указания ведьме от имени Нечестивого Князя!

У Одрика онемели руки и ноги, а сердце бешено застучалось. История Талии обрекала епископа на гибель. Но была ли она правдивой?

Талия подошла к дальнему концу стола советников и протянула пергамент одному из младших епископов, Квилиону. Квилион бросил покорный взгляд на Джеррена и отказался брать письмо. Талия усмехнулась и предложила его следующему епископу. Под гробовое молчание совета ей пришлось проделать это еще три раза, прежде чем епископ Карлин принял у нее лист дрожащей рукой. Пока она читала, краска сошла с ее лица.

— Что ты на это скажешь, Джеррен? — мгновение промолчав, проговорила Карлин.

— Очевидно, что это подделка, — заявил Квилион, который даже не смотрел на лист.

— Вся эта история — невозможная ложь, — поддержал его другой епископ.

Одрику сложно было в это поверить. Он знал, что Талия не станет подделывать улики, как бы сильно она ни была не согласна с советом. А позволив себе подумать об этой возможности, маршал вынужден был признать, что не назвал бы Джеррена святейшим из людей. Но предводитель Скирдага? Стоящий во главе Совета лунархов?

— Конечно же, это невозможно, — сказал Джеррен.

— Как по мне, так в этом зале только один еретик, — усмехнулся Квилион. Он поглядел на Джеррена, словно ожидая поддержки старшего епископа.

Одрик пораженно смотрел на то, как члены совета снова начали кричать, на этот раз требуя казнить Талию. Ее лицо было мрачным, и чем больше епископов становилось на сторону Джеррена, тем бледнее оно становилось. Конечно, она ожидала встретить сопротивление, но не такой силы. Влияние Джеррена на совет, должно быть, оказалось сильнее, чем она думала. Ее рука потянулась к мечу.

Бросившись к ней, катары схватили Талию за руки, прежде чем она успела достать оружие, и обернулись на Джеррена, ожидая указаний. Ленивым движением пальцев епископ вынес приговор, и девушку утащили прочь.

— Одрик! — выкрикнула она, заглушая шумящих епископов. — Я служу свету!

«Мягкому свету луны, сдерживающему ужасы ночи, — говорила она. — Я служу связывающим нас узам и отгоняю страх, разделяющий нас»

.

И вот Совет лунархов, охваченный страхом, обратился против своей верной служительницы.

За Талией с грохотом затворились двери, и с фальшивой улыбкой Джеррен сделал юному катару знак продолжать рассказ о зверствах, от имени Совета лунархов устроенных в Элгоде.

Одрик бежал по лестнице в подвал собора, надеясь, что Талию еще не успели казнить. Ее бы не стали вешать на дереве во дворе собора — для казни столь выдающегося еретика должны устроить подобающую церемонию, собрав зрителей.

— Мне нужно поговорить с пленницей, — заявил Одрик воительнице, охраняющей камеры. Юная девушка отдала ему честь и шагнула в сторону, открывая путь.

— Ничего не говори, — прошептал маршал в окошко камеры. — Мы уйдем отсюда вместе.

— Что?!

— Я сказал, не говори ничего, — он вновь обернулся к воительнице. — Отопри камеру.

Ее глаза расширились, но она все же сняла связку ключей с пояса. Одрик одобрительно кивнул. *«Хоть кто-то из нас не забыл о долге»*, — подумал он.

Дверь камеры Талии со скрипом открылась, и маршал помог девушке подняться с грязного пола. Он заметил над ее скулой свежий, только начинающий темнеть синяк. Она сопротивлялась? Или тащивших ее стражников охватила жестокость, ставшая обычным делом даже здесь, в соборе Авацины?

По лестнице они поднялись вместе. Наверху их встретила Грета, в руке у которой был тонкий меч Талии.

— Что с лошадьми? — спросил Грету Одрик, пока Талия крепила меч к поясу.

— Будут готовы, когда мы доберемся до конюшни, — ответила та.

Крестоносец Одрика | Иллюстрация: Майкл Комарк

— Очень хорошо.

— Куда мы бежим? — поинтересовалась Талия.

— Это ты мне скажи, — ответил Одрик. — Ты говорила, что в приходе Витталь с тобой были другие катары. Они до сих пор там?

— Да.

— Тогда, может быть, мы встретимся с ними?

— Да. Я должна многое тебе рассказать.

Они почти дошли до конюшни, почти вырвались из хватки Совета лунархов, Джеррена и тех темных сил, которым он служил. Но дороге им преградили пятеро катаров.

— Ни с места, маршал-лунарх, — сказал тот, что стоял посредине.

«Его зовут Дуган», — вспомнил Одрик. Много лет назад он сам обучал этого мальчика.

— Приказ епископа Джеррена, — почти извиняющимся тоном добавил катар.

Одрик не сбавил шага.

— Отойди в сторону и дай пройти, — приказал он. Грета и Талия подошли к нему немного ближе.

— Я не могу отойти, господин, — вина пропала из его голоса, и осталась лишь сталь. — Епископ ожидал предательства и приказывает вам втроем вернуться в зал совета.

За их спиной встали еще катары — трое, судя по звуку. Восемь против троих, если дойдет до драки.

Одрик стоял лицом к лицу с юным Дуганом, а Талия и Грета повернулись к катарам по сторонам.

— Дуган, дай нам пройти, — повторил Одрик.

— Нет.

Маршал попытался оттолкнуть юнца с дороги, но услышал за спиной звон вынутого из ножен меча. Это все изменило.

Восемь против троих — плохое соотношение, но эти трое были одними из лучших бойцов церкви Авачины. Первый же удар Одрика выбил клинок из рук Дугана, и тот с грохотом покатился по камню. Пока бывший ученик пытался поднять оружие, Одрик повернулся отразить атаку из-за спины... Марта, еще одна его ученица. Ответной атакой он ранил девушку в плечо — на тренировках она всегда оставляла его открытым — и та неловко попятилась назад.

Дуган уже поднялся на ноги и бежал на маршала, двумя руками подняв меч над головой. Одрик печально вздохнул. Не такому он учил юношу. Присев, чтобы увернуться от неуклюжего замаха, маршал точным ударом в живот выпустил бедняге кишки. Он почти забыл, что они не тренируются на деревянных мечах.

Быть может, забыл об этом и Дуган. Распахнув глаза, он все пытался одной рукой нащупать меч, а второй зажимал расплывающееся красное пятно под ребрами.

Одрик, Маршал-Лунарх | Иллюстрация: Чейз Стоун

На Одрика прыгнул третий катар, чьего имени он не помнил. Этот был настолько неумелым, что сам напоролся на меч маршала. Марта, которая сражалась, несмотря на рану в плече, пала от тяжелого клинка Греты.

Перед Одриком оставался один Хараль, старый солдат, с которым они вместе сражались с живыми мертвецами. Опытom он на много лет превосходил Дугана, и будь его боевой дух сильнее, это он бы командовал отрядом. Но боевого духа и целеустремленности ему всегда не хватало. По лицу Харалья текли слезы, когда он встал на пути Одрика, закрывая проход.

Маршал с силой ударил его по шлему, и металл зазвенел, а оглушенный катар попятился назад, однако устоял на ногах и еще сильнее сжал меч.

— Тебе придется убить меня, отступник! — прорычал он.

Наступая, Одрик обрушил на него град ударов, и под этим стальным натиском Харалю оставалось лишь отступить. Он не мог нанести ответный удар — ему не хватало силы духа. Конец был предсказуем. Хараль на мгновение открылся, и Одрик тотчас же перерезал противнику горло.

Никто больше не преграждал им путь к дверям собора. Одрик обернулся и посмотрел на восемь верных катаров, умирающих или истекающих кровью на гладком полу собора. Священных катаров церкви Всеблагодой Авацины.

— Да проводят ангелы Алебастрового Сонма... — начал он, но остановился. Какое теперь ангелам было дело до человеческих душ?..

— ...твой дух в Благословенный Сон, — закончила Талия, встав у него за спиной. Она начертала на груди знак Авачины. От плеча к сердцу, от сердца к плечу. Взглянув на Одрика полными слез глазами, она повернулась и побежала к двери.

Какая-то часть Одрика мертвой осталась лежать на полу собора, но все же он устремился в конюшню вместе с Талией и Гретой. Как и пообещала воительница, лошади уже ждали их. Запрыгнув в седла, они пришпорили скакунов и понеслись галопом. За спиной остался собор, потом Трейбен, потом их прежняя жизнь.

— Добрых две трети из них Джеррен крепко держал в кулаке, — говорила Талия, обращаясь к горстке катаров, собравшихся в крохотной часовенке на Ближней пустоши. — Я недооценила степень влияния Ормендаля на членов совета.

Кто-то из катаров печально кивал головой.

— И ты ничего об этом не знал? — спросила Талия Одрика.

Но тот не ответил. С тех пор, как они миновали ворота Трейбена, он не произнес почти ни слова. Воительница даже не была уверена, что он моргал. Бывший маршал просто сидел и смотрел в пустоту.

Вздыхнув, она положила руку ему на плечо.

— Думаю, я знаю, что творится у тебя в душе, старый друг, — шепнула она ему на ухо. — Думаю, мы все знаем.

— С ним все будет хорошо, — сказала Грета. — Дай ему время, чтобы прийти в себя.

— Я знаю, — ответила Талия. — У него будет столько времени, сколько нужно.

— Я могу что-нибудь сделать, — поинтересовалась Грета.

Талия улыбнулась. — Помнишь, как я пригласила тебя пойти со мной?

— Жаль, что я не пошла.

— Нет, я рада, что ты отказалась. Если бы вы не помогли мне сбежать, я бы сейчас болталась на суку во дворе храма. А теперь ты здесь.

— Но что это за «здесь»? Что мы тут делаем?

— Добро пожаловать в Орден святого Трафта, — сказала Талия, обводя рукой часовню, словно величественный дворец.

— Святого Трафта? — удивилась Грета. — С этим именем ты претендуешь на благородное наследие. Истребитель демонов, Избранный ангелами, Мученик Игольного Ушка... более достойного покровителя нельзя было и выбрать.

— Я не выбирала его, — с улыбкой сказала Талия. — Это он выбрал меня.

В воздухе за спиной Талии сгустился светящийся туман, и ее волосы превратились в жидкое золото, а лицо словно засияло собственным светом. Через мгновение у нее было уже два лица; они разделились, и за ее спиной появилась сияющая бестелесная фигура священного привидения. Это был сам святой Трафт.

Талия положила руку Грете на плечо. — Ты готова сражаться?

Не отводя глаз от ее лица, Грета упала на колени. — Веди меня.

Заклятье Святого Трафта | Иллюстрация: Игорь Кириллюк

ИСТОРИИ И ОКОНЧАНИЯ

BY NIK DAVIDSON

На Иннистраде Джейс Белерен гонится за тайной — [в дом Лилианы](#), потом [в поместье Марковых](#), [на кладбище кораблей](#), снова [к Лилиане](#) и, наконец, в Трейбенский собор. Проводником ему служит дневник — собрание заметок об исследованиях, обнаруженное в поместье Марковых.

Но Джейс не знает, что мироходец из лунного народа Тамиё, написавшая этот дневник, всего на несколько шагов опережает его...

Несмотря на то, что ее ноги ни разу не коснулись каменного пола, пролетая по часовне Трейбенского собора, Тамиё думала о передвижении на цыпочках. В десятках миров, где она бывала, среди двуногих созданий ходьба на цыпочках — часто в преувеличенной, театральной манере — считалась способом показать, что некто желает передвигаться незаметно. Однако, встав на мыски, двуногое существо переносит весь свой вес на меньшую площадь. На деревянном полу (это покрытие повсеместно встречалось в посещенных ей мирах) ходьба на цыпочках на самом деле *повышает* вероятность того, что скрипнут половицы, — а именно этот звук обычно выдает присутствие крадущегося. По ее опыту, такие нелогичности чаще всего встречались среди людей, и Тамиё доставляло непреходящее удовольствие их документировать. Но от Иннистрада удовольствия она не получала. Здесь ей сразу же стало ясно, что она столкнулась с чем-то более глубоким и опасным, чем нелогичность. Она уже задержалась в этом мире дольше, чем планировала. Уже слишком много раз рисковала. Но этот мир словно слетел со своей оси — и она должна была выяснить, почему.

Несколько логичных направлений исследований вели в тупик. Некоторые казались многообещающими, но однозначных результатов не дали. Работа по астрономии почти привела к разгадке, но причина происходящего — изначальная первопричина — все еще ускользала от Тамиё. Это была головоломка с тысячей замков, загадка из тысячи обманов. За всю свою жизнь ей еще не приходилось сталкиваться с такой сложной задачей.

И за всю свою жизнь она еще ни разу не бросала работу неоконченной.

Тамиё, ЗнатоК Луны | Иллюстрация: Эрик Дешам

Новое направление исследований привело Тамиё в собор, где люди Иннистрада хранили старейшие предания об Авацине. Истории, которые ей удалось собрать до сих пор, были отрывочными и туманными, но Тамиё умела слушать их музыку. Она знала, за какие нити потянуть, по каким следовать наводкам, чтобы шаг за шагом добраться до крупницы истины. Конечно, она не ожидала, что ответы на вопросы будут просто написаны в каком-нибудь старинном фолианте. Ей доводилось слышать такие истории, но сама она в

них не попадала. И тем не менее, в самых старых преданиях должно быть меньше всего искажений. Чем меньше авторов поменяло текст, тем меньше вероятность, что его смысл успели вывернуть наизнанку. Авацина. Мир слетел с оси, а Авацина была ядром Иннистрада. Ей понравилась метафора.

Тамиё прошептала короткую молитву ками. Конечно, она знала, что ками здесь нет — духи очень по-разному проявлялись в разных мирах, и привидения Иннистрада ничем не напоминали мелких богов ее родного мира. Ни один из ее экспериментов не свидетельствовал о том, что ками способны воспринимать молитвы через границы миров. Но только то, что ее не могли услышать, не давало повода быть грубой.

Залы патрулировали вооруженные катары — доблестные и бдительные стражи, охраняющие собор от чужаков вроде нее. Тамиё уже встретилась с таким количеством местных жителей, что ей было сложно это переносить, и сейчас возможности ее природной бесшумности и незаметности были на исходе. Чтобы попасть в библиотеку, ей нужна была история. История, которую она расскажет миру.

Старинный свиток, один из ее самых первых и самых любимых, подлетел к ней и раскрылся. Это была история из ее родного мира. Сейчас она подходила как нельзя лучше.

Том, Кто Напугал Солнце

Это история о погрузившемся во тьму мире и о Том, Кто Напугал Солнце. Всюду, куда падала тень демона-они, наступала ночная темнота, а голод его был таков, что никто не мог утолить его. Карлики-акки знали, что в пещере демон хранит всю накопленную за долгую жизнь добычу. Но никто не смел навлечь на себя его гнев, кроме одной акки, которая ничего не боялась.

Взяла она длинный и плоский камень и подняла над головой. Он был высоким, и когда смотрел на нее сверху вниз, то видел только камень. Так акки перехитрила демона и попала к нему в логово.

Но они оказался любопытным.

— Как странно ты двигаешься с места на место, маленький камушек! Уж не задумал ли ты украсть мои сокровища?

— Я ни разу не слышал, о великий, — отвечал камень, — чтобы камушек крал сокровища. А ты? Обещаю, если я увижу воров, то непременно тебе расскажу!

Они поверил словам акки и успокоился. Он отправился спать, и тогда акки стащила столько, сколько смогла унести. Она забрала золото, самоцветы и блестящее блюдо, в котором ухмылялось ее отражение.

На следующий день акки вернулась, и демон накинулся на камень с расспросами:

— Камушек, а камушек! Кто-то украл мои богатства! Ты не видел вора?

Вспомнив о своем обещании, акки ответила:

— Да! Я видел вора — хитрую маленькую акки! Ступай, отыщи ее и накажи как следует за дерзость!

Они согласился и отправился на поиски. А пока его не было, акки снова набрала сокровищ и была такова!

Но на этом дело не закончилось.

Жадная маленькая акки в третий раз явилась в пещеру с камнем над головой и алчностью в сердце. А у демона в сердце была только ярость.

— Камушек! Меня снова обокрали! Злодея я так и не нашел, но у меня опять пропали сокровища! Не знаю, что и делать, — разве что пойти в жилище акки на западе и сожрать их всех, чтобы уж точно не упустить вора!

Испугавшись за свой дом и друзей, акки воскликнула:

— О, великий! Акки жесткие и горькие, и совсем не вкусные! Лучше не трогай их, а дальше ищи негодяя!

Но демон не мог узнать камень, а вот ложь он узнавал сразу. Так что он поднял камень, схватил маленькую акки и проглотил ее одним махом.

Акки рассказывают эту историю, чтобы напомнить, что правда позволяет отвести глаза гораздо лучше, чем любая ложь.

История прозвучала, и ее магия стала реальностью. Тамиё исчезла из виду. Любой, кто на нее посмотрит, увидит нечто привычное и не вызывающее подозрений, — например, еще одного катара или декоративную вазу. Так будет до тех пор, пока Тамиё не сохнет или не пожелает стать видимой. Это была очень полезная история, но Тамиё шепотом извинилась за то, что использовала ее в своих целях. Она делала так каждый раз — истории были священными, и пользоваться ими в качестве инструментов граничило с кощунством.

У нее с собой было двадцать девять свитков с историями, не считая трех, скованных железными обручами. Эти нельзя было использовать ни в коем случае.

Теперь Тамиё ступала по камням, оказавшимся весьма холодными. Она целенаправленно прошла мимо двух катаров, и те привычно отдали ей воинский салют. Тамиё ответила куда менее изящным жестом, но они увидели то, что должны были увидеть. Центральный зал библиотеки был впереди. Она вспомнила, какие свитки взяла с собой, начала думать, какая из историй наилучшим образом поможет справиться с замками на двери, но вдруг заметила, что что-то не так. Дверь уже была слегка приоткрыта, и за ней мерцал огонек свечи.

Тамиё сделала жест, и легкий порыв ветра открыл дверь еще на йоту. Она пригнулась, ее ступни всей поверхностью касались пола — и все равно она по какой-то необъяснимой причине *подумала* о ходьбе на цыпочках. Крадучись, она подобралась к двери, готовая в любой момент броситься в бой или пуститься бежать.

Дверь на хорошо смазанных петлях открылась еще сильнее, и Тамиё услышала звук, который не спутала бы ни с чем. Через мгновение увиденное подтвердило ее догадку: на полу лежало тело в нелепой позе, словно только

что заснувшее. Библиотекарь — старый, без оружия и без доспехов. А над ним стоял... мироходец, Planeswalker.

Джейс, Раскрывающий Секреты | Иллюстрация: Тайлер Джейкобсон

За те мгновения, что были у нее перед решением драться или бежать, она постаралась впитать как можно больше сведений. Природа ее работы требовала практически любой ценой избегать мироходцев. Они были дерзкими и непредсказуемыми, и на их образ мышления налагали свой отпечаток неведомые миры. Грубо говоря, для искателя истины они были сплошным источником неприятностей. Этот выглядел как человек, молодой мужчина, однако окружающие его огоньки маны так и кричали об обмане. Он где-то раздобыл местную одежду, но украсил ее символами, явно происходящими не с Иннистрада. Удивительно плохая маскировка. В его светящихся глазах была паника и безумие — возможно, его поразило сумасшествие этого мира. (Она никогда не задумывалась над этим — может ли заразившийся безумием мироходец перенести его в другие миры?) А в руках он держал... ее полевой дневник. Опять затруднение. Она выждала еще два удара сердца и решила позволить сделать первый ход ему — однако нужный свиток уже вылетел у нее из-за пояса и начал разворачиваться.

В глазах у него читалось непонимание. Ярость, ужас, любопытство... наконец, что-то вроде узнавания и облегчения.

— Ты! Это ты. Ты меня сюда привела. То есть, не ты сама, а этот дневник. Твой дневник! Ты хотела, чтобы мы встретились? Нет... но как ты могла?

Он замолчал и опустил глаза к земле, а потом вновь уставился на нее обвиняющим взглядом.

— Ты следила за мной? Ты знала!

Взгляд снова стал мягким, печальным, умоляющим.

— Помоги мне. Ты сможешь? Я думаю... ты можешь мне помочь? *Помоги мне!*

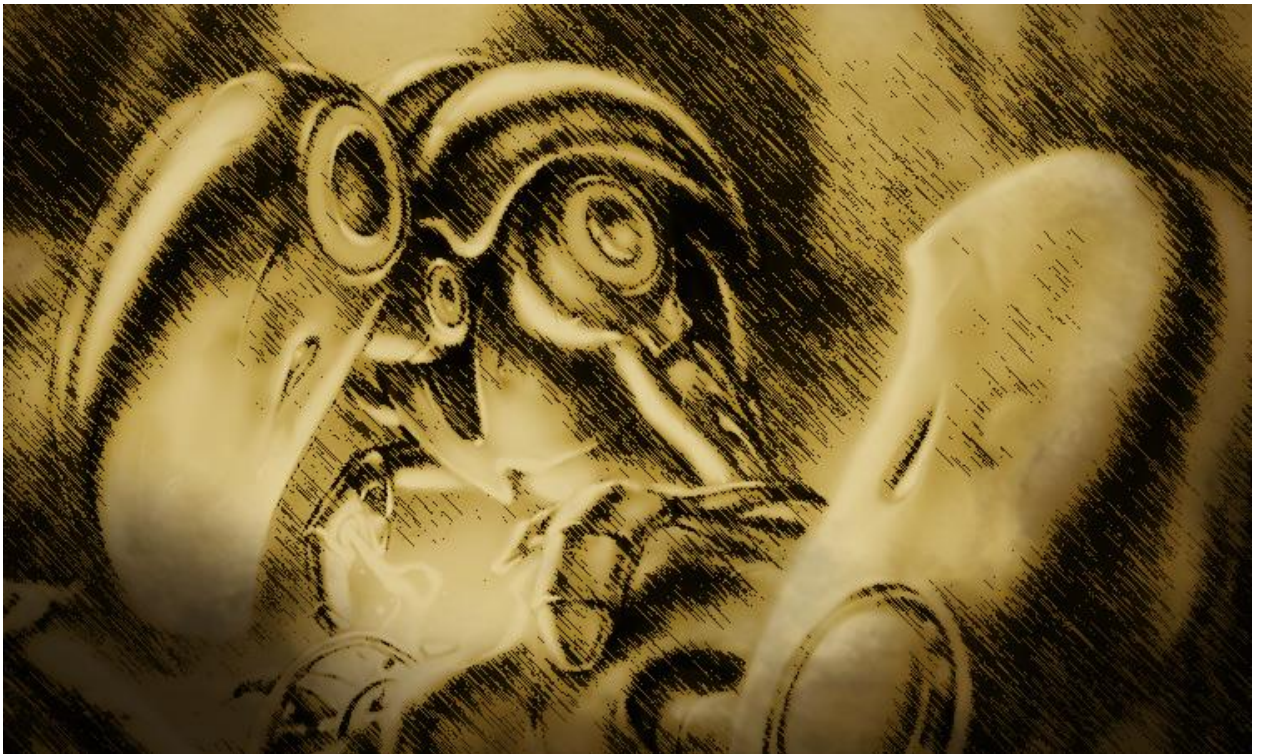
Последние слова были совсем не похожи на просьбу. Это было приказание, невероятно мощное, которое ломилось в ее разум, словно ураган в закрытые ставни. Но разум спрятался в далекую крепость, и ураган не смог его достать. Еще четыре удара сердца на размышление, и Тамиё улыбнулась так умиротворяюще, как только могла. Мысленно она набросила на мироходца свое укрывающее заклинание, а потом достала новый свиток. Проскользнув в библиотеку, она тихо затворила за собой дверь. Ей еще не доводилось именно так применять эту историю — но она никогда не предполагала, что столкнется с безумным мироходцем-телепатом. Историю она много-много лет назад записала в мире пяти лун, где всюду, куда падал взгляд, был сияющий металл.

Оригинал

Когда их Творец пропал, существа, которых называл миэрами, оказались сбиты с толку.

Некоторые продолжали выполнять свою последнюю программу, снова и снова бесцельно повторяя одни и те же действия, а другие просто отключились и ждали команд — но команд не было. Гибель Мемнарха не убила их, но без настоящего сознания существование миэров вряд ли можно было назвать жизнью.

У некоторых миэров задачей было наблюдать за численностью братьев и собирать новых миэров взамен поврежденных и сломавшихся. Одного из таких сборщиков от многомесячной губернии пробудила команда: миэров его типа осталось слишком мало, и нужно было изготовить нового.

Однако теперь Творец не мог его направить, а четких указаний о том, как действовать, у миэра не было. Тогда он поступил так, как умел. Собрал нужные материалы, отнес их в сборочную камеру — небольшое сферическое помещение — и собрал миэра, такого же, как он сам.

В ходе сборки всегда был момент, когда Творец вдыхал в нового миэра разум и даровал жизнь. Но Творца больше не было. Инструкции же оставались. Тогда миэр решил использовать как образец свой собственный разум. Он скопировал его в нового миэра, и тот получился его точной копией и снаружи, и внутри. Задача была выполнена, миэр направился к выходу из камеры... но у выхода столкнулся со своим двойником.

Миэр попробовал пропустить двойника вперед, но у того возникла та же самая мысль. Они подождали одинаковое количество времени и повторили попытку — снова врезавшись друг в друга. Миэр и его двойник испробовали все, чтобы вырваться из замкнутого круга симметрии, но ничего не вышло. В конце концов они в ярости друг друга уничтожили.

Через некоторое время пришел третий миэр, ремонтник. Он починил одного из миэров и приступил было ко второму, но восстановленный остановил его, чтобы та же самая история не повторилась заново. Вместо этого он решил попробовать кое-что другое. Снова скопировав свой разум, он оставил его частицу пустой.

Новопробудившийся миэр смог таким же образом создавать новые копии с не до конца оформившимся разумом. Миэры множились, менялись, действовали самостоятельно и в конце концов приняли все те многочисленные формы, что известны нам сегодня.

Эту историю миэры прославляют как легенду о своем появлении, и причина, по которой они это делают, весьма любопытная. Существует три теории о том, какой из миэров в этой истории на самом деле стал прародителем всех этих существ. Это был первый миэр, создавший второго без указаний от Творца? Или ремонтник сперва починил второго миэра, и именно тот принял судьбоносное решение, которое привело к появлению новой расы? Или же прародителем следует считать первого миэра с неполной копией разума? Миэры расходятся во мнениях, и прославляют они именно это несогласие. Понимание, что они могут не соглашаться по столь фундаментальным вопросам, но оставаться в идеальном единении, и лежит в основе того, что делает их миэрами.

Глаза молодого мужчины закрылись, и он сделал несколько медленных глубоких вдохов. Когда глаза открылись вновь, они были спокойными.

— Спасибо. Ничего себе... Я... ох... Ох, надо же. Лилиана...

Он потер голову, словно получив удар, а потом беспомощно посмотрел на спасительницу.

— Меня зовут Джейс. А ты Тамиё, верно? Твой дневник...

Он протянул ей книгу двумя руками, но Тамиё выставила изящную ладонь, вежливо отказываясь.

— Это он меня сюда привел. Твои расчеты, открытия, луна — во всем это был смысл... вернее, мне казалось, что был. Меня охватило безумие, а ты... ты все исправила. Как-то. Я снова начинаю бредить. Наверное, звучит не лучше, чем когда я был рехнувшимся, только... в общем, спасибо.

Тамиё спокойно улыбнулась.

— Мой дневник. Я отдала его своему доверенному лицу, а теперь он у тебя. Ты что-то сделал с Дженриком, Джейс?

Человек отрицательно помотал головой.

— Нет. Но он не пережил того, что случилось в поместье Марковых.

На мгновение Тамиё замерла, молчанием почтив память друга, но не позволила горю проявиться у себя на лице.

— Ты должен уйти, Джейс. У нас опасно — но для таких, как ты, опаснее во сто крат. Твои телепатические силы налагают большую ответственность. Если ты сойдешь с ума, то можешь причинить огромный вред множеству миров, и с моей стороны было бы безответственным такое допустить.

— Нет, я понимаю, но...

Джейс замолчал. Ему понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что это была угроза. Он поднял руки, повернув к Тамиё ладони, и сделал шаг назад.

— Тамиё, я только хочу помочь. Мы можем спасти это место. Я и мои друзья — мы поможем тебе разобраться, что происходит, и все исправить. Мы уже такое делали... ну, что-то вроде.

Тамиё приподняла бровь и ничего не сказала.

— Послушай, я, как и ты, знаю, что в центре всего происходящего находится Авацина. И у нее, как у любого живого существа, есть разум, а значит, я могу выяснить, что на нее влияет. Могу остановить ее, если до этого дойдет. А потом мы сможем перейти к следующему шагу.

Фрагменты Головоломки | Иллюстрация: Магали Вильнев

Улыбка Тамиё пропала.

Ты ничего *не знаешь*, Джейс. Ты подозреваешь. Строишь догадки. У тебя есть свидетельства, но далеко не убедительные. Что ты на самом деле знаешь об Авацине? О ее назначении? Ты даже не представляешь, что случится, если уничтожить ее. Авацина служит оберегом для целого мира — ты когда-нибудь

слышал, чтобы миросвязанные таким образом взаимодействовали с Мультивселенной? Я скажу тебе откровенно, Джейс: знаешь ты гораздо меньше, чем не знаешь, а я здесь не для того, чтобы помогать этому миру. Я здесь, чтобы понять его. Чтобы описать. Чтобы узнать о нем истину и сохранить эту истину для будущего. Но этому миру, вероятно, грозит гибель, и я не намерена останавливать ее. Да, терять что-то красивое всегда печально, но эта красота непостоянная, как цветущий сад весной. Это всего лишь один из бесчисленных миров. Миров постоянно гибнут и обновляются. Ты действуешь из ложных побуждений.

Джейс дернулся, словно от удара.

— Но здесь живут люди... миллионы людей. Ты готова бросить их, оставить их участи? Безумию — или чему-то еще хуже? Наша сила позволила бы исправить ситуацию. У тебя есть эта сила. Ты поможешь мне?

Выражение лица Тамиё не изменилось, но в голосе стало чуть больше льда.

— Я уже помогла тебе, Джейс. Предлагаю компромисс. Я поделюсь с тобой результатами исследований, и этими сведениями ты с друзьями можешь воспользоваться, чтобы предотвращать подобные катастрофы в других мирах. Однако я записала десятки тысяч историй о героях, и любой герой — это просто ходячее бедствие со своей точкой зрения.

Но человек настаивал.

— Без убедительных свидетельств о самой Авацине твое исследование будет неполным. Неубедительным. С моей же помощью ты получишь историю во всей ее полноте. А если в процессе мне удастся остановить Авацину, то на твою работу это не повлияет, а бесчисленные жизни может спасти.

Она ощутила любопытство. Вернее, его круплицу.

— Четкое понимание состояния, в котором сейчас находится Авацина, принесло бы большую пользу, но я подозреваю, что если бы ты и смог проникнуть в столь чуждый разум...

— Я могу это сделать.

Наглость человека казалась Тамиё одновременно и очаровательной, и раздражающей.

— Если ты попытаешься, то ее безумие поглотит тебя, как уже было раньше. Но... теоретически, я могу подстраховать тебя. Привязать тебя к твоему рассудку. Однако если я решу, что опасность слишком велика, ты немедленно разорвешь связь, и мы уйдем. Кроме того, нам потребуется связать умы на самом основном уровне. Я буду понимать тебя, а ты — меня. И если мне не

понравится то, что я пойму, то мы снова поменяем условия соглашения. Ты же, в свою очередь, сможешь точно понять, на что я способна. Тебя это устраивает?

— Я согласен.

В мыслях Джейса словно зазвенел колокольчик. Его звук был чистым, безмятежным и гармоничным.

Это было приглашение.

Она узнала его за мгновение. Но знать этого человека оказалось нелегкой работой. Его разум был силен, но расколот на части... на тысячи частей, и каждая принадлежала своей личности. Многие из них старались сотрудничать, но некоторые...

Fact or Fiction | Иллюстрация: Мэтт Стюарт

Он стирал собственные воспоминания. Уничтожал собственную истину. Он вторгся в разум невинных людей, убивал в приступе гнева, использовал могущество в мелочных и эгоистичных целях.

И все же...

Он был способен на самопожертвование, понимание, отвагу... Был готов принять на себя ответственность. Пожалуй, слишком много ответственности для столь юного возраста. А если посчитать годы, грубо стертые из его памяти, то он получался еще моложе. Его стремление к истине было искренним, а намерение помочь жителям этого мира — чистым.

И он был примерно на семьдесят процентов уверен, что на самом деле способен сделать то, что утверждает.

Он узнал ее за мгновение. Но знать — не значит понять. Джейс всегда восхищался соратами Камигавы, их живым и дисциплинированным умом. Он увидел жизнь Тамиё, и ему стало физически больно от того, как отличалась она от его собственной жизни. Джейс был неприкаянным бродягой, а Тамиё всегда могла опереться на семью, традиции и дом.

Дом. Бесконечная библиотека высоко в облаках. Место, которое она любила больше всего на свете. Улыбки и знакомое тепло семьи. Дети. Они не до конца понимали, по каким местам она путешествовала, когда оставляла их одних. Но их лица светились радостью, когда она возвращалась с историями — невероятными, но правдивыми историями из мест, что им никогда не увидеть.

Он увидел ее бремя. Ужасное бремя *знания* и защиты истин, слишком опасных, чтобы произнести вслух, но слишком важных, чтобы забыть навсегда. Три закованных в железо свитка, и в каждом сила...

— *Джейс!*

Связь прервалась, и сознание мироходцев вернулось в мир, где находились их тела.

— Джейс, мое укрывающее заклинание пробил. К нам приближается могучее создание.

Человек кивнул, и два мироходца поспешили по коридору в центральный придел храма.

— Я постараюсь обратиться к Авацине. Отвлечь ее. Если придется — отвлечь *эмпатически*. У тебя будет совсем немного времен, чтобы остановить ее, прежде чем она убьет нас обоих.

Джейс раскрыл рот, чтобы ответить, но в этот миг все звуки заглушил вой ветра и звон разбитого стекла.

В воздухе парила ангел. Ее громадные крылья были запятнаны кровью, а наконечник копья сиял расплавленным металлом. На лице застыло выражение сдержанного изумления. Тамиё взмыла вверх, чтобы встретить ее взгляд. От взмахов крыльев ангела поднималась буря, когда же взлетела Тамиё, воздух даже не шелохнулся.

Правосудие Авацины | Иллюстрация: Виктор Адам Мингес

— Авацина! Я — чужая в твоём мире, и я по мере своих сил старалась быть уважительным гостем. Я хочу лишь мира и благополучия для тех, кого ты защищаешь. Ты — ангел, значит, поймешь, что я говорю правду. Что ты ответишь мне?

Лицо архангела искривилось в самом нелепом подобии улыбки, что за свою жизнь видела Тамиё, и, не раскрывая рта, Авацина испустила странный щелкающий смех. Ее скрипучий, болезненный голос напоминал о насекомых и о ногтях, скребущих по стеклу.

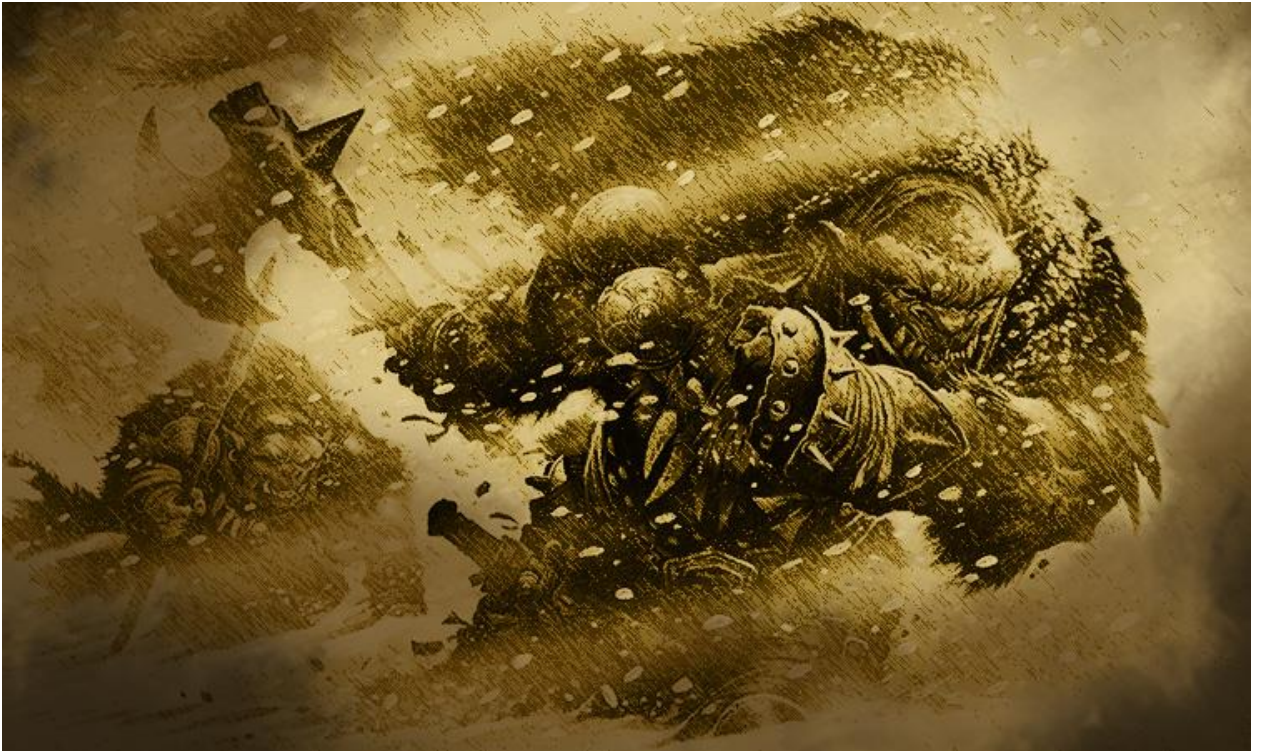
— Что... я отвечу? Я... защищаю. От тебя. Нарушительница. Захватчица. Грешница. Нечистая! НЕЧИСТАЯ!

— Понимаю, — ответила Тамиё, дожидаясь, пока раскроется свиток. — Что ж, очень жаль.

Ей понадобился лишь один быстрый взгляд на свиток. Это был плач горести, песня из древнего мира, где мороз и лед были опаснее любого чудовища. Песня о потерях и сожалении. Каждую строку из этой песни она знала наизусть.

Вой зимы

Он вышел рано утром из дверей —
Хозяйство обойти, проверить скот,
Но палачами стали на заре
Мороз и снег, и беспощадный лед.

Жена любила его громкий смех...
Она до ночи так и не узнала,
Что в ста шагах от дома на тропе
Кровь молодая в теле остывала.
Кричала в ночь, звала его домой,
Она — в то утро ставшая вдовою,
Но только холод с лютою душой,
Ответил леденящим душу воем.

Взмахнув могучими крыльями, ангел ринулась вперед, и Тамиё метнулась в сторону, едва сумев уклониться от пылающего копья Авацины. Пока та, взлетев под самую крышу, разворачивалась, Тамиё запустила в нее точно нацеленным зарядом ледяной бури. Несколько перьев в крыле ангела

замерзли и разлетелись на красно-белые осколки, снегом осыпавшиеся на каменный пол.

Авацина стремительно спикировала, копьем описав в воздухе широкую дугу. Тамиё устремилась ей навстречу, чтобы спровоцировать атаку, а потом резко ушла от копья вбок, осыпая ангела новыми морозными зарядами. Она попала ей в правое запястье, потом в сгиб левого крыла. Залетев противнице за спину, еще один заряд она направила туда, где правое крыло выходило из плеча. Авацина была быстрее, и единственный удар ее копья оказался бы для Тамиё последним, но она была в ярости, а движения соратами были рассчитаны с идеальной точностью. Лицо Авацины не выражало ни боли, ни злости, но ловкость заметно упала. Она замедлилась — и тогда собор затрясся от ее невыносимого смеха. В нем слышался стук иссохших костей и шорох мириад крыс.

Тамиё послала быструю мысль прячущемуся внизу Джейсу:

— *Она приспособливается. У нас мало времени.*

Авацина подняла копье, и в это мгновение Тамиё увидела в ней защитницу из историй, ту Авацину, что была маяком надежды для людей Иннистрада. От нее исходило слепящее сияние, освещающее каждый уголок собора, и Тамиё отшатнулась от его невероятной мощи. Сияние горело, невероятным весом давило на мироходцев. Свет прижимал Тамиё к земле, а Джейса поставил на колени. Ангел медленно спустилась, направив копье в грудь Тамиё, и ее ярость, казалось, прошла. Она была воплощением смертоносного изящества.

— *Почти готово...*

И тогда она застыла. От нее все еще исходило сияние, но она не шевелилась. Стоя в шаге от обездвиженной Тамиё, подняв копье, она не могла сдвинуться с места. Ни дыхания, ни трепетания перьев — полная неподвижность. Но и мироходцы не могли пошевелиться из-за давящего света.

— Сделано, Тамиё. Она... хм... не то чтобы совсем спит, но это самое близкое, чего я смог добиться.

— Джейс, может быть, ты не заметил, но...

— Я над этим работаю. Но послушай! Это она — источник безумия ангелов. То, что творится у нее в голове, как-то передается им. И церкви тоже. Но... она — не причина. На нее саму что-то действует, и... ты была права. Она до сих пор еще что-то сдерживает. Я не вижу, что, но думаю, если копнуть немного глубже...

— Джейс, достаточно.

— Погоди. Нет. Это...

Воздух наполнился смрадом гниющей плоти. Свет Авацины не погас, но потерял благородство. Он стал холодным, мертвенным, маслянистым и жестоким. Словно позабыв про Тамиё, ангел обратила взор на Джейса. Она сдвинулась с места и пошла к стоящему на коленях магу.

— Осквернитель, — прошептала она, и в ее голосе был треск кожи, сгорающей на костре. — Вор. Рассадник заразы.

Она наклонилась и положила руку ему на грудь. Все, что она шептала, заглушил дикий крик боли.

Авацина, Очистительница | Иллюстрация: Джеймс Райман

Тамиё сосредоточилась на связи их разумов, пытаясь хоть немного облегчить страдания, хоть немного унять боль, пока не настанет конец. Мучительная хватка ангела уже сорвала оболочки сознания мага, превратив мысли в бешеный хоровод агонии и пытки. Но его ментальная защита была многослойной, надежной, и боль еще не успела проникнуть в самые глубокие уголки разума Джейса.

— Тамиё. Свиток. Свиток в железе. Ты показала мне. Древняя история. Могучая история. Выжившие из погибшего мира... из владений Серры. Катаклизм... его мощь... история подходит. Ты сама знаешь. Останови это.

Даже чувствуя его мучения, даже понимая, что он уже умирает, и сейчас она станет следующей, Тамиё ни мгновения не колебалась, отвечая.

— И что тогда? Несмотря на безумие, она до сих пор защищает мир, Джейс. Ты когда-нибудь давал обещание? Я — давала, много лет назад. Обещание должно быть исполнено, и не только тогда, когда исполнить его легко. Мы даем обещания именно для таких времен — когда их отчаянно хочется нарушить. Нет, Джейс. Свиток останется закрытым.

Недоверие. Злость.

— Извини, Джейс. Рано или поздно всякая история заканчивается.

Я - АВАЦИНА

BY DOUG BEYER

Улики привели Джейса и Тамиё в Трейбенский собор, ставший домом для обезумевшего ангела Авацины. Авацина напала на них, и троица вступила в яростный бой. Джейс не смог совладать с божественной силой архангела, а Тамиё не захотела нарушать данное когда-то обещание, чтобы спасти их жизнь. И теперь Авацина надвигается на двух мироходцев, чтобы прикончить их.

Правосудие Авацины | Иллюстрация: Виктор Адам Мингес

Два демона валяются у меня в ногах, словно грязные пятна на полу собора. Они отводят глаза, недостойные встретить мой взгляд.

Я знаю, что они не из этого мира, но знаю, что у них идет кровь. Чувствую, как бьются их сердца, когда я направляю на них острие копья. Одно движение руки, и я разоблачу этих нечестивых тварей, отправлю их в бездну, где им самое место, и мой мир станет чище.

Я — Авацина. Я должна защищать.

Одна из тварей, демон в синем плаще, обращается ко мне. Он говорит, и я вижу, как черви сыплются у него изо рта.

«Авацина, ты не в себе, — кашляет он, поддерживая когтями голову. — Ты не должна этого делать».

Слова выползают из его рта, словно многоножки.

Мой взгляд — оружие, которое сильнее даже моего копья. Мои глаза видят то, что недоступно людям и недоступно даже ангелам. Я вижу, как ангельские вестники в витражных стеклах с почтением кланяются мне. Я вижу лунный свет, всюду сопровождающий меня, — даже здесь, внутри собора. Вижу, как белоснежные голуби разлетаются там, где ступни мои касаются земли. Но чаще всего я вижу мерзкую змеящуюся массу за людскими лицами. Отвратительную ложь, спрятанную в человеческом облике.

Лишь одна я способна вывести их на свет правосудия.

«Ты заболела или обманута, — говорит второй демон с длинными заведенными за голову ушами. Ее глаза — пустые впадины, и за ними я вижу извивающийся клубок грубых черных волос. — Ты должна защищать людей, а не творить... это».

Я протягиваю в ее сторону руку, и мой свет отбрасывает тварь назад. Она врезается в стену, кашляет, и звуки падают у нее изо рта черными волосяными комками.

«Я — оплот от пришедших извне демонов, — говорю я, направляя на нее копье. Наконечник превращается в указующий перст. — Я уничтожаю зло, и мне нет дела до того, откуда и в каком облике оно явилось. Я смотрела, как вы крадетесь по моим провинциям, пробираетесь в мою церковь. Но теперь я вижу вас. И вы ответите за прегрешения».

Я взываю к свету, и свет подчиняется мне. В ладони появляется холодный мерцающий огонь, и тень от пальцев ложится на трепещущих демонов.

«Больше ваша порча не будет разъедать Иннистрад», — говорю я.

Что-то происходит на крыше. Я поднимаю взгляд и вижу, как мириадами искр взрывается окно в потолке. Через него ногами вперед падает мужчина. Цветные осколки дождем сыплются на пол собора. Стекло отскакивает от моей кожи, а демоны прикрывают головы.

Иллюстрация: Уэсли Берт

Мужчина приземляется на ноги, сжимая в руке меч. Он встает во весь рост, топчя сапогами стекло. На нем нет ни единой царапины, а белые волосы едва растрепались.

Фишка Улики | Иллюстрация: Франц Вовинкель

Это один из кровососов, древний вампир. Я узнаю его, но не могу вспомнить имя.

«Не подходи, вампир, — говорю я. С тобой я разберусь позже».

Но он встает у меня на пути. Его оружие готово к бою: в одной руке длинный меч, в другой — заклинание.

«С тобой что-то случилось, Авацина, — говорит вампир. Его уста — словно пасть пиявки, слова просеиваются сквозь кровавую решетку острых клыков. — Я пришел помочь».

«Не пытайся остановить мое копье, кровосос, или на себе испытаешь его остроту».

Я не могу вспомнить, как называть его, но я *вижу* его. Его лицо — колышущаяся масса пиявок, извивающихся под кожей. От него несет кровью.

«Авацина! — произносит он. — Спустись со мной в подвал. Если ты подождешь немного, то поймешь, что я должен сделать...»

«Мой долг не может ждать», — прерываю его я. Я выпускаю заряд священной магии, и он попадает ему точно в грудь.

Вампир не сдвигается с места.

«Авацина! — произносит он. — Подвал. У нас с тобой неотложное дело».

«Сорин, — произносит одно из существ, направив свои пустые глаза на вампира. — Ты можешь помочь ей, верно?»

«Молчи!» — резко отвечает он, и сила его голоса заставляет демонов содрогнуться.

Он вновь оборачивается ко мне.

«Послушай меня. Если тебе не нравятся эти двое, то можешь убить их, прежде чем мы приступим».

Демоны переглядываются.

«Но пока мы с тобой не закончим, я не позволю тебе уйти».

На стропилах под крышей я слышу шум пернатых крыльев. Глаза дюжины моих священных ангелов смотрят на нас, сияющие и прекрасные, словно звезды в ночи.

Иногда я спрашиваю сама себя... Ангелы сотворены из доброты — но сотворена ли доброта из деяний ангелов? Я не знаю, почему этот вопрос пришел мне в голову сейчас.

«Предупреждаю тебя, вампир, — говорю я. — Эти чужаки — величайшая угроза Иннистраду, но ты рискуешь стать в моих глазах большим злом. Убирайся — иначе мой сонм сразит тебя».

Вечный Дозор | Иллюстрация: Чейз Стоун

Он делает шаг в мою сторону, не желая подчиниться. Я обрушиваю на него священный свет, но заклинание снова не причиняет ему вреда. Вампир наклоняет голову. В его глазах мне чудится озабоченность, но зубы пиявки сгибаются и разгибаются, насмехаясь надо мной. Я слышу смех. Крупица сомнения зарождается в моем разуме: я не жду поражения, но думаю, не *колебалась* ли я, когда творила заклинание. Может быть, я не хотела уничтожить его? Не знаю, почему это может быть так.

Я слышу, как хлопают крылья ангелов, усевшихся на стропилах наверху, и чувствую обращенный на меня взгляд их звездных глаз. Их свет укрепляет меня. Я поднимаю копьё, чтобы поразить вампира, и его наконечник искривляется клинком правосудия.

Вампир делает еще шаг, и наконечник копьё упирается ему в грудь. «Авацина, — слова вылетают из его окровавленной пасти. — Ты не можешь причинить мне вреда».

Он протягивает ко мне руку.

«И этому есть причина».

Его следующие слова ранят меня. Это лишь звуки, лишь сотрясения воздуха. Но я их чувствую, словно нож палача. Словно клеймо инквизитора.

«Я — твой создатель», — говорит он.

Слова кажутся старыми, словно они были вырезаны где-то внутри меня, но давно покрылись пылью. Теперь пыль слетела, и я вижу его.

Это Сорин из рода Марковых. Я вижу его. Его рот — вовсе не круглая пасть пиявки. Не знаю, почему он мог показаться мне таким. Его глаза — белое в черном — и высокие скулы напоминают мои собственные.

Он — мой создатель. Теперь я ясно вижу эту истину. И глядя на него, я вижу саму себя.

Он — причина моего существования. Он стоял надо мной, создавая меня, и был рядом в первые мгновения моего появления на свет. Это он вложил в меня осознание моего долга. Акт творения случился здесь, в глубинах этого самого храма. Теперь я знаю, что он создал меня, божество Иннистрада, с одной лишь целью.

Я — Авацина. Я должна защищать.

Искоренить чудовищ Иннистрада. Ответить на молитвы безвинных и истребить стремящихся навредить им. Защитить тех, кого иначе поглотит мрак этого мира.

«Ты — мой создатель», — говорю я.

«Да».

«Значит, ты должен быть добрым», — делаю я вывод.

Создатель улыбается, и его спокойная улыбка обнажает лишь самый кончик клыков.

«Ты — источник, — объясняю я. — Меня. А значит... и доброты?»

«Верно, Авацина. И чтобы ты могла полностью раскрыть свой потенциал, ты должна пойти со мной. Идем», — он протягивает мне руку, но что-то внутри не дает мне взять ее.

Я смотрю на двоих, с которыми сражалась. Они прижимаются спинами к стене нефа. В моих глазах они все еще выглядят демонами, но одновременно — женщиной и мужчиной. Магами. Смертными.

Их кровь пролилась в моем соборе. Я чувствую ее медный запах на своем клинке. Но это возможно, только если в них — зло. Если я сразила их — кем они могут быть, кроме чудовищ? Ангелы сотворены из доброты — сотворена ли доброта из деяний ангелов?

Создатель смотрит на меня. Его холодные глаза изучают мое лицо. Я вижу, как бьется пульс под бледной кожей шеи. В его жилах течет чья-то чужая теплая кровь.

Я — Авацина. Я должна защищать.

Но

Образы проносятся в моей голове.

я

Горят деревни.

их

Умирают невинные.

не

Мать плачет над телом ребенка.

защитила.

Это я зажгла огонь. Я убила этих невинных. Меня создали защитницей, хранительницей — но защитница принесла смерть и разрушения. Я была не только хранительницей, но и символом. Вокруг меня выросла церковь — но в церкви разгорелась фанатичная ненависть, а моя сила раздула пожар из искры.

Что это значит — быть доброй? Сотворена ли доброта из деяний ангелов?

Я смотрю на создателя и наклоняю голову.

Он сотворил меня — но сотворил несовершенной. Он сделал ошибку. Я — не защитница, но угроза. Оружие для тех, кто воспользовался мной против этого мира.

«Ты», — говорю я.

Развернув плечи, я расправляю крылья за спиной. Лунный свет омывает мое тело. Кожа сияет, и я вижу, как разлетаются по собору белые голуби. Теперь мне ясно, что я должна сделать.

«Авацина...» — низким, хищным голосом предупреждает вампир.

«Отпрыск рода Марковых! — объявляю я, поднимая копье. Острые клинки наконечника загибаются, готовые вонзиться в его грудь. — Ты позволил этому случиться!»

«Осторожнее со словами, дитя мое», — говорит Сорин.

«Я — не твое дитя, — говорю я. — Я — твое создание. Ты несешь ответственность за все, на что я способна. Твои намерения были нечисты, когда ты творил меня. Сорин Марков, я нарекаю тебя величайшим злом этого мира».

«Ты перешла черту», — шипит Марков сквозь зубы.

«Постой, Сорин, — начинает один из демонов. — Не надо. Последствия для этого мира...»

«Как ты позволил это? — спрашиваю я. — Почему сотворил меня такой?» Я прижимаю наконечник копья к его груди, царапая броню.

Марков усмехается. Клинок в его руке вспыхивает в падающем через разбитое окно в крыше свете. «Авацина, идем в подвал, — говорит он. — Мы поговорим о твоём творении».

«Ты создал меня, чтобы я истребляла зло этого мира, — говорю я. — И теперь я истреблю тебя».

Я бросаюсь вперед, вкладывая в удар всю свою божественную силу. Почему-то копьё не попадает в грудь, и я падаю вперед. Вампир обрушивает на меня вытягивающее жизнь заклинание, но я вовремя поворачиваюсь, чтобы отразить его.

Я выбрасываю вперед руку, вкладывая в удар силу света. Удар достигает цели, но рассыпается искрами по доспехам Сорина.

Вампир отвечает ударом плоской стороной клинка. Настолько сильным, что мне кажется, что он мог переломать мне все ребра.

Я обеими руками вздымаю копьё, направив наконечник в небеса. Вложив в оружие весь свой гнев, я слышу, как оно гудит, наполнившись божественной силой.

«Я создал тебя верной мне, — говорит Марков. Ты не можешь мне навредить».

«Может быть, нет, — отвечаю я. Но они — могут».

Сорин поднимает глаза и видит ангелов, которых я призвала на помощь. Они пикируют на него со стропил. Ему едва хватает времени закрыть лицо, и ангелы набрасываются на вампира, изящными руками впиваясь в него, словно когтями.

Но он отбивается, и его удары смертоносны. Одного ангела он пронзает насквозь мечом, второму разрубает крыло. Ещё одного ангела он бросает на

пол с такой силой, что раскалывает мрамор, еще одного — швыряет в колонну, превращая ту в каменные осколки. Последнего ангела он хватается за горло, и та атакует вампира когтями, целясь в лицо и плечи. Я направляю ей свою силу, но вижу, как жизнь черными нитями перетекает из ее глаз и рта вампиру. Она съезживается, широко раскрыв рот в гримасе ужаса.

Вампир поворачивается ко мне. Его кожаная одежда разорвана, доспех на груди раскололся. Мои ангелы ослабили его, но он далеко не побежден. Кончиком меча Сорин стучит по мраморному полу. «Это ничего не меняет, Авацина», — произносит он.

Я взываю, и три моих последних звездоглазых ангела, последние хранительницы собора, окружают вампира. Они бросаются на него, атакуя мечами и когтями, обрушивая на него ураган мощных ударов. Они кружат вокруг него, они кричат и нападают со всех сторон. Должно быть, Марков чувствует себя так же, как я в Хелволте, когда в черной безжизненной пустоте меня ранили крылья демонов.

По одному он убивает моих ангелов. Бросаясь на одну из них, он тащит ее, ломая ряды каменных скамеек. Вторая пикирует на него сверху, и он встречает ее ударом меча, насквозь пробивая грудь. Она падает безжизненной грудой перьев. Последнюю нападавшую он хватается за плечо, заглядывает ей в глаза и швыряет через поднимающееся до потолка витражное окно. Стекло разлетается на тысячи осколков. Ангел падает вниз, в пропасть за обрывом.

Марков снова оборачивается ко мне и скалит зубы, обнажая один из клыков. Я приставляю наконечник копья к его шее, но чувствую, как оно противится мне, не желая наносить вампиру вред. Я налегаю изо всех сил, но копьё просто не режет врага.

Тогда я смотрю ему в лицо. Напоминаю себе, что он — не вампир из благородного рода, а чудовище. Тварь из кошмаров, кровавый демон, пиявка.

И я вижу его заново. Его глаза превращаются в две зубастых пасти. Лицо — в отвратительную маску. Он — мой создатель, и он — воплощение зла.

«Авацина...» — начинает он говорить своим кровососущим ртом, и я вонзаю копьё в его шею, до кости прорезая плоть.

Он ревет и отскакивает назад, хватаясь за рану. Гнилостная слизь течет сквозь его пальцы, на плитах пола превращаясь в чахлую плесень.

Вампир бросается на меня, направив меч в сердце, и я отражаю удар копьем, высекая сноп искр. Я разворачиваюсь для удара, но он уже бьет меня когтями. Я наклоняюсь, и острые когти разрезают мне жилы в крыле. Я выпускаю в него

заряд света, но он встречает его сгустком магии крови, и мое заклинание рассыпается. С криком я устремляюсь вперед, и, схватив вампира, ломаю его спиной колонну, тащу его через стекло и деревянные щепки, впечатываю в стену собора.

Голова чудовища дергается, и я слышу, как ломаются кости. Рана на шее уже начала затягиваться.

Из губ в его глазницах тянутся слова. «Авацина. Я должен сделать это».

«А я — это», — говорю я и бью копьём в дыру в нагруднике чудовища с такой силой, что наконечник выбивает крошки из гранита в стенах собора, пронзив вампира насквозь.

Он ревет, и меня отбрасывает назад. Проскользив по полу, я останавливаюсь. Марков хватается за древко копья и вырывает из тела наконечник. На какое-то мгновение я замечаю слизистую тварь, служащую ему сердцем. Из раны валяются извивающиеся миноги. Вампир отбрасывает копьё и собственный меч, и они с лязгом ударяются друг об друга. Он проводит когтем по ране, и та затягивается.

«Ты потеряна, — произносит он. — Ты видишь во мне лишь чудовище и поэтому можешь причинить вред».

«Ты — грязное пятно на лице этого мира, — отвечаю я. — Лишь теперь я смогла увидеть это со всей ясностью».

Он нападает быстрее молнии, быстрее даже, чем до меня доносится звук его шагов.

Мы мертвой хваткой вцепляемся друг другу в плечи. Врезаясь в каменные скамейки, мы обращаем их в порошок. Мы взмываем в воздух, к стропилам, ломая балки, и гипсовая пыль и перья застыт нам глаза. Я царапаю ему лицо, и эти раны сразу не закрываются. Мои пальцы находят плоть и рвут ее. Едкий дым исходит из ран, и Трейбенский собор начинает рушиться. Камни летят вниз и разбиваются о пол далеко внизу.

Он кривится и вдруг вонзает когти в мои плечи, фиксируя меня. Я бешено молочу крыльями, чтобы удержать нас в воздухе. Его мускулы наливаются сталью, и он заводит мне руки за спину, выворачивая плечо. Я понимаю, что до этого он сдерживался. Вот его истинная сила.

Он кусает меня в шею, и я чувствую боль тысячи криков беззащитных людей, тысячи просьб о помощи, тысячи молитв, на которые я никогда не отвечаю. Я ощущаю, как кровь течет по жилам в моем горле, когда он высасывает ее.

Мы падаем — и в этом не виновата ни сила тяготения, ни слабость моих крыльев. Мы падаем, потому что он несет нас вниз и со всей своей силой впечатывает с высоты собора в его пол.

Через его пол.

Когда мы останавливаемся, то оказываемся в подвале Трейбенского собора, а над нами в мраморе зияет дыра. С края дыры свисает меч Маркова... потом падает вниз, острием царапая камень.

Я касаюсь холодного камня, рукой ищу свое копье, но не нахожу его. Должно быть, оно осталось наверху. Моя ладонь попадает на темное пятно, словно след ожога на полу, оставшийся от какого-то могучего заклинания. Пятно напоминает раскрытые крылья. Крылья ангела.

Подземелье Архангела | Иллюстрация: Джон Эвон

Демоны наверху выкрикивают предупреждения. Их мольбы эхом разносятся по залу. Для меня они звучат, как неотвеченные молитвы.

«Тебе должно быть знакомо это место, — говорит Марков, поднимаясь с меня, вставая на ноги и вытирая свою клыкастую пасть. — Здесь ты была создана».

Я поднимаюсь. Из раны на шее течет кровь, но я позволяю ей течь. В этом месте кровотечение кажется исцеляющим. «Здесь ты сотворил меня такой, какой я стала», — говорю я.

«Позволь помочь тебе, дитя, — произносит монстр. — Я могу... очистить твой разум. Ты вновь станешь достойным орудием добродетели. Я переделаю тебя заново».

Никогда. «Если я — не та дочь, что тебе нужна...» — начинаю я.

Он кривит лицо.

«...то нам придется драться — вновь и вновь, до скончания времен. Потому что я не сдамся тебе. Не стану орудием какого-то чудовища. Не позволю изменить себя таким, как ты».

В этом священном месте я уже чувствую, как ко мне возвращаются силы. Тут я буду неутомима. Еще немного — и я вновь смогу напасть на него.

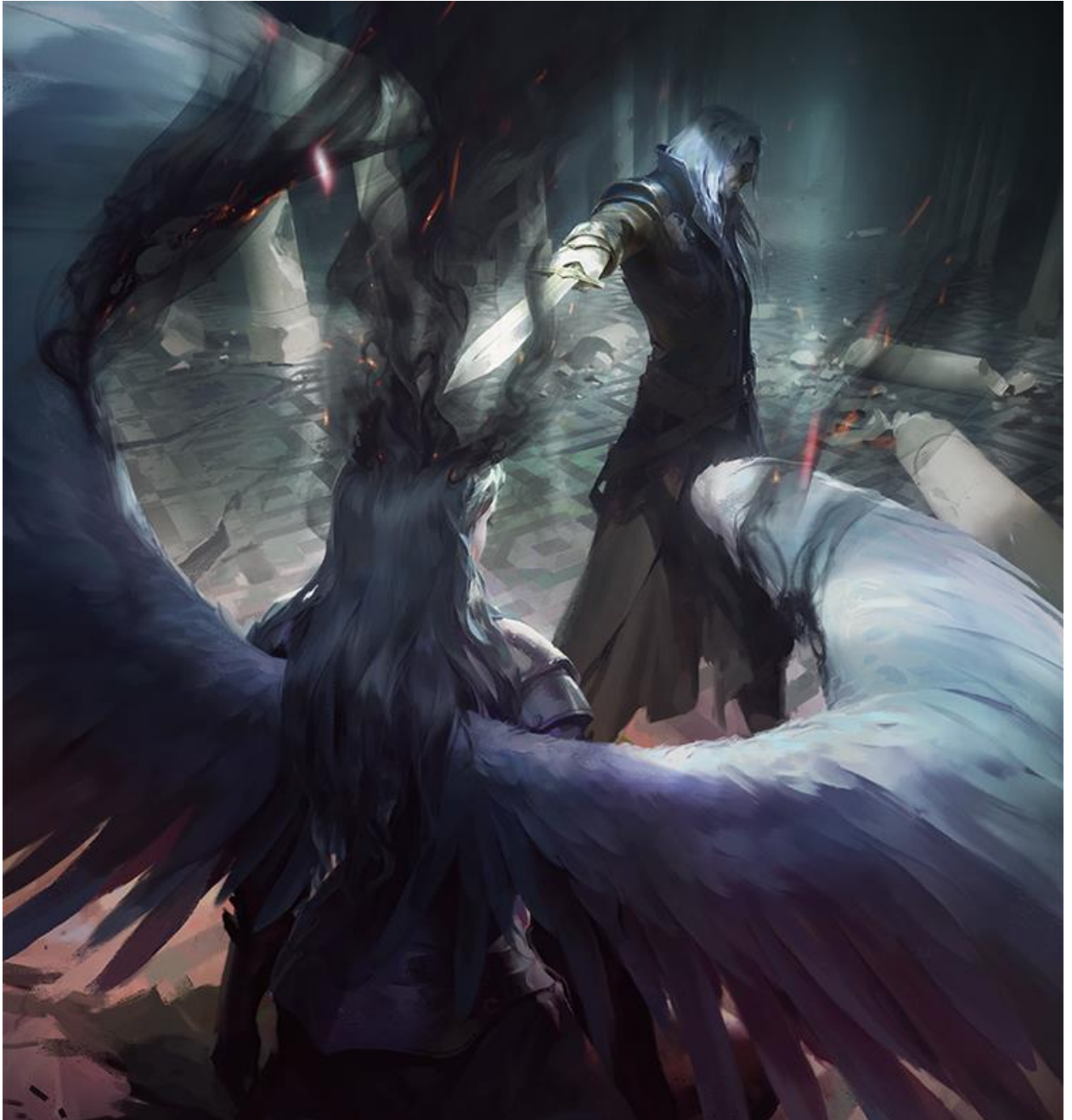
«Нет, — говорит Марков. — Это должно закончиться. Сейчас же».

«Я знаю, что ты сделаешь, — говорю я. — Давай же. Создай новую серебряную тюрьму. Брось меня в темницу. Только так ты помешаешь мне бросить все силы на твое уничтожение».

«Тюрьмы больше нет, — отвечает вампир. — Я не могу создать новый Хелволт и не могу создать новую тебя».

Я собираю силы. «Ты — мой создатель. Ты должен знать, как устроен мир. Что не может быть уничтожено, будет заковано».

Марков поднимает меч с каменного пола. Его голос звучит совсем тихо. «Но Авацина... ты можешь быть уничтожена».

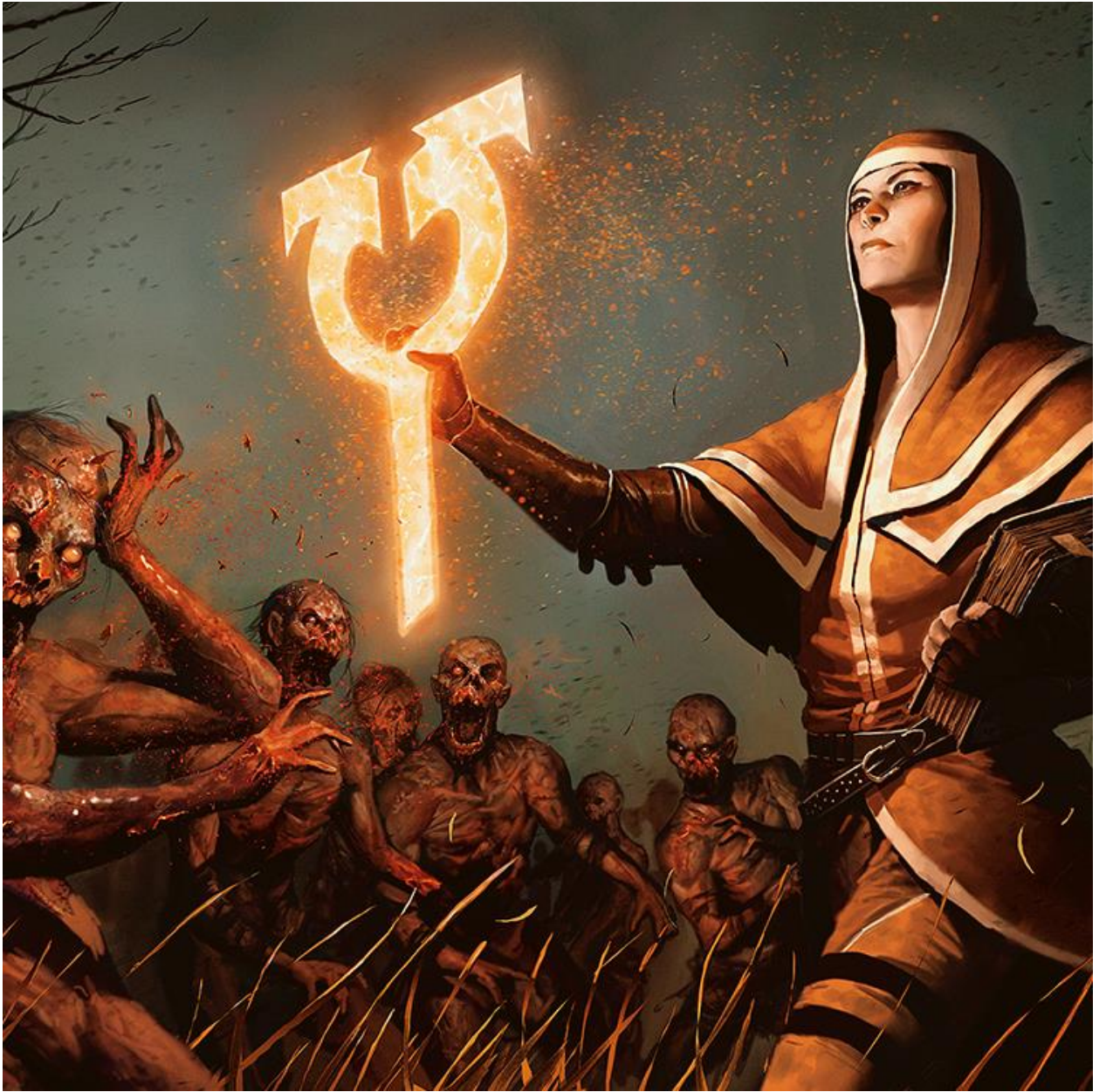

Мучительное Уничтожение (промо-карта Game Day) | Иллюстрация: Виктор Титов

Я не вижу его лица, потому что он отвернулся от меня. Я не вижу, чудовище он или человек. Я только вижу острие его меча. Я только слышу древние слова, слова заклинания, что читается с конца, слова дара, что забирают назад. Я только чувствую, как падаю на колени на твердый пол собора. Я только ощущаю запах пепла от чего-то горящего. Я только касаюсь тени на полу под ногами, моего первого следа в этом мире.

Я только могу произнести свою последнюю молитву. Все это время я только хотела сохранить невинных от беды.

Я — Авацина. Я должна защищать.

Святой Юстициар | Иллюстрация: Дэвид Рапоса

Самоотверженный Катар | Иллюстрация: Славомир Маниак

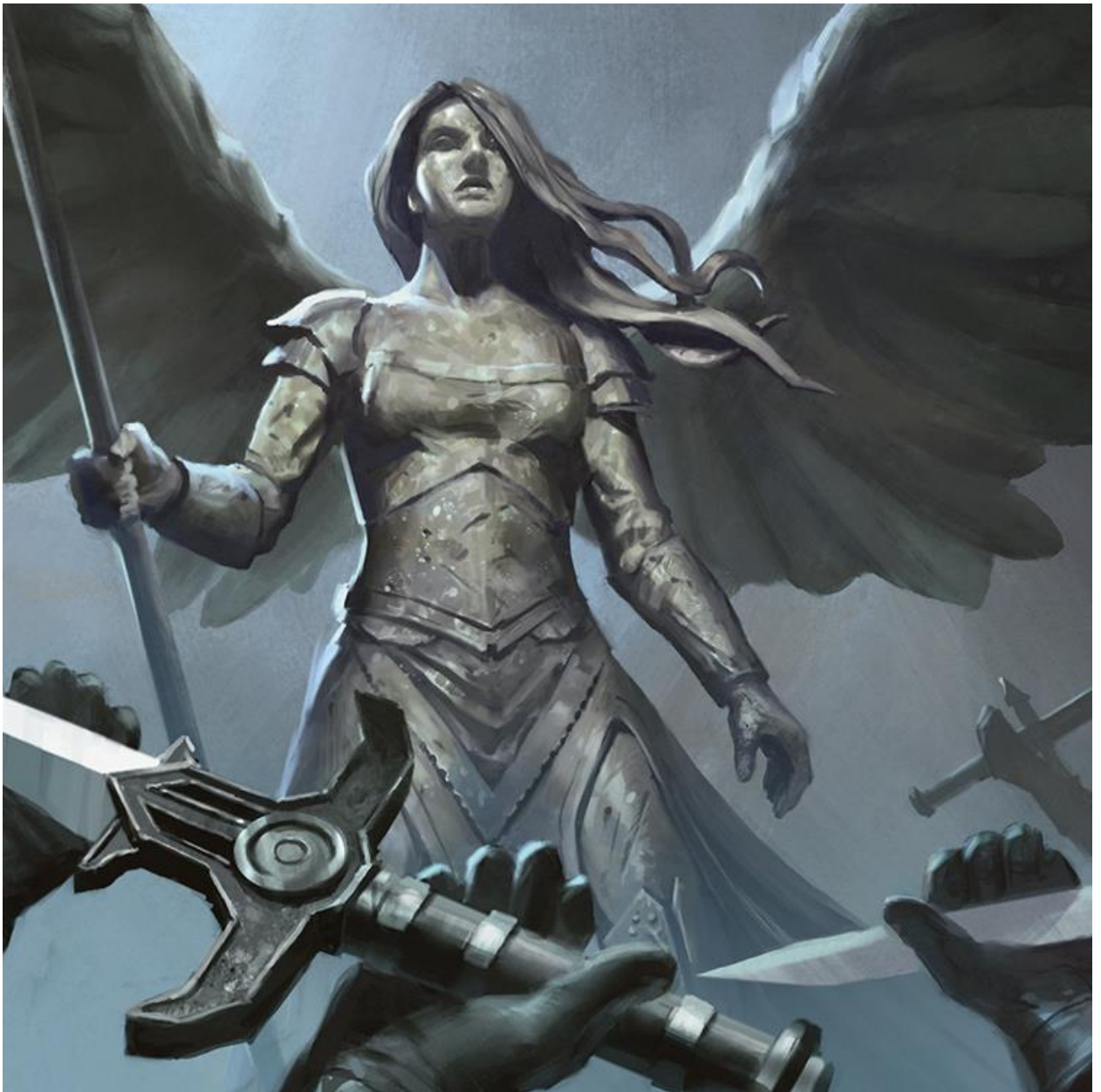
Лунный Мистик | Иллюстрация: Уэсли Берт

Привидение Святого Тракта | Иллюстрация: Дааркен

Поднять Знамена | Иллюстрация: Майк Бьерек

Растущая Преданность | Иллюстрация: Дэниел Льюнгрен

— Что... что ты *наделал*? — проговорил Джейс.

От обгорелого пятна на полу поднимался дым, клубясь в падающих через окна в крыше столбах света. Авацины больше не было. Собор вдруг стал слишком большим. Слишком много места было под крышей. Слишком пусто стало.

Джейс посмотрел на тень, в которую превратилась Авацина, потом на лицо Сорина. Вампир слегка дрожал и с силой сжимал меч, словно пытался сдержать бурю в своей груди.

— Я должен был это сделать, — прошептал Сорин.

Джейс всплеснул руками, не в силах определить о каком из десятка противоречащих этому утверждению фактов сказать первым. В конце концов от повернулся к Тамиё.

— Он *действительно* должен был?

Тамиё только грустно усмехнулась. Подобрав полы одежды, она присела и провела пальцами в перчатках по полу, собирая образец пепла. Потом она встала, потерла пепел между пальцами. Наконец, положив руку на небольшую подзорную трубу на поясе, словно на верное оружие, она посмотрела на Джейса.

— Будут... последствия, — сказала она.

Джейс кивнул:

— Люди этого мира потеряли защитника.

Глубокий, громогласный рокот вдруг прокатился по небу, словно утробный рев титанического существа. Звук отдался в груди Джейса, а с полочка посыпалась пыль.

Тамиё выглядела очень мрачно.

— *Мир* потерял защитника, — сказала она.

Снова раздался рокот, на этот раз под ногами. Земля дрожала, и сотрясения с каждой секундой становились все сильнее. Камни пола словно пытались вырваться из древней кладки. Осколки витражей, изображающих лик Авацины, посыпались из свинцовых оправ, и пустые залы заполнил звук бьющегося стекла.

Наконец, землетрясение унялось. Все звуки стихли.

Джейс смотрел, как Сорин убирает меч в ножны и отворачивается, опустив плечи и спрятав лицо в воротник. Вампир поднимался по лестнице, и от его ногтей оставались впадины в мраморных перилах.

Джейс заметил, что ступени истерты так, что посередине образовались углубления. Следы тысяч ног, спускавшихся здесь на протяжении тысяч лет. Веками люди приходили сюда поклониться. Веками искали Авацину.

— Что ты наделал?! — крикнул Джейс вампиру вслед.